

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Институт гуманитарных наук и искусств
Департамент «Филологический факультет»
Кафедра риторики и стилистики русского языка

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Сборник трудов молодых ученых

ВЫПУСК 5

2016

ББК Ш 141.12
УДК 811. 161. 1'06
М75

Издается по решению
кафедры риторики
и стилистики русского языка
Уральского федерального университета

Научный редактор
И. В. Шалина – доктор филологических наук,
профессор кафедры риторики и стилистики русского языка

М75 Молодые голоса: сб. тр. / Под ред. И. В. Шалиной. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2016. 194 с.

ISBN 978-5-91256-328-7

В пятый выпуск сборника научных трудов «Молодые голоса» вошли статьи студентов разных курсов, а также магистрантов и аспирантов кафедры риторики и стилистики русского языка филологического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Работы молодых исследователей отражают широкий круг актуальных проблем современной русистики: лингвокультурологии, когнитивистики, лингвистической персонологии, жанроведения, коммуникативной прагматики, стилистики, лексикографии, а также переводоведения.

Издание адресовано специалистам по русистике и переводоведению, аспирантам, магистрантам, студентам высших учебных заведений.

ББК Ш 141.12
УДК 811. 161. 1'06

ISBN 978-5-91256-328-7

Предисловие

В пятом выпуске сборника научных трудов «Молодые голоса» представлены статьи студентов разных курсов, магистрантов и аспирантов кафедры риторики и стилистики русского языка филологического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Работы молодых ученых отражают свежий взгляд на актуальные проблемы лингвистики, лингвокультурологии, когнитивистики, жанроведения, коммуникативной прагматики, стилистики и перевода на русский язык; представляют перспективные направления научных исследований, осуществляемых на кафедре риторики и стилистики русского языка ИГНИ.

Статьи Ы. Айдаровой, А.Н. Белобородко, Ван Вэньцзя, С.А. Демидовой, Ли Вэньлу, М.А. Лысенко, Ма Гуйин, Сюй Шаньшань, Хао Мэй посвящены осмыслению теоретических и практических аспектов исследования когнитивных структур – сценариев, фреймов, метафор, концептов, стереотипов, лингвокультурных типажей; выявлению идеальных представлений, коммуникативных норм, ценностных установок носителей лингвокультуры, а также ментально ценностных эталонов-объектов разных лингвокультур.

Статьи А.А. Берсеневой, И.Д. Панова Е.Б. Сидоренко, А.Туголбай кызы, Ю.С. Харитоновой, Цзя Пэнлин, Е.А. Чусовитиной, Е.Л. Шашмуриной, Ян Цин посвящены разноаспектным – стилистическим, категориально-текстовым, жанровым, речедейательностным – исследованиям монологических и диалогических текстов. Выбранные в качестве объекта исследования жанры (блог, ролевая игра, интернет-комментарий, лекция, интервью, политическое ток-шоу, проповедь) и типы коммуникативных личностей (ведущий, блогер, проповедник, творческая личность и др.) характеризуются разнообразием и представляют интерес в научном отношении.

Статьи Д.Г. Караульных, Т.В. Мальцевой, Е.В. Самковой, М.О. Калининchenko отражают опыт функционального анализа: синтаксических структур аргументативных фрагментов речи, контекстного окружения

слова с целью уточнения его значения, языковых средств выражения провокативности, метаязыковых операторов, гармонизирующих / дисгармонизирующих общение. Молодые ученые демонстрируют владение методикой лексикографического, лексико-семантического, контекстологического и других видов описания языковых единиц.

Теоретико-методические аспекты переводоведения отражены в статьях А.И. Алексеевской и В.И. Бортникова, Д.А. Бабинца, В.И. Бортникова и Т.В. Пыриковой, Е.О. Неугодниковой. В них рассматриваются проблемы современной теории эквивалентности: переводоведческие концепции эквивалентности, идентификация эквивалентности переведенного текста исходному, переводческая транслитерация и др.

Актуальная проблематика статей, внимательное отношение авторов к различным сферам языка и речи, владение современными фундаментальными и прикладными методами исследований, функциональный подход к изучаемому материалу – надежное свидетельство того, что голоса молодых ученых-филологов будут услышаны.

Профессор каф. риторики и стилистики русского языка,
доктор филол.наук **Шалина И. В.**

Содержание

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ы. Айдарова Парламентские выборы как событие: на подступах к сценарному описанию	7
А. Н. Белобородко Ценностные ориентации современной поп-культуры (на материале текстов песен церемонии «Золотой граммофон»)	16
Ван Вэньцзя Понятие «сценарий» в когнитивном и лингвокультурологическом освещении	21
С. А. Демидова Концепт «Семья»: православный взгляд (на материале дневниковых записей императрицы Александры Федоровны)	28
Ли Вэньлу Устойчивые сравнительные обороты со значением «характеристика глаз человека» в русском и китайском языках	35
М. А. Лысенко Счастье в метафорическом зеркале русской литературы и периодики	40
Ма Гуйин Русские устойчивые сравнения, характеризующие поведение человека	45
Сюй Шаньшань ИмPLICITное содержание брачных объявлений (на материале передачи «Давай поженимся»)	50
Хао Мэй Штрихи к речевому портрету тургеневской девушки	61

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Берсенева Тематическая специфика блога Бориса Акунина «Любовь к истории»	70
И. Д. Панов Стилистические контрасты в медиатексте	77
Е. Б. Сидоренко Ролевая игра живого действия и ее лингвистическая репрезентация	84
А. Туголбай кызы Коммуникативные особенности мусульманской проповеди	98
Ю. С. Харитоновна Коммуникативные стратегии и тактики ведущего политического ток-шоу (на примере передачи «Воскресный вечер»)	103
Цзя Пэнлин Стилистически маркированные речевые средства в пространстве русского диалогического взаимодействия: опыт анализа	108
Е. А. Чусовитина О некоторых приемах создания иронии в интернет-комментариях к политической статье	115

Е. Л. Шашмурина Тактика пояснения примером в рамках стратегии самопрезентации	121
Ян Цин Я-тема как средство выражения тональности в жанре лекции	127

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Д. Г. Караульных Опыт лингвистического анализа записей в твиттере В. В. Жириновского: на подступах к аргументации	138
Т. В. Мальцева Метаоператоры гармонизации и дисгармонизации речевого общения.....	143
Е. В. Самкова Языковые средства создания провокативных заголовков в интернете	152
М. О. Калинин Музыкальный ярлык INDIE и значение этого сокращения в контексте рецензий И. Козна	158

ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. И. Алексеевская, В. И. Бортников Трансформация как идентификатор эквивалентности перевода статей из «Википедии».....	164
Д. А. Бабин Исследование художественного перевода в свете теории уровнево-языковой эквивалентности.....	172
Е. О. Неугодинова Преподавание теории перевода в вузе: опыт построения плана-конспекта занятий по теме «Переводческие трансформации».....	180
В. И. Бортников, Т. В. Пырикова Транслитерация в художественном переводе: ГОСТ или переводческая интуиция?	187

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ы. Айдарова
магистрант 1 к. УрФУ

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ КАК СОБЫТИЕ: НА ПОДСТУПАХ К СЦЕНАРНОМУ ОПИСАНИЮ

В современных гуманитарных науках понятие «событие» используется как предмет исследования либо как термин метаязыка описания других явлений. Предмет нашего исследования — парламентские выборы в Кыргызстане как важное коммуникативное событие¹. Мы поставили задачу выявить и охарактеризовать некоторые существенные параметры данного события.

Лингвофилософская трактовка события основывается на определении его сущности и статуса по отношению к другим явлениям. В основе такого понимания представления о событии как изменении положения дел в мире. Событие рассматривается в тесной связи с понятием «факт». По Н. Д. Арутюновой, если событие принадлежит к числу онтологических объектов, таких как ситуация, процесс, происшествие, случай, то факт принадлежит к числу объектов эпистемического плана, наряду с пропозицией, суждением, утверждением, мнением, предположением. «Жизнь человека складывается из событий, но ее анкетное представление превращает события в факты» [Арутюнова 1988: 103]. Фактография парламентских выборов в Кыргызстане извлекается нами из русскоязычных газетах

Н. А. Самойленко, исследуя референтное событие, фиксирующее изменение в той или иной сфере действительности, включает в его состав инициальное и завершающее состояния. Под событием понимается «результат какого-то действия, поступок, явление, факт, обладающие

1 (Согласно ст. 71 Конституции Кыргызской Республики, Жогорку Кенеш является однопалатным Парламентом Кыргызской Республики, включающим 120 депутатов. Это законодательный орган, имеющий приоритет определения самых важных решений государства.

личной или общественной значимостью, нечто новое, изменение ситуации, положения дел» [Самойленко 1991: 8].

Диалогическое взаимодействие в совокупности определяющих его экстралингвистических (ситуативных, коммуникативных и социолингвистических) признаков рассматривается как коммуникативное событие [Борисова 2001: 15]. Это «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [Борисова 2001: 17]. По мнению И. Н. Борисовой, коммуникативное событие является событием процессуальным и занимает определенный отрезок времени, в котором развивается [Борисова 2001: 22].

Политическое событие можно считать разновидностью события коммуникативного. Язык политики выступает в роли связующего звена между обществом и властью. Выражая разнообразные установки и идеи, язык является инструментом, с помощью которого граждане пытаются понять и интерпретировать политическую действительность. Он также служит средством поддержания необходимого информационного уровня в масштабах всей страны. Показательно, что «политика — это система человеческих отношений, осуществляемых во многом с помощью языка <...> Именно изучение языка призвано выявить содержание мифов, иллюзий, стереотипов и в более широком смысле — всего комплекса вопросов» [Гаджиев 1994: 57].

В рамках политологической парадигмы событие определяется как «факт, имевший место в какой-либо из сфер жизни общества, на международной арене и оказавший воздействие на политические процессы, так или иначе повлиявший на деятельность субъектов политики» [Загладин 2000: 420]. При определении события как явления политического исследователи руководствуются разными критериями: выявлением границ политического пространства, то есть связи между людьми и политическими институтами, сферами деятельности политических субъектов и др. Событие способно сужаться и расширяться, ограничивая и расширяя круг вопросов, в решении которых необходимо участие субъектов политики. Анализ события вообще и политического события в частности требует описания «участников события, границ события, внутренних отношений между компонентами одного события, отношений между событиями» [Дубровская 2005: 133].

Выборы в парламент как событие имеют общественно важный характер и масштаб государственной значимости. Согласно толковому

словарю, выборы — это ‘избрание путем голосования депутатов, должностных лиц, членов организации’ [СОШ 2007: 143]. Методология нашего исследования строится на реконструкции сценария политического события. Парламентские выборы в Кыргызстане могут быть описаны в виде сценария — когнитивной структуры динамического характера, представляющей это политическое событие и предполагающей последовательную смену его этапов, эпизодов.

Сценарий (*cognitive scenario*) в когнитивной науке — это разновидность структуры сознания. Являясь относительно устойчивыми, обобщенными структурами прошлого опыта, когнитивные структуры вообще, и сценарии в частности, позволяют предвосхищать изменения объектов, порядок развития событий, их содержание и внутреннюю связь [Минский 1979: 151].

Способом оформления сценария могут стать специфические слова или тексты. Сценарий вырабатывается в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений, приписанных терминальным элементам. Индивидуальные утверждения, находящиеся в дискурсе, приводят к временным представлениям (соответствующим понятию «глубинной структуры»), быстро перестраиваемым или усваиваемым по ходу работы над разрастающимся сценарием [См.: Демьянков 1996: 182].

Сценарий может рассматриваться как лингвопрагматическая категория, инструментальная единица, позволяющая репрезентировать прототипические характеристики явления в виде описания речевых действий участников типичной коммуникативной ситуации на основе их интенций. Таким образом, это динамическое единство, в основе которого лежит ситуативно-тематическое развертывание мысли в рамках речевой ситуации.

Элементы сценария объединяются в единое целое по определенным правилам. Каждый из компонентов сценария может быть содержательно интерпретирован в конкретных условиях своего окружения, выражая отношение знака к обозначаемому им явлению, предмету, ситуации.

При интерпретации сценария учитываются следующие составляющие: *субъекты* (отдельная личность, микроколлектив, общность) речеповеденческих действий как участники различных коммуникативных событий и коммуникативных ситуаций; *хронотоп*, т.е. пространственно-временной контекст жизнедеятельности субъектов [См.: Шалина 2009:

75]. В рамках данной статьи мы ограничимся языковой характеристикой некоторых параметров сценария.

Участниками политического сценария становятся такие субъекты, как *политические деятели* (кандидаты на выборные должности), шире — *политические партии и организации* (1), а также *ЦИК* (центральный избирательный комитет) (2); *избиратели* (3) и *представители СМИ*, освещающие событие (4). Это активные участники сценария, хотя мера их активности разная. Пассивными субъектами политического сценария, по нашим предварительным данным, являются *наблюдатели*, роль которых молча наблюдать за происходящим, фиксируя соблюдение социальных норм или отступление от них. (5). Приведем развернутые примеры:

С момента вступления в силу закона, определяющего дату парламентских выборов (4 октября), политические партии, желающие пройти в парламент, произвели уже несколько процедур: уведомили о своем желании ЦИК; зарегистрировали своих представителей по финансовым вопросам; открыли специальные счета, где будут лежать деньги избирательного фонда. Теперь же потенциальные депутаты и их однопартийцы активно проводят съезды, где и принимается решение о том, кто попадет в список кандидатов политобъединения;

<...> до 25 августа, то есть в течение ближайшей недели, партии должны предоставить в Центризбирком документы по выдвижению кандидатов. Только после этого ЦИК может официально допустить партию к участию в выборном процессе.

*Большая часть опрошенных партий использует минимальный стандартный набор: баннерная реклама, листовки, встречи с **электоратом** на местах (Вечерний Бишкек; 18 мая 2015); <...> Тут следует напомнить, что реализовать свое право волеизъявления смогут лишь те **избиратели**, которые сдали свои биометрические данные. По последним сведениям, таких 2 651 415 человек. (Вечерний Бишкек; 20 августа 2015);*

Чтобы пройти регистрацию и в итоге победить на выборах, партии должны соблюсти целый перечень условий. «Вечерний Бишкек» решил опубликовать самые важные из них (Вечерний Бишкек; 20 августа 2015);

*Исполнительный директор Ассоциации «Таза Шайлоо» Айнура Усупбекова сообщила, что **наблюдатели** ее организации зафиксировали многочисленные случаи применения административного ресурса (Вечерний Бишкек; 02 октября 2015).*

В задачи любой политической партии входит создание продуманной предвыборной сценарной программы (платформы), которая помогла бы ей привлечь на свою сторону электорат — часть населения страны. Участие в предвыборной агитации требует от любого политика (президента на пост депутата) владения определенным политическим артистизмом, а именно, ораторским искусством, умением вести полемику, подать себя аудитории, что способствует завоеванию симпатий разных групп избирателей. Стандартный вариант проведения предвыборной кампании по всей стране предполагает рассказ кандидатов о себе и о решении наиболее важных проблем в стране [Бабаева 2003]. В предвыборных программах политические партии декларируют множество целей и задач, которые должны быть осуществлены в будущем, но глобальная цель всегда одна — завоевание власти.

Как видно из примеров, политические партии и потенциальные кандидаты в депутаты от партий ведут активную политическую работу, о чем свидетельствует лексемы (*реклама, листовки, встречи с (электоратом)*), словосочетания, построенные на основе подчинительной связи (глагол + существительное): *производить процедуры, уведомить о своем желании, зарегистрировать представителей, открыть счета, проводить съезды, принимать решения, представить документы, пройти регистрацию, соблюсти условия, пройти шестой созыв, принять участие в выборах, приходить к избирателю, убеждать голосовать* и др. Деятельная работа субъектов обозначается с помощью наречия *активно*, а также глагольных и именных однородных рядов.

Конкретизация субъектов осуществляется посредством номенклатурных словосочетаний, указывающих на политический статус, должность субъектов, а также имен собственных: *лидер парламентской фракции социал-демократов Чыныбай Турсунбеков; юрист партии «Бутун Кыргызстан Эмгек» Махабат Жумагулова; член политсовета партии «Куч Кыргызстан» Расул Умбеталиев*. На абстрагированный характер субъектов указывают номинации с обобщенной семантикой (*государство, политическая элита*); номинации политических партий (*«Ата Мекен», «Бир Бол», «Ар-Намыс», «Онугуу-Прогресс», «Азаттык», «Республика - Ата-Журт», «Аалам - партия беспартийных», СДПК, «Бутун Кыргызстан Эмгек», «Замандаш», «Улуу Кыргызстан», «Кыргызстан», «Мекен Ынтымагы» и «Конгресс народов Кыргызстана»*).

Показательно, что описываемый субъект вступает в разнообразные связи и отношения с административными, профессиональными и домовыми структурами:

*Действуют партии также через **домкомов**: так, по данным «Ата Мекена», работники администраций, учителя, главы квартильных комитетов и домкомы приходят к каждому избирателю, который сдал биометрические данные и убеждают голосовать за «Республику».*

Вторым важным субъектом политического сценария являются избиратели (электорат, голосующие, кыргызстанцы). От их голосов, (реализации права волеизъявления) во многом зависят результаты выборов. Ср.:

*В Кыргызстане в выборах приняло участие порядка **60% избирателей**. Об этом на пресс-конференции сообщил **председатель ЦИК Туйгунаалы Абдраимов**. По его словам, это более **1,5 млн избирателей** (Вечерний Бишкек; 04 октября 2015); В количественном выражении ответить на этот вопрос сложно — здесь все зависит от того, сколько кыргызстанцев решат воспользоваться своим правом голоса. (Вечерний Бишкек; 20 августа 2015).*

Средствами выражения субъекта-избирателя, маркерами его личного пространства становятся личные и притяжательные местоимения (я, мы, наш), глаголы 1-го лица мн.ч. Избиратель в ходе предвыборной кампании реализует свои права и обязанности: *сдает биометрические данные, идет на выборы, интересуется (чем-л.), голосует/ пользуется своим правом голоса, отказывается голосовать*:

*У меня знакомые работают в штабе партии «Бир бол», и как-то между делом один раз встретились, разговорились, и **я поинтересовалась**, могут ли они помочь **нам** отремонтировать **наш подъезд**, так как давно не **можем** объединиться с жителями, собрать деньги <...> (Вечерний Бишкек; 02 октября 2015).*

Важным субъектом политического сценария является *Центральный избирательный комитет*, олицетворяющий идею легитимности и честности выборов, их демократический характер. Аббревиатуры *ЦИК*, *ЦИК КР*, сложносокращенное слово *Центририбирком*, словосочетание *контрольно-ревизионная комиссия ЦИК*, безличные и неопределенно-личные конструкции указывают на абстрактный характер данного субъекта политического сценария. Этот субъект контролирует предвыборную деятельность политических партий и лиц (*допустить к участию*

в выборах, зарегистрировать, аккредитовать СМИ, подсчитать голоса, сообщить о явке избирателей):

Как и прежде, промежуточные итоги голосования будут отражаться **на сайте Центризбиркома**. В самом **ЦИК уверяют**, что ход выборов можно будет отследить в реальном времени, поскольку новое оборудование (в том числе автоматически считывающие урны) позволит мгновенно передавать данные из избирательных участков на центральный сервер (Вечерний Бишкек; 20 августа 2015); По данным **контрольно-ревизионной комиссии ЦИК**, по состоянию на 7 сентября 14 партий, участвующих в выборах, внесли более 388 млн сомов на спецсчета (Вечерний Бишкек; 08 сентября 2015); **ЦИК зарегистрировал 14 политических партий, которые примут участие в выборах**: (Вечерний Бишкек; 04 сентября 2015).

Средства массовой информации (СМИ) занимают в структуре избирательной системы исключительное положение: они являются ведущим каналом коммуникации, обеспечивая обмен информацией между субъектами выборов. Абстрактный субъект *СМИ* конкретизируется: телеканал, радиостанция, газета, журнал, интернет-издание, «Вечерний Бишкек» и др. Функция *СМИ* — многостороннее освещение политических выборов, ведение хронологии событий:

Для освещения выборов Центризбирком аккредитовал 204 **СМИ** (41 телеканал, 25 радиостанций, 138 периодических изданий (газеты и журналы). Также ЦИК КР подписал меморандум о сотрудничестве с интернет-изданиями (Вечерний Бишкек; 04 сентября 2015).

Указанные субъекты относятся к числу структурных компонентов, обеспечивающих связь между гражданским обществом и сферой политики, на них основывается взаимодействие любого члена социума и органов государственной власти.

Кратко остановимся на хронотопе — пространственно-временных координатах выборов. В данном сценарии *реальным пространством* является *Кыргызская Республика (Осенью в Кыргызстане ожидается проведение парламентских выборов)*. Реальное время — 4 сентября — 4 октября 2015 г. Языковые средства с пространственной семантикой представлены наречиями места, топонимами (названиями локуса — села, региона, города, области), предложно-падежными формами с локальным значением, глаголами со значением обнаружения признака в пространстве, синтаксическими конструкциями со значением местонахождения. Используются также пространственные метафоры. Например:

В Чуйской области на 16. 00 проголосовало 173 544 человека, или 38,2%; В Оше явка составила 45 740 человек, или 34,3%; В Бишкеке проголосовало 130 743 человек, а это 35,5%; В Нарынской области наблюдается высокая активность избирателей, там проголосовали 64 665 избирателей, или 43,1%; В Иссык-Кульской области обеспечили явку 37%, на участки пришли 89 098 жителей.

Временные маркеры сценария обозначаются с помощью наречий времени, числительных, существительных с темпоральной семантикой, глаголов совершенного и несовершенного вида:

Сегодня, 11 августа, состоялось подписание меморандума о сотрудничестве между Центральной комиссией по выборам и проведению референдумов и интернет-изданиями Кыргызстана; Осенью в Кыргызстане ожидается проведение парламентских выборов, по результатам которых станет известно, депутаты каких политических партий в ближайшие пять лет займут кресла в Жогорку Кенеш; 4 сентября в Кыргызстане официально стартовала предвыборная агитация политических партий в Жогорку Кенеш. Выборы состоятся 4 октября 2015 года.

Важным для нашего исследования является вопрос о структуре сценария. По мнению зарубежных исследователей, в основе сценария как пропозициональной модели лежит структурная схема пути: источник - путь - цель, где источником является исходное состояние, целью — конечное состояние, а события между ними рассматриваются как точки на пути [Лакофф, Джонсон 1990:230]. Сценарий как когнитивная структура в линейной плоскости может быть представлен следующими этапами: экспозицией, завязкой, осложнением действия, кульминацией, развязкой, эпилогом. Обозначим пунктирно линейную схему сценария парламентских выборов в Кыргызстане:

— экспозиция (предвыборная кампания, ведущаяся до начала официального объявления о предстоящих выборах: *До того момента, когда в Кыргызстане пройдут выборы в парламент, остается менее полугода. И несмотря на то, что официальный старт предвыборной кампании партий еще не был официально объявлен, она постепенно входит в активную фазу* [18 мая 2015];

— завязка (Указ президента о назначении выборов депутатов нового созыва Жогорку Кенеша и уведомление партии в ЦИК об участии в парламентских выборах);

— осложнение действия (предвыборная агитация, предвыборная гонка, пиар-кампании, дебаты, политические конфликты, провокации,

«день тишины» и др.: *Наиболее активные в гонке партии фиксируют нарушения друг друга аккуратно. Начиная от запрещенных баннеров с черным пиаром заканчивая снятием плакатов администрациями аил окмоту. Почти каждой партии есть, что сказать* (Вечерний Бишкек; 02 октября 2015);

— кульминация (собственно выборы);

— развязка (подсчет голосов избирателей, объявление результатов парламентских выборов);

— эпилог (*После выматывающих выборов незаметно прошла неделя. Сейчас народ интересуют вопросы: из каких партий сформируется коалиционное большинство? Кого отберут главой правительства?* [13 октября 2015]).

В данной работе нами намечены лишь контуры политического сценария. Была представлена попытка описания сложной структуры субъектной организации сценария. Дальнейшая реконструкция сценария позволит более углубленно описать функционально-ролевые характеристики субъектов, а также установки, эксплицирующие политические, моральные и иные ценности.

Использованная литература

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. — М.: Наука, 1988.
2. Бабаева Е. В. Лингвокультурологический анализ текстов партийных программ / Лингвистика: Бюллетень Урал. лингв. о-ва. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2003.
3. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
4. Гаджиев К. С. Политическая наука. — Москва: СОРОС — Международные отношения, 1994.
5. Демьянков В. З. Сценарий // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., и др. — М., 1996.
6. Загладин Н. В. Событие политическое // Политическая энциклопедия: в 2-х томах. — М.: Мысль, 2000. — Том 2.
7. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. — М., 1990.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний: Пер с англ./ Под ред. Ф.М. Кулакова. — М.: Энергия, 1979.
9. Самойленко Н. А. Семантика событийности и способы ее выражения: автореф. дис ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1991. [Электронный ресурс]. —

Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ob-interpretatsii-ponyatiy-sobytie-i-rechevoe-sobytie-v-lingvistike#ixzz44IxxAdzq>.

10. *Толковый словарь русского языка*. Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. — М.: ОНИКС Мир и Образование, 2007.

11. *Шабес В. Я.* Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности. Событие и текст: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1990. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ob-interpretatsii-ponyatiy-sobytie-i-rechevoe-sobytie-v-lingvistike#ixzz44JAKu2qV>

12. *Шалина И. В.* Уральское городское просторечие: культурные сценарии. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2009.

Статья рекомендована доктором филологических наук, доцентом И. В. Шалиной

А. Н. Белобородко
студентка 3 к. УрФУ

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОП-КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН ЦЕРЕМОНИИ «ЗОЛОТОЙ ГРАММОФОН»)

Значительное воздействие на коллективное сознание в современном обществе оказывает массовая культура, которая содержит в себе масштабную систему концептов, влияющую на сознание индивида и предписывающую ему определенные установки. Когнитивная лингвистика, изучающая заданные мыслительные акты, «...исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [Попова, Стернин 2010: 12].

Концепт как ключевое понятие когнитивной лингвистики определяется как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека» [Кубрякова 1997: 90]. Исследования В. И. Карасика позволяют судить о наличии трех образующих в понятии концепта: образная, понятийная и ценностная. [Карасик 2002: 91]. Совокупность этих образующих составляет культурно значимые представления, и воссоздание этих представлений можно осуществить методом культурного сценария.

Вслед за И. В. Шалиной будем определять культурный сценарий как «вписанный в типичный хронотоп, динамически заданный, повторяющийся разворот определенного события (или цепочки событий), участниками которого каждый раз становятся разные лица, эксплицирующий жизненные представления, коммуникативно-этические нормы и ценностные установки коммуникантов, связанные со значимыми объектами жизнедеятельности» [Шалина2009: 75].

В качестве языкового материала исследования выступают тексты песен, исполненные на церемонии «Золотой Граммофон» в 2013 и 2014 гг. Такой выбор обусловлен возможностью наиболее широко определить ценностные предпочтения массовой аудитории. На церемонии Золотой Граммофон исполняют композиции, получившие наиболее высокий рейтинг, т.е. финалистов выбирает аудитория результатом народного голосования в хит-параде «Золотой Граммофон» на «Русском Радио» [Режим доступа: <http://www.rusradio.ru/air/zg/prizes/>]. Анализ материала помогает определить наиболее востребованные культурные сценарии.

В исследовании культурных сценариев важно учитывать ценностный параметр, поэтому приведем значимое для работы определение: «Ценность — это сложившаяся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемая людьми форма их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать «иное» и сохранить в памяти прошлое [Современный философский словарь 2004: 788]. Культурный сценарий позволяет отследить ценностные ориентации, транслируемые массовой культурой в общество и усваиваемые им.

При анализе культурного сценария, понимаемого как тематически определенный текст, следует учитывать несколько параметров. Во-первых, это субъекты, в роли которых может выступать отдельное действующее лицо или их общность. Они являются участниками или свидетелями тех событий, которые легли в основу сценария, а также предстают носителями гендерного статуса. Во-вторых, анализ хронотопа. Пространственно-временные рамки, в пределах которых происходит действие, имеют характеризующее свойство относительно события. В-третьих, предметом исследования должна стать событийно-фактологическая канва деятельности субъектов [Шалина2009: 75].

Обратимся к анализу текстового материала. Одной из победивших в зрительском голосовании является песня «Первая любовь — любовь

последняя», исполненная Ириной Аллегровой и Славой. В заглавие вынесено суждение о ценности первой любви. Объектами типовой ситуации являются лица, номинированные местоимениями *я*, *ты*, а также персонифицированы такие абстрактные понятия, как жизнь: *жизнь в лицо кидалась грязью*; разлука: *разлука в дом вошла*, гордость: *гордость женская выиграла*.

Определить временные рамки помогает употребление глаголов настоящего и прошедшего времени. Сюжет песни разворачивается в прошлом. Героиня встречает первую любовь, отвергает ее и впоследствии становится несчастной: *жизнь в лицо кидалась грязью, первую любовь не приняла всерьез, гордость женская выиграла, отпустила, и разлука в дом вошла, ты моя любовь последняя была*. Об этих событиях героиня повествует в реальном времени, сопровождая рассказ описанием текущей несчастливой жизни: *Нежная и пошлая, а теперь лишь прошлое, Но день ото дня не легче, протекает жизнь дождями горьких слез*. Такая ретроспекция позволяет героине осмыслить эпизод, произошедший с ней в прошлом, оценить его значимость и попытаться что-либо предпринять.

Разбор событийной канвы позволяет проанализировать сюжет текста песни и определить ценностные ориентации. Героиня является религиозно ориентированной женщиной, о чем свидетельствует отсылка в первом четверостишье к Богу и небесным силам; страх перед ними и упование на их помощь: *Я, запутанная связью, перед Богом страх. Уже не сдерживал ангел, не ругал, но не поддерживал ангел, не ругал*. Следуя композиционному разворачиванию текста, несчастной героиня становится после ее отречения от любви: *Первую любовь не приняла всерьез*. Отречение произошло вследствие ее гордости: ***Гордость женская выиграла; отпустила, и разлука в дом вошла***. Гордость является смертным грехом, и за ним обязательно последует искупление. Героиня обречена на страдание ввиду неправильного выбора в прошлом; она остается в одиночестве вспоминать и сожалеть о первой любви: *Только от нее мне не найти спасения, Но день ото дня не легче, протекает жизнь дождями горьких слез*. Пытаясь вернуть упущенное счастье, она просит возлюбленного простить ее: *Хочешь, пойми, сможешь, прости*.

Сюжет, который представлен в данном тексте, может трактоваться как типовая ситуация: сожаление о первой любви. Автор хочет донести до слушателя мысль о том, что первую любовь нужно беречь. Героиня не удержала свое счастье, так как была горда. Прослеживаются следующие культурные установки: *Первая любовь — это важнейшая ценность*,

которая способна осчастливить человека, но может и омрачить его жизнь; Удерживать любовь должна женщина; Положительные отношения строятся на женском смирении и покорности; Если женщина проявит гордыню, то она рискует остаться в одиночестве, что является ее горьким уделом.

Песня «Доброе утро» в исполнении Веры Брежневой начинается с приветствия и пожелания человеку добра, радости и оптимизма. Тема текста — начало нового дня, благо, которое он с собой приносит. Выразителем идеи радостного начала дня является героиня, о чем говорят глаголы 1-го л. (*не уйду, не отдам*) и притяжательное местоимение *мой* (*мои родные люди*). Отметим лексемы с положительной коннотацией, усиливающие позитивное восприятие песни: **родные люди, всем тем, кого вы любите, дыши свободно, проживи в любви, путеводная звезда.**

Пространство разделено на два начала, именуемых *темнота* и *свет*, которые можно модифицировать в *ночь* и *утро* без потери семантики: *В темноте можно падать и лететь, Но когда поднимается солнце над внезапно притихнувшим миром.* Ночь выступает как время фантазий, откровенности, полета и любви: *В темноте можно видеть, что хотел* — что невидимо при свете и не встретится нигде. *В темноте можно падать и лететь, не боясь прикосновения обнаженных душ и тел.* Утро — это пролог дня, время не молчания, но искренности, добра и любви, не сугубо личной и интимной, о которой говорилось ночью (*прикосновения обнаженных душ и тел*), а направленной на всех окружающих и на весь мир: *Но когда поднимается солнце над внезапно притихнувшим миром. Когда смысла в молчании нет* — наступает рассвет! *Доброе утро, всем тем, кого вы любите.* Тема доброго начала дня подтверждается дальнейшим анализом текста песни. Героиня приветствует аудиторию, желает ей блага. Слова с негативной семантикой отсутствуют.

Событийную канву составляет обращение героини ко всем, кто ее слышит: общности людей (*Доброе утро, мои родные люди*) либо отдельному человеку, на что указывает глагольная форма императива 2-го л.: *Дыши свободно и проживи в любви этот день.*

Второй куплет песни — о любви, любимом человеке. Героиня демонстрирует готовность удержать любовь и отстоять свое положение: *Никогда не уйду и не отдам.* Она осознает свое чувство как непреходящую ценность: *Все проходит в этом мире, только это — навсегда.* Героиня также выступает хранительницей счастья своего избранника.

© Белобородко А. Н.

Желая доброго утра всему миру, она желает добра и ему. Забота о его благополучии является обязанностью женщины: *Пусть не гаснет никогда над твоею головою путеводная звезда*. Выделим ценностную установку важности любовных отношений и необходимости их оберегать.

Песня «Только» певицы Нюши также затрагивает тему взаимоотношений между влюбленными. Героиня, обращаясь к любимому, упоминает об обиде, которую нанесла в прошлом: *Как же я могла так обидеть тебя!* После произошел разрыв отношений, и в настоящее время происходит объяснение героев. Пространственно-временные отношения обозначены в тексте лексически: *только не здесь, только не в этой комнате*. Мотив отдаления влюбленных эксплицирован глаголом *бежать*, несущим семантику активного дистанцирования: *Только не беги, только не беги от меня* (Бежать. 1. Двигаться быстро, резко отталкивающимися от земли движениями ног) [СОШ 2004: 36]. Просьба не убегать повторяется в тексте четыре раза. Очевидно, реакцией на обиду стало охлаждение чувства любимого: *Только не молчи, не молчи больше так*.

Героиня отказывается слушать возлюбленного, не верит в подлинность его чувств, страдает: *Я не хочу слышать, что ты говоришь мне, это не так, и я не верю тебе*. Ее желание вернуть любимого и восстановить прежние отношения сильно, она принимает решение сражаться за любовь и убедить возлюбленного простить ее. Рефреном звучат строки об искренности чувств героини (*чувства были правдой*), она подчеркивает, что желает любимому только счастья (*Тебе я не враг*), пытается сблизиться с ним (*Хочешь обнять, но чувствуешь выстрелы*). Парадоксально, что героиня не просит прощения за свой поступок: *Как же я могла так обидеть тебя?* Возможно, она не считает себя виноватой.

Прослеживается ценностная установка на *сохранение отношений*: женщина обидела своего избранника, но, ссылаясь на неподдельность своих чувств, просит его не уходить. Искренность ее сердца должна помочь отпустить вину, забыть гордость и восстановить гармонию отношений.

Реконструкция культурных сценариев позволяет выявить в текстах популярных песен ценностные ключевые идеи: первая любовь, долговременность любовных отношений, победа любви над обидами. Эти идеи определяют поведенческие принципы, создавая социокультурный опыт современников.

Использованная литература

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.
3. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Академический проект, 2004.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: А ТЕМП, 2004.
5. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2010.
6. Русское Радио [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rusradio.ru/air/zg/prizes/>
7. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, доцентом Т. В. Ицкович

Ван Вэньцзя
аспирант 2 к. УрФУ

ПОНЯТИЕ «СЦЕНАРИЙ» В КОГНИТИВНОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Когнитивная лингвистика, сформировавшаяся в 80-е годы XX в., изучает язык как средство кодирования, хранения, передачи информации. «Это междисциплинарная отрасль современной лингвистики, сосредоточенная на когнитивной функции языка и возникшая на базе когнитивистики — науки о познавательной деятельности человека. Целью когнитивной лингвистики является раскрытие механизмов восприятия, категоризации, концептуализации знания» [Матвеева 2010: 147]. Для реализации этой цели может быть использована когнитивная структура, выступающая совокупностью организации представления знаний о действительном мире, средством кодирования, хранения, трансформации и передачи информации. Она входят в ядерную часть концептов как иерархически организованные устойчивые смыслы и одновременно как определенная содержательная форма. [См.: Орлова 2005: 43]. Типичной когнитивной структурой выступает сценарий.

Сценарий — это динамически представленный концепт как последовательность нескольких эпизодов во времени. Фактически это фрейм, разворачиваемый во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов.

Дифференцируются понятия «когнитивный сценарий», «культурный сценарий» и «коммуникативный сценарий». Охарактеризуем их. А. Д. Шмелев отмечает, что в зарубежных исследованиях описываются когнитивные сценарии и культурные сценарии, для которых существуют свои собственные термины: соответственно *cognitive scenario* и *cultural script*. В самом общем виде *когнитивный сценарий* представляет собой типичную ситуацию, которой соответствует употребление определенного языкового выражения, ментальную схему, знание и понимание компонентов которой позволяет адекватно ориентироваться в общении, организовывать и прогнозировать реальное или потенциальное поведение в соответствии с этой схемой.

Когнитивный сценарий может быть рассмотрен не только как эксплицитный способ представления информации, но и как способ формирования и функционирования мнений и установок человека. В таком случае его стоит трактовать как культурный сценарий. Так, А. Д. Шмелев в предисловии к работе А. Вежбицкой «Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики» отмечает, что термин «*культурный сценарий*» (*culture script*) следует использовать для описания характерных для некоторой данной культуры правил поведения, представлений о том, что хорошо и что плохо, «культурных предписаний», «ценностных установок культуры» [Шмелев, 2001: 12]. В интерпретации этого сложного понятия он опирается на опыт лингвокультурологического анализа, представленный в работах А. Вежбицкой и ссылается на понятие «*культурно-обусловленный сценарий*» (ср. термины “*cultural frame*”, “*culturally shared ideas*” [См.: Вежбицкая 1999]) как «внешнее выражение скрытой системы «культурных правил»» (“*cultural rules*”) [Вежбицкая 2001: 159], или правил, регулирующих речевое поведение людей в определенных речевых ситуациях [См.: Вежбицкая, Годдард 2002: 121]. Эти сценарии А. Вежбицкая описывает с помощью разработанного ею естественного семантического метаязыка (NSM), позволяющего выявить культурно-специфические отношения, основные положения, нормы с нейтральной, независимой от культуры точки зрения. По мысли А. Вежбицкой, разные способы говорения, (т.е. разные коммуникативные нормы) отражают разные культурные ценности, или, по крайней мере, разные иерархии

ценностей. Иными словами, это разделяемые носителями культуры убеждения, которые определяют, как люди оценивают реальное или воображаемое поведение: какие виды поведения являются принятыми, желательными, поощряемыми, с одной стороны, и какие — неприемлемыми, нежелательными, непоощряемыми, с другой. Они лежат в основе верований, убеждений, взглядов и коммуникативных средств, обычно связанных с ними. Они принадлежат к тому, что чаще называют *doxa* — общеразделяемый набор твердых убеждений, распространяемый на всех тех, кто принадлежит к данной культуре.

А. С. Кармин и Е. С. Новикова предлагают следующее (образное) осмысление сценариев, которые организуются и определяются культурой: «Культурные сценарии — это обусловленные имеющимися в культуре знаниями, ценностями и нормами каналы или пути, по которым может в данном обществе проходить жизнь и деятельность людей. Их можно схематически представить в виде траекторий, проходящих через какие-то «ниши» культурного пространства» [Кармин, Новикова. 2005: 138]. Каждая отдельная личность живет и действует, выстраивая свою индивидуальную жизнь и деятельность по программам, которые определяются социальными условиями и усвоенными личностью культурными установками. Будем называть программы такого рода сценариями. Сценарий — это развертывающийся в определенном социокультурном контексте план действий личности. По мнению вышеуказанных авторов, следует разграничивать два вида культурных сценариев: «общий культурный сценарий и индивидуальный культурный сценарий». Первый предстает как эталонный сюжет в пространстве культуры, дает человеку общие контуры и принципы. Конечно, каждый человек выбирает какие-то из них в зависимости от конкретных обстоятельств жизни и своих личных особенностей. Эта конкретизация главной сюжетной линии образует второй сценарный слой — индивидуальный сценарий деятельности, в котором основной сюжет приобретает своеобразие, характерное именно для данной личности [там же]. Тем не менее, вероятность определенного, культурно и коллективно обусловленного, поведения людей выше. Исходя из того, что культурные сценарии формируются благодаря коллективной духовной деятельности народа, люди, иногда даже неосознанно, следуют традициям, обычаям, которые уже сложились в культуре. «Сила общественного мнения, господствующих в культуре установок заставляет людей в своей жизни и деятельности осуществлять то, что положено по культурному сценарию» [Там же: 139].

Для нас важна мысль, что культурные сценарии приписывают людям различные роли, которые они играют в определенном контексте своей жизни. Благодаря культурному сценарию, соответствие действий человека обеспечивается условиями общественной жизни. Он делает поведение людей понятным для других и предсказуемым, однако, рамки культурного сценария стандартизируют мышление людей, и это может ставить их в тупик, когда они оказываются в жизненных ситуациях, не предусмотренных эталонными культурными сценариями.

Понятие «культурный сценарий» делает ключевым в своем диссертационном исследовании И. В. Шалина [См.: Шалина 2009]. Разные культурные сценарии реконструируются ею на основе не отдельных культурноспецифических слов (что принципиально для данной работы), а на основе текстов-разговоров носителей просторечной лингвокультуры — людей, связанных поколенческой общностью. Культурный сценарий понимается автором как «вписанный в типичный хронотоп, динамически заданный, повторяющийся разворот определенного события (или цепочки событий), участниками которого каждый раз могут становиться разные лица (коммуниканты). Этот сценарий эксплицирует жизненные представления, коммуникативно-этические нормы и ценностные установки, презумпции, предписания и запреты, связанные со значимыми объектами жизнедеятельности» [Шалина 2009: 75]. Исследователь выделяет общий (жизненный) и частные культурные сценарии. Основные участки жизненного сценария формируются и выверяются в первую очередь под влиянием норм, ценностей и традиций, усвоенных с детства, сложившихся в данной культуре [там же: 73]. Общий культурный сценарий дает разверстку в частные культурные сценарии, которые могут реконструироваться целостно или фрагментарно.

Симптоматично, что органическим параметром культурного сценария являются, кроме хронотопа (пространства и времени) и композиции, его участники, рассматриваемые в функционально-ролевом аспекте. Например, культурном сценарии «Жизнь в деревенской семье» выделяются роли *отца, матери, дедушки, бабушки, брата, сестры, детей, свекрови, мачехи* и др. В культурном сценарии «Встреча друзей», эксплицированы роли *друга, закадычной подруги*.

В современной лингвистике все чаще закрепляется мысль о том, что речи (диалогу или разговору) свойственно существование в определенных структурных моделях коммуникативного поведения [См.: Т.А. ван Дейк,

Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин, И.П. Тарасова, Б.Ю. Норман, А. Вежицкая и др.].

Коммуникативно обусловленный сценарий, являясь одним из вариантов фрейма и представляя ситуативно-тематическое развертывание мысли в рамках речевой ситуации, соотносится с определенными речевыми жанрами в зависимости от целевой установки субъекта речи, от коммуникативного контекста, возможности множественной интерпретации высказывания со стороны адресата. Данный вид сценария для конфликтной коммуникативной ситуации описывается как «распределение ситуативно-коммуникативных ролей (*конфликтант* и *респонсор*), коммуникативной инициативы и взаимно скоординированных стратегий речевого поведения партиципантов» [Борисова 2006: 96].

По мнению В. И. Беликова и Л. П. Крысина коммуникативная ситуация состоит из ситуативных переменных, в которые входят следующие компоненты: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношение между говорящими и слушающими и связанная с этим; 4) тональность общения (официальная — нейтральная — дружеская); 5) цель; 6) средство общения (язык или его подсистема — диалект, стиль, а также параязыковые средства — жесты, мимика); 7) способ общения (устный / письменный, контактный / дистантный); 8) место общения [Беликов, Крысин 2015: 46]. Изменение любого компонента ведет к изменению коммуникативной ситуации и, следовательно, коммуникативного поведения участников.

Значимости ситуативных переменных различаются. Более значимыми представляются те переменные, «которые отражают некоторую лингвистическую или социальную заданность структуры общения» [там же: 47]. Для экспликации своего мнения ученые приводят пример «общение судьи и свидетеля». Известно, что общение судьи и свидетеля в зале судебных заседаний отличается большой официальностью используемых обеими сторонами языковых средств. Выходя из служебной роли, судья перестает находиться со свидетелем в тех отношениях, которые предписывают им обоим определенное речевое поведение. Например, если и тот и другой едут в автобусе, роли их превращаются в модель «пассажир — пассажир», их речь будет менее официальна.

Изменение места коммуникации не всегда ведет к изменению характера речевого поведения, если отношения партиципантов остаются прежними. Изменение цели и отношение между участниками коммуникации кажутся более значимыми, чем другие ситуативные переменные.

Согласно цели и отношению между адресантом и адресатом говорящий выбирает соответственный языковой стиль и речевой акт. Например, «просьба, угроза, клятва, извинение, приказ, оправдание и тому подобные интенции говорящего облекаются в форму соответствующих речевых актов, которые отличаются друг от друга, как по целям, так и по характеру совмещения в них разных функций языка» [Беликов, Крысин 2015: 47—48].

Когнитивный подход к изучению речевого поведения интересен с точки зрения предсказуемости развития взаимодействия коммуникантов, поскольку фрейм и другие когнитивные единицы закрепляют стандартный набор способов речевых действий и их последовательность в развитии коммуникативной ситуации, что дает возможность избежать неожиданностей в общении и, следовательно, коммуникативных недоумений и неудач.

Культурный сценарий, отражающий ситуацию приема в доме гостя, моделирует Г. Е. Крейдлин. В частности, он приравнивает такой сценарий к невербальному ритуалу и выделяет в нем три части: встреча гостя, угощение гостя и проводы гостя. Разумеется, каждая из частей предполагает некий разговор, который не обязательно может касаться важных моментов в жизни. Первая часть — встреча гостя — предполагает, что гость раздевается, хозяин проводит его в комнату или на кухню, предлагает сесть (иногда только жестом руки), но часто гостя сразу просят занять место за столом. Действия хозяина и гостя исследователь предлагает описать в виде отдельных пропозиций, образующих сценарий соответствующей части ритуала «прихода в гости»:

[Люди делают примерно следующее]:

когда человек приходит к ним в гости и звонит (стучит) в дверь, они встречают его и

предлагают снять верхнюю одежду;

гость снимает ее и спрашивает, следует ли ему разуться;

затем, либо сняв, либо не сняв обувь, он проходит в сопровождении хозяина в комнату, на

которую тот ему указывает;

в случае, если угощение гостю уже приготовлено, хозяин может предложить ему сразу

пройти к столу и указать, какое место занять.

Приведенные пропозиции являются фразами метаязыка, или языка смыслов. Он включает в себя не только смысловые примитивы (атомы

смысла), но и более крупные единицы (молекулы смысла) — *гость, хозяин, приходить, дверь* и др. Молекулы принадлежат разным семантическим и функциональным полям: *гость и хозяин* описывают социальные роли, другие единицы определяют условия бытования ритуала — место. Время, действия участников ритуала, материальные или природные объекты и т.п. [Крейдлин 2013: 114—115].

Итак, в нашем понимании понятие сценарий является родовым для понятия ролевой сценарий, которое укрупняет такой органический сценарный параметр, как участники события. Последние рассматриваются в аспекте их функционально-ролевых характеристик. Идея расслоения личности на ролевую оболочку и, более глубинную, культурную основу, позволяющая увидеть, как в коммуникативном взаимодействии через проигрывание определенных ролей эксплицируются культурные ценности, представляется продуктивной для нашего исследования.

Использованная литература

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996.
2. Беликов И. В., Крысин Л. П. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2016.
3. Борисова И. Н. Конфликтогенная ситуация в повседневном общении // Язык вражды и согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография. — Екатеринбург, 2006. — С. 89—125.
4. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
5. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. — М.: Прогресс, 1989.
6. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. — М.: Языки русской культуры, 1999.
8. Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. — Саратов, 2002. — Вып. 3. — С. 118—156.
9. Кармин А. С, Новикова Е. С. Культурология. — СПб.: Питер, 2005.
10. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. — М.: НЛЮ, 2002.

11. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М., 1989.
12. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д: Феникс, 2010.
13. Никитина В. В. Культурный сценарий и его языковое обеспечение как элемент лингвокультуры: на материале английского культурного сценария «Гостиничный сервис»: дис. ... кан. филол. наук.— Самара.— 2006.
14. Орлова Н. В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка): Монография. — Омск: Вариант-Омск, 2005.
15. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2010.
16. Стернин И. А. О национальном коммуникативном сознании// Лингвистический вестник. — Вып. 4. — Ижевск, 2002. — С. 87—94.
17. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.
18. Шмелев А. Д. Взаимодействие языка и культуры: от словаря до языкового облика морально-религиозной проповеди [предисловие] // Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М., 2001. — С. 9—13.

Статья рекомендована доктором филологических наук, доцентом И. В. Шалиной

С. А. Демидова
студентка 1 к. УрФУ

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ»: ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЗГЛЯД (НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ)

На протяжении всего существования человечества концепт *семья* является одним из самых важных и актуальных для всех исторических этапов его развития. Каждая нация, в зависимости от языка, территории, климата, определенного уровня социального и технического развития, а также религии, создает свои законы семьи как основы мира и сохраняет главные идеи рода, ответственности за него, его защиты и развития, воспитания. Исходя из этих принципов, предки всех народов строили свой быт, закладывая в него определенные этические аспекты. Сейчас в обществе наблюдается достаточно большое количество разводов, происходит постепенное разрушение семьи, против которого активно

выступает церковь. Религия всегда являлась защитником целостности и полноты семьи. Она уделяет особое внимание моральным правилам, показывает яркие наглядные примеры.

В настоящей статье объектом рассмотрения является концепт *семья* в православии. Выбор вероисповедания, осуществленный св. князем Владимиром, оказал существенное влияние на дальнейшее всестороннее развитие русского государства. Православная вера — спутник жизни русских, она предполагает постоянную духовную работу над собой, ответственность за свои поступки, путь к спасению души. Православная Церковь рассматривает понятие *семья*, как очень важный этап в жизни человека — прохождения его жизненного пути. В православии человек никогда не бывает душевно одиноким, потому что над ним Бог, понимаемый как «Абсолютная Благодать, Первопричина всего Сущего» [ФС 2004: 484].

Человек не может существовать в земном мире без себе подобных. Бог даровал ему для духовного и физического совершенствования спутника жизни. Идея брака реализуется, например, в житиях святых — людей, угодивших Богу. Следовательно, для рассмотрения данного концепта необходим пример жития святого, имевшего семью. В нашей работе в качестве образца выбрана царская семья Романовых. Сегодня семья царя Николая — это одна из самых знаменитых и почитаемых святых семей в православии. Это многодетная семья, где уделялось особое внимание воспитанию детей, ставился акцент на правильном взаимоотношении членов семьи. Этим обуславливается выбор данной темы.

Сохранилось достаточно много исторических сведений о личности императора и других членов его семьи, вплоть до переписок и личных дневников императрицы, в которых Александра Федоровна четко и понятно передает свои наставления. На этом основании материалом исследования были выбраны дневниковые записи и письма св. императрицы Александры Федоровны. Мы опирались также на Библию как основу христианского учения и Домострой, в котором отражаются религиозные установки относительно семейного быта.

Обратимся к термину «концепт», который появляется в научной литературе в середине XX-го века: впервые его употребление зафиксировано в 1928 году в статье С.А. Аскольдова «Концепт и слово». Под концептом автор понимает «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 267—279].

Авторы «Краткого словаря когнитивных терминов» рассматривают концепты как идеальные абстрактные единицы, смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления. Концепты отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей деятельности человека и процессов познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов знания». По мнению Ю.С. Степанова, «концепт — микромодель культуры, он порождает ее и порождается ею. Являясь «сгустком культуры», концепт обладает экстралингвистической, прагматической, т.е. внеязыковой информацией» [Степанов 2001: 40]. Исследования показывают, что концепт является семантически глубже, богаче понятия. Концепт приближен к ментальному миру человека, следовательно, к культуре и истории, поэтому имеет специфический характер.

Концепт имеет полевую структуру. И. А. Стернин и З. Д. Попова предлагают полевую модель концепта по аналогии с полевой организацией значения слова. Исходя из того, что значение слова имеет полевую структуру (архисема в ядре, дифференциальные семы на ближней периферии, скрытые семы на дальней периферии), авторы предлагают допустить, что и концепт имеет многослойную организацию. Концепт может получить полевое описание — в терминах ядра и периферии. К ядру относятся прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные яркие образы; более абстрактные признаки составляют периферию концепта. [Кононова 2012: 49].

Для того чтобы выявить архисему ядра данного концепта, обратимся к тексту Священного Писания. Как было отмечено выше, оно является тем источником, на котором базируется все христианское богословское учение. В православном сознании все существующее берет начало от любви Бога к людям: *«Так о бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный»* [Ин. 3: 16]. Таким образом, в центре концепта находятся **вера и любовь** как объединяющий элемент. Другие составляющие располагаются вокруг центра.

Далее обратимся к словарным определениям и выявим идентификационные признаки понятия *семья*.

Семья — 1. Группа живущих вместе близких родственников. 2. Объединение людей, сплоченных общими интересами [ТС 2007: 873]. *Семья* — родственная связь по свойству или общность по имени

предка (*фамилия*) — в отличие от кровного рода и близости дружбы. По исходному смыслу *семья* — то, что находится 'на общем стане', прежде всего в одном жилище, и в древнерусском понимании объединяется понятием «дом» (домашний очаг, домочадцы), а затем как общее противопоставляется *чужому* и чуждому (*гость*; «вся семья вместе, так и душа на месте»). Это близость, в которой все прощается, в которую могут прийти и дальние («чужак-чужанин, а стал семьянин» — о зяте). Социальное понятие *семьи* мыслится как единство двух родителей с детьми [Словарь ... 2014: 232].

Итак, признаками понятия семья являются следующие: группа живущих вместе близких родственников; общность по имени предка; объединяемое понятием «дом», «домашний очаг»; противопоставление чужому; близость и единство родителей и детей.

Проанализируем письма Александры Федоровны и выявим составляющие концепта семья. Как было сказано выше, в семье Романовых уделялось особое внимание воспитанию детей, взаимоотношениям членов семьи. Письма императрицы пронизаны заботой о семье, внутренней силой, дарованной для борьбы с жизненными трудностями. Вся сила души Александры Федоровны направлена на поддержку супруга, детей. Она пишет [См.: tsarnicolay.blogspot.com: 2011]:

«Брак был частью замысла Божия, когда Тот создавал человека. Это самая тесная и самая святая связь на земле». Из этого следует, что брак благословлен Богом и Божественный замысел состоит в том, чтобы брак приносил счастье, чтобы он делал жизнь человека более полной.

Православное сознание любовь к ближнему не отделяет от любви к Богу. На первом месте — духовная любовь. Она строится на доверии и верности. Разум и сердце не должны находиться в конфликте, они активно взаимодействуют друг с другом: *«Всегда любить — это долг. Любовь самое великое в жизни. Великое искусство — любить друг друга нежно. Это должно начинаться с родителей. Абсолютное доверие — это основа любви. Тень сомнения разрушает гармонию семейной жизни. Если же брак не становится счастьем и не делает жизнь богаче и полнее, то вина не в брачных узах, а в людях, которые ими соединены»*. Здесь выявляются составляющие концепта — **верность** и **доверие**.

Следующие составляющие — **самоограничение**, **самоотречение** и **терпение**. В религиозном сознании семья — добровольное самопо-

жертвование, когда человек готов по своей воле уступить или ограничить себя ради того, чтобы близким ему людям было хорошо. Ему необходимо воздерживаться от негативных эмоций и действий. Грубость, гнев, зависть, ненависть, ревность и другие отрицательные качества не соотносятся с понятием любви — они отвращают людей друг от друга. Прежде чем совершать что-либо, человек должен подумать. Если он попустил грех, нанес обиду, он обязан искупить вину перед близким и Богом: *«Совершенная любовь — это совершенное самоотречение. В семейной жизни не должно быть места гордости. Истинно любящие всегда готовы и уступить, и извиниться. Каждый должен винить себя, а не другого, когда что-нибудь идет не так. Любовь не дает право вести себя грубо по отношению к тому, кого любишь. Не может быть глубокой и искренней любви там, где правит эгоизм. Первый урок, который нужно выучить и исполнить — это терпение. Дети должны учиться самоограничению. Они не могут иметь все, что им хочется. Они должны отказываться от собственных желаний ради других людей».*

В православном сознании члены семьи должны поддерживать друг друга в повседневной жизни. Так как человек является частью семьи, он несет ответственность за себя и за других ее членов, а те соответственно помогают ему и заботятся о нем: *Детям следует учиться быть заботливыми. Беззаботный человек всегда причиняет вред и боль, не намеренно, а просто по небрежности. Любовь не вырастает, не становится великой и совершенной вдруг и сама по себе, но требует времени и постоянного попечения. Любви тоже нужен ежедневный хлеб.*

Члены семьи должны разделять друг с другом как радость, так и скорбь. О свои личных переживаниях, как правило, можно рассказывать только близким и Богу, уметь слушать и понимать друг друга. Земной путь наполнен всевозможными трудностями. Жизненные обстоятельства посылают человека странствовать. Родной дом всегда будет надежным местом любви и внимания: *Жизнь нам дана для трудов, а не для утех. Пусть оба сердца разделяют радость и страдание. Жить одной жизнью, а не двумя. Дети должны знать, что кроме красоты в мире много печали. Горести, о которых жалуется посторонним, остаются незаживающими ранами. Дом — это место тепла и нежности, где бережное отношение друг к другу как к святыне. Во всех испытаниях и бедах родной дом — убежище для души. В устройстве дома должен*

принимать участие каждый член семьи, и семейное счастье — когда все честно выполняют свои обязанности.

Нельзя впадать в уныние. Когда человек унывает, он начинает сомневаться в Боге, перестает видеть радости жизни, других людей. Это отражается на отношениях в семье: *Никогда не падайте духом и не давайте падать духом другим. Иди вперед, ошибайся, падай и снова вставай, только продолжай идти*». Из вышесказанного следуют такие составляющие концепта семьи, как **милосердие, душевное и физическое единение, взаимопонимание**.

Очень важными и необходимыми элементами концепта *семья* — являются **послушание и воспитание**. Человек, в православном сознании, должен быть послушен Богу. Все люди — дети Божьи. Дети должны слушаться родителей. Отец и мать отвечают за них перед Богом. Ср.: *«Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе»* [Исх. 20: 2—17].

Человек воспитывает себя перед Богом и учит своих детей, часто на собственном примере. Поучение должно быть справедливо. Формирование личности, ее характера, начатков ее будущего начинается с семьи. Находясь в семье, человек работает над своими недостатками. Александра Федоровна пишет: *«Родители должны быть такими, какими они хотят видеть своих детей — не на словах, а на деле. Они должны учить своих детей примером своей жизни»*. Ср.: *«Если муж сам не учит добру, то накажет его Бог, если же сам творит добро и жену и домочадцев тому учит, милость от Бога примет»* [Домострой: 65].

Соблюдение Закона Божия — важная составляющая концепта семьи. Создавая семью, человек должен стараться приблизиться к Богу вести за собой других членов семьи. Важно молиться друг за друга, просить прощения за свои ошибки, с рассуждением подходить к делу, стараться соблюдать Божьи Заповеди. *«Не о себе одном пекись, но и о жене, и о детях своих, и обо всех остальных до последнего домочадца, — все мы связаны единой верой в Бога; и с добрым прилежанием имей любовь ко всем, по Боге живущим, и око сердечное, на Бога взирающее, и будешь сосудом избранным, не себя одного несущим к Богу, но многих, и услышишь: «Добрый раб, верный раб, будь в радости Господа своего!»* [Домострой: 7].

Представим выявленные нами составляющие концепта православной семьи.

Итак, все выявленные составляющие концепта тесно связаны между собой, собираются вокруг ядра «Любовь и Вера». Они тяготеют к моральной тематике, актуальной для любого времени.

Использованная литература

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. — М.: Academia, 1997. С. 267—279.
2. Домострой. — СПб.: Наука, 1994.
3. Кононова И. В. Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и механизмы семантизации. — М., 2012.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. С.Кубряковой. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
5. Словарь русской ментальности / под ред. В. В. Колесова, Д. В. Колесовой, А. А. Харитоновой. В 2 т. — Т. 2 (П — Я). — С.-Петербург: Златоуст, 2014.
6. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2001.
7. СФС — Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемеровой. — М., Академический Проект, 2004.
8. ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включенными сведениями и происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2007.
9. Царские дневники, воспоминания. Царская Семья — светоч Любви [электронный ресурс] — Екатеринбург. 2011. — Режим доступа: tsarnicolay.blogspot.com.

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, доцентом Т. В. Ицкович

Ли Вэньлу
аспирант 1 к. УрФУ

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАЗ ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сравнение — «самый универсальный, самый очевидный, но вместе с тем и самый скрытый, подлежащий выявлению элемент, определяющий форму познания <...> и гарантирующий богатство его содержания» [Фуко 1994: 47].

Н. З. Котелова считает сравнительные обороты семантически достаточными и без оснований сравнений. Они идиоматичны и непроверяемы, причем, по ее мнению, идиоматичность подтверждается тем, что отдельные компоненты не отождествляются со словами и не могут быть актуализированы на логико-грамматическом уровне [Котелова 1975: 127]. Для В. М. Огольцева устойчивые сравнения — это особый и значительный пласт фразеологии [Огольцев 2001].

Концептуальное осмысление категорий культуры находит свое воплощение в естественном языке, точнее в его единицах, прежде всего через их ассоциативно-образное содержание. У представителей одной и той же лингвокультурной общности вся совокупность ассоциаций складывается в некую систему, которую Н. И. Жинкин назвал «универсальным предметным кодом» [Жинкин 1998]. Универсальный предметный код находит свое языковое выражение в узуальных метафорах, паремиях и фразеологизмах, но наиболее отчетливо он проступает в устойчивых сравнениях, служащих средством освоения эмпирически познаваемой действительности и одновременно — ее оценивания в образах-эталонах, имеющих прямое отношение к условиям жизни носителей данного языка, к их культуре, обычаям и традициям. По словам Л. А. Лебедевой, национально-культурная специфика устойчивых сравнений обнаруживается как в плане выражения, так и в плане содержания [Лебедева 1999].

Устойчивые сравнительные обороты со значением «внешность человека» можно представить как фрейм, на верхнем уровне которого располагается название объекта описания (внешность), а слотами являются выделяемые части описания: лицо, рост, фигура, части тела, возраст, одежда, взгляд, мимика и т. д. [Ульянова 2008: 10]. Одним из

частных и в то же время самых тонких аспектов внешности человека является характеристика глаз человека.

Глаза — зеркало души. Глаза, как считает Г. Е. Крейдлин, ‘явная антитеза губ’, это отображение мира духовного: «Старое русское поверье, по которому человек прячет глаза, испытывая чувство вины, стыда или позора, не такая уж метафора» [Крейдлин 2000: 351]. Глаза способны выразить различные эмоции, которые испытывает человек. В художественном произведении, раскрывая характер человека, особенности его внутреннего мира, автор стремится подчеркнуть наиболее важные, существенные с точки зрения художественного воплощения черты портретируемого, и в первую очередь — особенности его лица и глаз. Таким образом, описание глаз выступает важнейшим выразительным элементом изображения лица и всего внешнего облика человека. Именно глаза, как самый главный рецептор, характеризуют не только физические, но и духовные способности человека.

Материал для анализа извлечен из словарей (см. Список словарей).

В таблице 1. представлены устойчивые сравнения, описывающие цвет и размер (форму) глаз в русском языке.

Таблица 1.

Эталон	Количество	Устойчивые сравнения
Вещество, материал	15	Как антрацит, как агат, как смоль, как угли, как уголь, как сажа, как вакса, как бирюза, как два голубых карбункула, как алмазы, как яхонты, как янтарь, как топаз, как пепел.
Животный мир	19	Как у газели, как у совы, как у филина, как у кошки, как у рыси, как у тигра, как у кролика, как у коровы, как у мыши, как у рака, как у жабы, как у лошади, как у вола, как у сокола, как у ястреба и др.
Растительный мир	11	Как васильки, как ягоды крыжовника, как две клюквины, как кофе, как черносливины, как спелая (мокрая) смородина, как спелая вишня, как фиалка, как маслины, как арбузные семечки и др.
Предметы-артефакты	6	Как бусинки, как стеклярус, как свечи, с медный пятак, как фары.
Явление природы	8	Как небо, как море, как ночь, как ночью море, как ночь юга, как звезды и др.
Человек	6	Как у младенца, как у китайца, как у японца и др.

Лексема «глаза» в русском языке обладает широкой сочетаемостью с определениями, но в устойчивых сравнениях семантическими доми-

нантами цвета выступают прилагательные *темные, светлые, черные, голубые, синие*, а семантическими доминантами размера являются прилагательные *маленькие, большие*.

В качестве эталона в устойчивых сравнениях используются единицы следующих тематических групп: «Вещество, материал», «Животный мир», «Растительный мир», «Артефакты», «Явления природы», «Человек» (в таблице они представлены порядке убывания).

Самой многочисленной в русском языке является группа «Вещество, материал». Выбор *агата, антрацита, угля, сажи, ваксы и смолы (смоли)* в качестве эталонов передает максимальное соответствие темных глаз человека внешнему облику объекта. Анализ лексико-семантических особенностей устойчивых сравнений, описывающих цвет глаз, показал, что компараты как *агат*, как *антрацит*, как *уголь*, как *смоль* в русском языке обладают негативной коннотацией, что связано со стереотипизированным представлением о славянах как о голубоглазой этнической группе. Указанные единицы не просто создают образ темных глаз, но чаще всего связывают их черноту со злым субъектом либо приписывают последнему способность к некоему сглазу [Гудков, Ковшова 2007:159].

Противоположной эмоционально-оценочной семантикой обладают компараты, описывающие светлые (чаще — голубые) глаза, — *как васильки, как небо, как два голубых карбункула, как алмазы, как яхонты, как небо*. Такие устойчивые сочетания создают положительный образ молодого, светловолосого, пышущего здоровьем человека или ребенка. В основе образа лежит представление о том, что голубые глаза не могут быть злыми, так как их цвет ассоциируется с самой голубоглазой Русью.

При описании формы и размера глаз в русском языке в качестве объектов сравнения часто используются номинации животных и птиц: *большие как у совы, как у филина, как у газели, как у коровы*, а также артефакты — *маленькие как бусинки; большие как фары*.

Многие эталоны обладают ярким национально-культурным колоритом: это предметы культурного быта славян (*бусинки*), растения, птицы и животные, имеющие символический для России характер (*василек, сова, филин, кошка*).

Эталоны из группы «Человек» представлены номинациями этносов (*как у китайца, как у японца*). Выбор таких устойчивых сравнений обусловлен этностереотипами, согласно которым представители этих наций обладают узкими, миндалевидными, раскосыми глазами.

В китайском языке, лицо — это дверь в мир человека, глаза же воспринимаются как окно души. Можно заглянуть в душу через глаза, по глазам можно узнать настроение человека.

В таблице 2. представлены устойчивые сравнения китайском языке, также описывающие цвет и размер глаз.

Таблица 2.

Эталон	Количество	Устойчивые сравнения
Вещество, материал	3	线 как нитка, 宝石 как жемчуг, 石子 как камень.
Животный мир	10	小鹿 как у молодого оленя, 鹰 как у орла, 癞蛤蟆 как у жабы, 死鱼 как у мертвой рыбы, 小兔子 как у зайца, 虎 как у тигра, 鼠 как у мыши, 猫头鹰 как у совы, 爬虫 как пресмыкающееся, 凤凰 как у феникса.
Растительный мир	8	黑莓 как ежевика, 葡萄 как виноград, 咖啡豆 как бобы кофе, 柳叶 как ивовые листья, 桃子 как персик, 杏 как абрикос, 杏核 как миндаль, 银杏 как салисбурия.
Предметы-артефакты	6	三角形 как треугольник, 半圆形 как полукруг, 珠子 как бусинка, 窗户 как окно, 大玻璃珠 как большая стеклянная бусинка, 镰刀 как серп.
Явление природы	6	天空 как небо, 星星 как звезды, 水 как вода, 湖水 как озеро, 大海 как море.

В отличие от русского языка, в китайском отсутствуют устойчивые сравнения с эталоном тематической группы «человек». Самыми многочисленными являются группы «Животный мир» и «Растительный мир», единицы которых характеризуют и цвет, и размер, и форму глаз.

Как известно, в Китае распространен темный (карий) цвет глаз. Анализ лексико-семантических особенностей устойчивых сравнений, описывающих цвет глаз, показал, что чаще встречаются эталоны черного цвета (как *ежевика*; как *виноград*), но, в отличие от русского языка, эти единицы не имеют отрицательной коннотации. Для характеристики светлых глаз используются компараты из группы «Природные явления»: как *море* — синие; как *озеро* — светлые. Ценность для китайской культуры представляют блестящие глаза, так как в них отражается хорошее настроение человека, поэтому эталоном в таких сравнительных конструкциях выступает символический драгоценный камень, ср.: *блестящие как жемчуг*.

Выбор эталонов из группы «животные» — как у молодого оленя, как у орла, как у жабы, как у мертвой рыбы, как у зайца, как у тигра,

как у *мыши*, как у *совы* также является итогом наглядного обобщения знаний о размере глаз (или тела) животного.

Подчеркивая форму глаз, китайцы используют сравнения как у *феникса*, как *миндаль*, как *салисбурия*. Птица феникс и растения миндаль и салисбурия являются символическими для Китая. Овальная форма глаз похожа на плоды салисбурии и миндаля. Длинная форма глаз с приподнятыми кверху наружными уголками напоминает форму глаз феникса. Причудливая мифическая птица феникс занимает особое место в пернатом племени и является самой красивой и самой почитаемой в Китае; она символизирует красивую женщину. Волшебная птица феникс добра и милосердна, поэтому считается, что женщины с глазами феникса отличаются добротой и благородством.

Некоторые устойчивые китайские сравнения обладают оценочной семантикой, потому что обозначают изменение формы глаз в зависимости от эмоционального состояния человека: сравнения как *нитка*, как *серп* характеризуют глаза смеющегося человека; сравнение как *персик* — человека плачущего; сравнения как *луна*, как *звезды*, как *абрикос* характеризуют глаза человека, когда он сердится.

Таким образом, анализ устойчивых сравнительных оборотов со значением ‘характеристика глаз человека’ показал, что в русском и китайском языках существуют как универсальные, так и национально-специфичные смыслы. В качестве эталонов в обеих культурах выбираются сходные объекты реального мира. Количественная и качественная наполняемость совпадающих в китайском и русском языках тематических групп свидетельствует, что совпадают сравнения, описывающие глаза по форме, и различны сравнения, описывающие глаза по цвету.

Использованная литература

1. Вэй Цзяньгун. Словарь Син Хуа. — Пекин: Коммерция, 2001.
2. Горбачевич К. С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. — М.: АСТ: Астрель, 2004.
3. Гудков Д. Б. Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. — М.: «Гнозис», 2007.
4. Жинкин Н. И. Избранные труды: Язык. Речь. Творчество. — М.: Лабиригнт, 1998.
5. Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. — М.: Наука, 1975.
6. Крейдлин Г. Е. Русские жесты и жестовые фразеологизмы: отражение наивной этики в невербальном и вербальном кодах // Логический анализ языка. Языки этики. — М., 2000. — С. 341—352.

7. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. — Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999.

8. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. — СПб.: Норинт, 2003.

9. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). — М.: Астрель, 2001.

10. Ульянова Т. В. Словесный портрет как речевая технология: функции и модели: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов-на-Дону, 2008.

11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — СПб, 1994.

12. Цыхай («море слов», китайский энциклопедический словарь). — Шанхай, 2000. Оригинальный текст: 辞海编辑委员会. 辞海. 上海辞书出版社, 2000.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором О. А. Михайловой

М. А. Лысенко
магистрант 2 к. УрФУ

СЧАСТЬЕ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПЕРИОДИКИ

Для лингвистической науки конца XX века особенно значимыми оказались представления о концептуальной метафоре (метафорической модели) как о средстве познания и объяснения действительности. В основе теории концептуальной метафоры лежит представление о метафоре как о языковом явлении, отражающем процесс познания мира и аналоговые возможности человеческого мышления. Метафоры заложены в понятийной системе человека и структурируют его восприятие, мышление и деятельность [Будаев 2011: 36]. Метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей [Lakoff 1993: 245]. Исследуемый нами концепт *счастье* является абстрактным и не имеет четкой структуры. Метафора может позволить осмыслить содержание этого концепта, придать ему конкретные характеристики.

В соответствии с представлениями современной когнитивной семантики метафорическое моделирование — это средство постижения, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. Фрейм понимается как фрагмент наивной языковой

картины мира, который структурирует соответствующую понятийную область. Составляющие каждый фрейм типовые слоты — это элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации [Чудинов 2001: 43—46].

Метафорические модели дифференцируются на основе послуживших источниками концептуальной метафорической экспансии понятийных сфер (донорских зон). В ходе анализа материала нами было выделено несколько донорских зон, и в соответствии с этим была составлена классификация концептуальных метафор. В нее вошли антропологические, биоморфные (зооморфные и фитоморфные), перцептивные, физические, артефактные метафоры.

Материал исследования — более трех тысяч контекстов из Национального корпуса русского языка, содержащих слово *счастье*, номинирующее анализируемый концепт. В данной статье мы остановимся подробнее на артефактной метафоре «Счастье — это дом». Артефактная метафора подразумевает то, что донорской зоной метафоры становится нечто, созданное руками человека. Дом — это важнейший культурный концепт в человеческом сознании, это традиционный для славянской культуры источник метафорической экспансии [Чудинов 2001: 152—162]. Понятийная сфера «дом» обладает всеми необходимыми условиями для метафорической экспансии. Эта сфера хорошо знакома каждому человеку, она детально структурирована, все ее фреймы и слоты обладают высоким ассоциативным и эмоциональным потенциалом.

1. Фрейм «конструкция дома»

Слот 1.1. Тип строения

(1) *Всегда смерть придет раньше, чем будет окончена **башня твоего мирского счастья*** [Л. Н. Толстой. В чем моя вера? (1884)].

(2) *Язудинцы желают строить **Башню Счастья**, чтобы уйти по ней на небеса*. [Дмитрий Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ (1996)].

(3) *Я хочу построить новый, светлый **дом нашего счастья!*** [Лидия Вертинская. Синяя птица любви (2004)].

(4) *Но сохранить «**замок счастья**» в деградирующем пространстве не суждено* [Андрей Тарасов. Сколько Сколково ни корми... // Знание-сила, 2013].

Слот 2.1. Отдельные элементы здания

(5) ***Дверь такого счастья не внутрь отворяется**: нажимая ее изнутри, ее не удержишь на месте*. [К. П. Победоносцев. Московский сборник (1896)].

(6) *И неужели красота и золото — единственный прочный **фундамент семейного счастья**?* [Объявления (1914.06.28) // Бракная газета, 1914].

(7) *Нет, он говорил совсем просто без ораторских выпадов, но, все, что он говорил, было проникнуто глубокой искренностью, любовью к человеку, «каков он ни есть» и такой же искренней врой, что коммунизм откроет **двери всеобщего счастья**...* [Г. А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей (1930)].

(8) *К этому времени романист понял, что страстная любовь не лучший **фундамент для семейного счастья**.* [Юрий Безелянский. В садах любви (1993)].

(9) *Сергей прошел **по стене меж счастьем и несчастьем**.* [Александр Терехов. Коммуналка (1995—2005)].

(10) *А может, дело в Лене, в том, что она сама ненавидела идеи о всеобщем благоденствии и верила только в маленькое, отдельно взятое, осязаемое на зуб **счастье улучшенной планировки**, и поэтому Аркин считал ее немного мещанкой, несмотря на то, что вполне разделял ее вкусы.* [Дарья Симонова. Без Россини (2002)].

(11) *Да, вся эта стена из фотографий, которую я называл «**стеной счастья**», стала для меня «**стеной плача**»...* [Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004)].

(12) *В «Снимите это немедленно», в «Квартирном вопросе», в программе «Фазенда» происходит преобразование героев или их жилого, жизненного пространства — **дверь в счастье приоткрыта**.* [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // Русская Жизнь, 2008].

(13) *Дамилола улыбнулся и показал на **дверь в комнату счастья**.* [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)].

Перейдем к анализу приведенного выше материала. Счастье, осмысляемое в рамках артефактной метафоры, может быть представлено как замок, дом или башня; эти строения имеют *фундамент*, а внутри они состоят из *комнат*, имеют *двери* и *стены*, могут характеризоваться «улучшенной планировкой» (10). Самым частотным образом стал образ двери, причем, это может быть *дверь в комнату счастья* (13) или *дверь в само счастье* (5, 7, 12). Дверь в данном случае может символизировать момент перехода из одного состояния в другое, что соотносимо с образом порога (см. хронотоп порога у М. Бахтина). Такое же значение реализуется в примере (9), только здесь счастье и несчастье разделяются не дверью, а стеной. Отметим также, что в приведенных

примерах счастье конкретизируется как личное (1, 3), семейное (6, 8), а также всеобщее (7).

2. Фрейм «Строительство и разрушение дома»

Слот 2.1. Строительство дома

(14) *А разве может человек **основать свое счастье** на несчастье другого?* [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1880 год. Год III. Единственный выпуск на 1880 год (1880)].

(15) *На разбитом счастье, быть может, на разбитой юной жизни, или даже, страшно вымолвить, на трупе любящей прелестной девушки он должен будет **построить свое счастье**.* [Н. Э. Гейнце. В тине адвокатуры (1893)].

(16) *Пока будешь с таким **строить счастье** — от самой один хребет останется...* [Михаил Мишин. Львица (1986)].

(17) *Когда все складывается удачно, мы склонны верить, что **счастье построили** своими руками* [Н. Русакова. Не судьба? // Работница, 1988].

Слот 2.2. Разрушение дома

(18) *Горько, грустно было ему сознавать, чувствовать, как постепенно **разрушается его счастье*** [Н. Э. Гейнце. Герой конца века (1898)].

(19) *Да как скажешь? Не вы ли нас сдали? Да и Яна отговорила. Что, мол, дурак и сам свое **счастье обрушу**. Что это просто совпадение. Доверчивая она* [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)]

(20) *Пять лет мои родители наслаждались счастливой семейной жизнью. Пожалуй, они побили рекорд счастья в Голливуде в то время. Потом произошёл взрыв, и, когда пыль осела, **счастье лежало в руинах*** [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)]

Слот 2.3. Строители

(21) *Но **строитель счастья** Ягудин разбился в своем единственном порыве взлететь и, вероятно, любил этот порыв гораздо более, чем Лизочку* [Дмитрий Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ (1996)].

(22) *Мечта для **строителя людского счастья** такой же действенный инструмент, как знание или идея, а лесовод без мечты совсем пустое дело* [Л. М. Леонов. Русский лес (1950—1953)].

(23) *Очень хорошо, что «в коммунистических бригадах с нами Ленин впереди», но не видно ему, что происходит позади, а там — ленивые, пьяные и вороватые **строители будущего счастья**.* [Александр Яковлев. Омут памяти. Т.1 (2001)]

Как видно из приведенных контекстов, счастье может быть объектом как созидательной, так и разрушающей деятельности человека. Оно может быть построено и разрушено, может *лежать в руинах* (20). Так как счастье можно построить, то в этом действии важна роль активного субъекта — строителя счастья. В примере (21) в роли строителя выступает конкретный человек, названный по фамилии. Приписывание ему такой значимой роли характеризует как субъекта, так и само счастье (как нечто, что может быть построено одним определенным человеком). В примере (23) появляется уже не один человек, а целая группа строителей, которые, более того, характеризуются как *ленивые, пьяные, вороватые*. Сочетание *строители будущего счастья* отсылает к коммунистическому слогану — данный контекст предлагает нам его критическое переосмысление.

Подведем итоги. Рассмотренная метафора важна для понимания концепта *счастье*, поскольку она дает приращение новых смыслов. Счастье, как и дом, может быть построено и разрушено. Строительство счастья связывается с динамикой, планами на будущее, стремлением добиться в жизни успеха и гармонии. Но то, что счастье может быть разрушено, подчеркивает такой когнитивный признак этого состояния, как недолговечность и мимолетность.

Высокая степень конкретизации метафоры (*фундамент, стены, дверь, комната* счастья) и интерпретация абстрактного понятия через знакомые и связанные с нашим опытом конкретные образы способствуют постижению смыслового объема исследуемого концепта.

Традиционно метафора дома связывается с позитивными прагматическими смыслами. Образ дома тесно неразрывен с представлениями о семейном очаге, воспоминаниями о родных и близких людях. Русской ментальности свойственно воспринимать дом как семейную крепость, укрытие от жизненных невзгод и трудностей. Счастье, метафорически представляемое в виде дома, может оказаться в таком случае не недостижимым идеалом, к которому стремится человек, а, напротив, тем, что есть у каждого из нас (хотя бы в воспоминаниях) и что помогает нам справляться с самыми трудными жизненными ситуациями.

Использованная литература

1. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. — Нижний Тагил: НТГСПА, 2011.

2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 — 2000). — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

3. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. — Cambridge: At the University Press, 1993.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором И. Т. Вепревой

Ма Гуйин

магистрант 2 к. УрФУ

РУССКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Устойчивые сравнения любого языка представляют собой фразеологизированный пласт лексики. Это достаточно широкий круг воспроизводимых сочетаний слов особой структуры, характеризующих разные объекты реального мира. Отдельную группу составляют устойчивые сравнения, характеризующие поведение человека, которые стали объектом нашего исследования. Материал извлекался методом сплошной выборки из словаря Л. А. Лебедевой «Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь». Всего насчитывается 62 единицы.

Цель статьи — проанализировать, с кем / чем сравнивается поведение человека, и выделить группы эталонов, которые лежат в основе в устойчивых сравнений русского языка.

В результате проведенного анализа было выделено 6 тематических групп, к которым принадлежат эталонные объекты (мы расположили их в порядке убывания количества единиц).

Животный мир. Эта группа самая большая, она насчитывает 26 единиц, что составляет около 42% от общего количества собранного материала. Русские предпочитают сравнивать поведение человека с животными, потому что те имеют специфичные повадки и создают достаточно яркий образ. Главным эталоном выступают домашние животные, которые многие столетия живут рядом с человеком, поэтому человек хорошо изучил их особенности: *бросаться как собака* (о человеке, злобно нападающем на слабых и беззащитных); *блудить как мартовский кот* (о мужчине, который имеет связи со многими женщинами, изменяет

жене); *вести себя как скот* (о человеке, ведущем себя недостойно, поступающем невоспитанно); *врать как сивый мерин* (о беззастенчиво лгущем человеке); *плеваться как верблюд* (часто, вульгарно, без обычных предосторожностей воспитанного человека). Большинство сравнений имеет отрицательную коннотацию.

Дикие животные в качестве эталона встречаются значительно реже: *вертеться как белка в колесе* (быть в постоянных хлопотах, много работать, проявляя инициативу); *вести себя как слон в посудной лавке* (о человеке, ведущем себя нетактично, действующем неуклюже); *кривляться как обезьяна* (о человеке, противно гримасничающем). Интересно, что в качестве эталона выступают нетипичные для русского этноса животные: слон и обезьяна не обитают на территории России, но обладают яркими особенностями на фоне известных в России животных. Слон — это самое крупное животное, у обезьяны живая мимика, какой не встретишь у других животных.

В группе «птицы» представлены такие виды, которые обладают также специфическим признаками: павлин имеет красивое оперение, коршун и сыч отличаются повадками. Именно характерный признак птицы является основой метафорического переноса в устойчивом сравнении, ср.: *распускать хвост как павлин* (вести себя заносчиво, тщеславно, любоваться собой (обычно о мужчине)); *набрасываться как коршун* (стремительно, внезапно (о человеке, нападающем на слабых и беззащитных)); *сидеть как сыч* (о нелюдимом, угрюмом человеке).

Поведение человека сравнивается с видами рыб крайне редко, потому что рыбы не имеют специфических действий. Самое яркое качество рыб — молчание, поэтому есть русский оборот *молчать как рыба*. Встретилось устойчивое сравнение: *извиваться как выюн*; оно употребляется для обозначения человека, который уходит от прямых ответов на вопросы, стремится скрыть правду, ввести в заблуждение. Выюн — рыба, которая в природной среде обладает удивительной изворотливостью, именно этот признак лег в основу сравнения. А в Китае для выражения подобного смысла говорят 拐弯抹角, что значит «идти по извилистой дороге». В устойчивых сочетаниях *вертеться как пескарь* / *карась на сковородке* (о человеке, ведущем себя беспокойно, нервно) образы пескаря и карася связаны с признаками ‘осторожный’, ‘которого сложно поймать’.

Сравнение человека с насекомыми встречается в русском языке, как и в других культурах. Насекомые, такие как муха, паук, встречаются практически в каждой стране, но каждая нация осмысляет их по-своему.

Муха причиняет вред животным и человеку, поэтому с давних времен в русской культуре она символизирует мучителя и как древний символ ассоциируется со злыми богами и порчей [Древние символы: электронный ресурс]. Демонов часто изображают в виде мух. Слово «вельзевул» значило ‘повелитель, который жужжит’ [там же]. Русская мифологическая роль мухи связана с ее малыми размерами, назойливостью, нечистотой, что отражено в устойчивом обороте *липнуть как муха* (о привязчивом или чрезмерно назойливом человеке); *как мухи* или *как мухи на мед* (о большом количестве людей, стремящихся в ажиотаже куда-либо, к кому-либо). Паук — символ зла и дьявола, ткущего паутину для душ грешников. Он связывается также с мотивами жадности, холодной жестокости и злобностью [там же], ср.: *вести себя как пауки в банке* (о людях, непримиримо враждующих между собой, ненавидящих друг друга).

Единично представлена змея: *вертеться как уж на сковородке* (обычно о человеке, который льстит кому-л., заискивает, угодничает перед кем-л. и т. п., добиваясь чего-либо). Очевидно, пресмыкающиеся не отличаются разнообразием действий.

Человек (лицо). Группа «человек (лицо)» включает 23 единицы, т. е. 37 % от общего числа высказываний. Человек как эталон сравнения выступает в разных аспектах. Во-первых, в основе лежит профессиональный признак: *ругаться как базарная торговка* (о сварливой, крикливой женщине), *как сапожник* (о мужчине, использующем грубую брань). Человеку определенной профессии свойственны различные способы и манера поведения, поэтому некоторые профессии в сознании языкового коллектива приобрели стереотипы, которые отражаются в устойчивых сравнениях. Во-вторых, в основу сравнения может быть положен признак «свой / чужой»: *вести себя как чужие* (холодно, равнодушно (о родственниках или близких людях)); *сидеть как в гостях* (имеется в виду: скромно вести себя, потому что находишься в чужом месте) и противоположное — *как у себя дома* (свободно вести себя в чужом месте). В-третьих, русские сравнивают поведение человека с возрастными особенностями личности: *ворчать как старый дед* (о постоянно недовольном, брюзжащем юноше, молодом мужчине), *смеяться как ребенок, как маленький*. Эталонами выступают особые возрастные периоды — глубокая старость или раннее детство: этом возрасте поведение в меньшей степени регулируется социальными нормами, чем в зрелом возрасте. В-четвертых, устойчивое сравнение включает национальную принадлежность: *сидеть как сирота казанская* (о человеке, намеренно,

лицемерно привлекающем внимание окружающих своим несчастным, жалким видом). Этот фразеологизм возник после завоевания Казани Иваном Грозным. Мирзы (татарские князья), оказавшись подданными русского царя, старались выпросить у него всяческие поблажки, жалуясь на свое сиротство и горькую участь.

Мир растений. Это очень маленькая группа, насчитывающая 5 единиц, вероятно, потому, что растительный мир в языке рассматривается как неодушевленный, а поведение человека, напротив, является активным действием. Растение представляет собой организм, обычно развивающийся в неподвижном состоянии, получающий питание (в отличие от животных) из воздуха (путем фотосинтеза) и почвы. Растительный мир, как и животный мир, является неотъемлемой частью окружающей среды. Человечество может познавать мир через растительные образы. Характеризуя поведение человека, русские употребляют следующие устойчивые сравнения, связанные с растительным миром: *как береста на огне* (уходить от прямого ответа на вопросы; хитростью, уловками стремиться скрыть правду), *пристать как репей, как банный лист, как смола* (назойливо, неотвязно приставать к кому-л. с расспросами, просьбами и т. п.; неотвязно, неотступно ходить за кем-л.); *как шелуха* (о чем-л. в поведении, характере человека, от чего он быстро и легко освобождается).

Предметы быта. Предметы быта — это особый мир. В нем отражается национальная специфика повседневной жизни любого народа. В каждой культуре есть особенные предметы быта, отсутствующие в других странах. Известно русское устойчивое сравнение: *кивать как китайский болванчик* (О самодовольном и ограниченном человеке). Китайский болванчик — статуэтка, кукла из папье-маше, глины, слоновой кости или фарфора, у которой покачивается голова от любого прикосновения. По легенде, китайский болванчик — образ одного из писарей при императоре, который должен был записывать изречения своего хозяина и молча кивать головой в знак согласия с их глубиной и изысканностью мыслей. Это предмет быта из Китая, и здесь наблюдается такая ситуация: представление своего этноса может быть дано через особенности другой культуры. Кроме этого, русские описывают поведение человека, используя общеизвестные предметы быта, например: *как с ножом к горлу* (о настойчивом, назойливом человеке); *крутиться как юла* (вести себя угодливо, стараясь понравиться кому-л.).

Сакральный образ. Сакральный образ становится совокупностью представлений об индивидуальной форме его существования. В

устойчивых сравнениях русские обращаются к сакральному образу, имеющему отрицательную коннотацию; это «темные силы» — черт, бес: *как черт от лада* (о человеке, который избегает встреч с кем-л., не любит кого-л., что-л.), *вертеться как черт / бес перед заутреней* (о лъстивом, угодливом человеке).

6. Одежда/материал. В эту группу включены 2 единицы: *как перчатки* и *как шелковый*. Русские говорят *менять как перчатки*, чтобы описать человека, быстро меняющего привязанности, убеждения и т. п. Подобное устойчивое сравнение есть и в китайском языке: *менять как одежду* в значении ‘о мужчине, который быстро меняет женщин’. Другое сравнение — *быть как шелковый* (об очень послушном, покорном, покладистом и т. п. человеке или животном) — основано на признаке шелка, который сочетает в себе легкость, мягкость и гладкость.

Таким образом, результаты анализа позволили выделить в русских устойчивых сравнениях следующие группы объектов-эталонов:

Животный мир	Домашние	Собака (4)	Кот (2)	Скот (1)	Мерин (1)	Верблюд (1)
	Дикие	Слон (2)	Обезьяна (2)	Уж (2)		
	Птица	Коршун (1)	Павлин (1)	Юла (1)	Сыч (1)	
	Рыба	Пескарь (1)	Карась (1)	Вьюн (1)		
	Насекомые	Паук (1)	Червь (1)	Муха (1)	Мотылек (1)	
Человек (лицо)		Человек по профессии (8)	Человек по возрасту (3)	Человек по типовому качеству (9)	Другие (4)	
Мир растений		Береста (1)	Репей (1)	Смола (1)	Шелуха (1)	Баннй лист (1)
Предметы быта		Волчок (1)	Болванчик (1)	Нож (1)		
Сакральный образ		Черт (2)	Бес (1)			
Одежда/материал		Перчатки (1)	Шелковый (1)			

Эталонные объекты выражают как положительные, так и отрицательные признаки и выполняют интенсифицирующую функцию, усиливая признак, положенный в основу сравнения.

Использованная литература

1. *Древние символы* | Насекомые [электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.starfate.ru/ezo/nasekomye_simvolika_zhivoi_prirody.html.
2. *Лебедева Л. А.* Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. — М.: ФЛИНТА, 2011.
3. *Огольцев В. М.* Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). — М.: Астрель, 2001.
4. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ozhegov.com>.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором О. А. Михайловой

Сюй Шаньшань
аспирант 1 к. УрФУ

ИМПЛИЦИТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕДАЧИ «ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ»)

Во второй половине 80-х гг. — начале 90-х гг. XX века Россия пережила очередной сложный и переломный период в своей истории. Произошли серьезнейшие изменения, затронувшие все стороны общественной жизни, в основе которых лежал путь на масштабную демократизацию в политической жизни и построение рыночных отношений в экономической сфере. 27 декабря 1991 г. был принят закон РФ «О средствах массовой информации», который действует до сих пор. В нем определены разрешительная регистрация СМИ, свобода печати, недопустимость цензуры массовой информации и другие положения. Демократизация позволила обществу обсуждать темы, которые ранее были запрещены.

«Демократические преобразования в России способствовали тому, что на телевидении появились передачи, в которых обсуждаются сексуальные проблемы» [Вепрева 2006: 19]. В России с 2008 г. на Первом канале телевидения в эфир выходит ток-шоу «Давай поженимся», посвященное знакомству юношей и девушек с целью поиска потенциального

спутника жизни. Формат телепередачи предполагает трех соведущих: *ведущая, сваха и астролог*. В каждом выпуске одному жениху или невесте предлагается сделать выбор из трех претендентов. Претенденты сначала видят фотографию героя на сайте Первого канала и из сотен других выбирают этого человека. Они готовы бороться за него, демонстрировать таланты и делать избраннику сюрпризы. В студии герой программы поочередно встречается с тремя невестами или женихами, а в конце программы делает выбор: выбирает того, с кем он хотел бы продолжить отношения, или никого не выбирает [См.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Давай_поженимся_\(телепередача\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Давай_поженимся_(телепередача))].

Сценарий передачи, помимо личного знакомства в студии молодого человека с девушками и девушек с молодыми людьми, также включает в себя небольшой ролик-визитку, посвященный соискателям и структурно построенный по модели брачного объявления. Этот ролик демонстрируется в студии на экране. Ролик-визитка дает краткое представление о персоне и показывает предпочтения в выборе спутницы / спутника жизни.

Известно, что первое брачное объявление появилось в Англии в 1695 году. Однако в России брачные объявления пришли в конце XVIII века. В первый раз их начали публиковать в немецкоязычных газетах Прибалтики. Впоследствии они появляются и в русскоязычных изданиях. В 1906 году в Петербурге начала выходить «Брачная газета», специализирующаяся исключительно на брачных объявлениях [См.: <http://www.sun-spring.org/istoriya-brachnogo-obyavleniya>].

Очевидным является тот факт, что количество брачных объявлений и объявлений с целью знакомства в последние годы увеличилось.росло и число газет и журналов, публикующих подобные объявления. Брачные объявления активно изучает современная лингвокультурология. Данной проблеме посвящен целый ряд работ, в том числе [Акулова 2009, 2010; Рогалева 2005; Шибанова 2004; Царикевич 2007]. Чаще всего брачные объявления анализируются на базе сопоставления с объявлениями на других языках (немецком, французском, английском и др.), многие из них посвящены особенностям русских брачных объявлений. «Микротексты такого типа содержат сведения о внешности, возрасте, свойствах и особенностях характера, об интересах и ожиданиях, о привычках и предпочтениях представителей обоего пола» [Ольшанский 2001: 243]. Структура брачного объявления стандартна. Так, тексты объявлений о знакомстве в работах Е.В. Акуловой представлены в виде

трех фреймов: самопрезентация, портретирование, желаемые отношения [Акулова 2010: 4].

Матримониальный текст включает 4 содержательных части:

1. Социально-психологический “портрет” автора текста (инициатора поиска лица противоположного пола);
2. Социально-психологический “портрет” искомого субъекта (потенциального приятеля, друга, супруга);
3. Экспликация мотива и цели “запроса” (с возможным вариантом дальнейшего развития отношений);
4. Пути установления контакта с автором текста (адрес, телефон) [Гаврюшенко 1994: 14].

Структура брачных объявлений «Давай поженимся» во многом повторяет стандартную структуру, хотя имеет и свою специфику. Ролик-визитка содержит следующие части.

1) Самопрезентация: пол, имя, профессия, увлечение, образ жизни, умения.

2) Портретирование партнера: внешность и идеальный образ партнера (*красивая брюнетка; стройная спортивная брюнетка с азиатским типом лица*), антипатия партнера (*не видит рядом с собой манерную женщину с лишним весом; избегает толстяков и ловеласов*).

3) Желаемые отношения (*хочет создать семью; мечтает о большой семье; мечтает встретить женщину и жениться*).

4) Прочие части: *мечтает (мечтает о высокой зарплате; мечтает купаться в любви; мечтает купить немецкий автомобиль; мечтает изменить мир к лучшему; мечтает о семейном уюте); предупреждает (готов на любые компромиссы ради женщины; очень ранимый и обидчивый, но может вспылить; не сможет зачать ребенка естественным путем); гордится (гордится тем, что помогает пожилым людям; гордится навыками профессионального банщика; гордится взрослыми дочерьми; гордится своей профессией); причина расставания (не смог простить бывшей жене смерть дочери; жена приняла решение о разводе после того, как Григорий оставил высокий пост и стал простым школьным учителем; спустя семь лет отношений Сергей понял, что гражданская жена все это время жестоко обманывала его).*

Итак, объект нашего исследования — брачные объявления в телевизионном ток-шоу «Давай поженимся». Брачные объявления представляют собой прежде всего тип текста-самопрезентации, в котором автором публично раскрывается личная сторона его жизни. Это нару-

шает традиции православной культуры, согласно которым существуют определенные ограничения на обсуждение личных отношений. Кроме того, тексты брачных объявлений включают целый набор самооценочных высказываний, положительно характеризующих адресанта с целью привлечь внимание адресата. Автор ориентируется на существующие в обществе ценности, пишет о том, что привлекает женщину / мужчину [Акулова 2009: 89]. В тексте присутствуют «приукрашенное описание внутренних качеств, подчеркивание внешних достоинств; указание на материальную состоятельность» [Ольшанский 2001: 245]. В этом случае может нарушаться этикетность коммуникативного акта, один из главных принципов вежливости к адресату. Данные признаки брачного объявления определяют особый выбор языковых средств для сообщения данных о себе.

Помимо прямого описания самоидентичности, адресанты пользуются имплицитной формой. Передача имплицитного содержания в тексте является предметом интереса многих исследователей, см., например: [Дементьев 2000; Ольшанский 2001; Кобозева 1988; Ковшова 2007; Крысин 1994, 1996, 1998, 2004; Лаппо 2013; Серль 1986; Федосюк 1988]. Под имплицитным содержанием мы понимаем не прямые формы подачи информации. «Имплицитное содержание — это, безусловно, содержание выраженное, но выраженное особым образом» [Федосюк 1988: 11]. Оно выводится из содержания языковой единицы и знаний получателя текста, причем получатель текста может эти знания черпать из контекста и ситуации общения. Имплицитная информация — это результат догадок читателя, его выводного знания, которое достраивается адресатом самостоятельно на основе имеющихся у него знаний о мире или знаний о языке [Лаппо 2013:30].

Задачи нашей работы — выявить, какими языковыми средствами выражено имплицитное содержание брачных объявлений в передаче «Давай поженимся»; показать, какие части структуры брачного объявления чаще передаются имплицитной формой; определить, для каких объявлений (женских или мужских) типична имплицитная форма передачи информации. Общий объем материала проанализированных текстов брачных объявлений о знакомстве в ток-шоу «Давай поженимся» составляет 800 объявлений.

В подавляющем большинстве контекстов информация подается в форме прямого описания. Тем не менее, наш материал позволяет выделить два типа имплицитного содержания.

Первый тип имплицитного содержания — употребление эвфемизмов как единиц непрямого (косвенного) высказывания. Эвфемизмы представляют собой одну из разновидностей стилистических средств языка. Эвфемизм — это «стилистически нейтральное слово или выражение, употребляемое вместо синонимичной языковой единицы, которая представляется говорящему неприличной, грубой или нетактичной» [Арпова 1990: 590]. Для анализа первой группы отобраны объявления, в которых содержатся эвфемизмы. В структуре брачных объявлений эвфемизмы чаще всего употребляются при портретировании партнера; в части предупреждений о себе; реже — при описании истории предыдущих семейных отношений, в самопрезентации.

Проведем анализ собранного материала.

1. *Портретирование партнера.* В количественном отношении мужские и женские брачные объявления содержат одинаковое количество эвфемизмов.

Мужские объявления:

Его избранница обязательно должна заниматься спортом, следить за своей фигурой и никогда не жаловаться на широкую кость (эфир 18 сентября 2015); *Андрей всегда смотрел на женщин как на припудренные булочки в супермаркете и никогда не мог отказать себе в искушении попробовать их* (эфир 9 сентября 2015); *Познакомится с обладательницей светлых волос и красивой «пятой точкой», которая сможет внести радостные нотки в его холостяцкую жизнь* (№ 3510).

Для мужчины очень важна внешность выбираемой женщины. В данной части объявления конструируется образ будущей избранницы, поэтому автор текста наиболее деликатен в выборе языковых средств для передачи внешних параметров потенциального партнера, особенно если облик не соответствует принятым стандартным характеристикам. Так, негативные моменты отсутствия стройности автор текста передает через эвфемистическое выражение *не жаловаться на широкую кость*. Женская полнота может быть привлекательна для мужчины, поэтому, преодолевая сложившиеся стереотипы об эталонной женской стройности, автор-мужчина выбирает эвфемизм-сравнение *женщины как припудренные булочки в супермаркете*. У мужчины при выборе второй половины на первом месте стоит красивая внешность женщины. Среди прочих критериев красивой внешности ягодицы как сексуальная часть женского тела также привлекают мужчин, для этого выбирается эвфемизм-фразеологизм *пятая точка*.

Вторая группа текстов, «рисующих» портрет предполагаемого партнера, обращена к внутренним характеристикам человека: *Познакомится с веселой и предприимчивой девушкой, которая не предаст в трудную минуту и не сбежит с тонущего корабля* (№ 6512); *Михаил не обратит внимания на силиконовую куклу, лишенную интеллекта* (эфир 20 мая 2015); *Максим ищет смелую, яркую и легкую на подъем девушку, которая не боится перемен* (эфир 2 сентября 2015); *Женится на яркой дружелюбной кокетке, которая занята любимым делом и не сует нос в чужие дела* (эфир 17 марта 2015).

Мужчина хочет найти вторую половину, которая не оставит его в трудной ситуации и будет с ним в любой жизненной ситуации, поэтому автор выбирает эвфемизм-метафору *не сбежит с тонущего корабля*; мужчин привлекают социально активные девушки, для их характеристики авторы-мужчины используют эвфемизм-фразеологизм *легкая на подъем*; мужчина ищет равноправную интеллектуалку, используя при этом антонимичный образ *силиконовой куклы*; не хочет, чтобы девушка вмешивалась в его личные дела, поэтому в описании идеального образа женщины адресант выбирает эвфемизм-фразеологизм *не сует нос в чужие дела*.

Женские объявления:

Хочет встретить сильного, ответственного, творческого, целеустремленного мужчину, с которым будет чувствовать себя, как за каменной стеной (№ 5392); *Мечтает обрести женское счастье рядом с брюнетом среднего телосложения, который будет разделять ее интересы, увлекаться спортом и не станет висеть на ее шее* (№ 5362); *Надеется встретить самодостаточного мужчину крепкого телосложения, который не будет «ручкой без чемодана»* (№ 5315); *Хочет познакомиться с надежным, твердо стоящим на ногах мужчиной от 33 лет* (№ 5351).

Мужчинам и женщинам предписывается исполнение разных социальных ролей. По традиции, муж зарабатывает, кормит и защищает семью, мужчин принято оценивать по профессиональным успехам, поэтому два автора-женщины в своем объявлении используют эвфемизмы фразеологизированного характера *твердо стоять на ногах, не станет висеть на ее шее, не будет «ручкой без чемодана»*; они хотят найти самостоятельного, независимого, жизнеспособного и надежного мужчину — это выводные знания, которые следуют из интерпретации эвфемизма-сравнения *как за каменной стеной*.

Вторая группа текстов, «рисующих» портрет предполагаемого партнера, обращена к материальному состоянию человека: *Мечтает о серьезных отношениях с высоким, ухоженным мужчиной, который носит деловой костюм и хорошо зарабатывает* (№ 3504); *Рядом с собой видит целеустремленного мужчину по имени Алексей от 30 до 50 лет с сильным характером и дорогим парфюмом* (№ 5453).

Материальное состояние важно для женщины при выборе партнера. Каждая женщина склонна найти состоятельного мужа, у которого хорошая работа и стабильный заработок, но прямое эксплицитное выражение меркантильных интересов женщины производит негативное впечатление. Для сглаживания ситуации автор-женщина выбирает эвфемизмы *носит деловой костюм, с дорогим парфюмом*, косвенно указывающие на вещные приметы обеспеченного человека.

Предупреждения о себе. В количественном отношении мужские и женские брачные объявления содержат одинаковое количество эвфемизмов.

Мужские объявления:

Признается, что из него можно вить веревки (13 октября 2015); *Предупреждает, что тяжело расстается с людьми и любит раздуть из мухи слона* (эфир 17 июня 2015); *Признается, что любит остричь, валять дурака* (эфир 24 сентября 2015); *Признается, что в его доме царит творческий беспорядок* (эфир 22 декабря 2014); *Признается, что теряет голову от восточных ароматов* (эфир 9 июня 2014).

Основная цель, которая преследуется говорящим при использовании эвфемизмов — «стремление избегать коммуникативных конфликтов, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта» [Крысин 2004: 269]. В части предупреждений говорящими принято показывать свои привычки, в большинстве своем негативные. Поэтому адресанты подбирают такие обозначения, которые не только смягчают способ выражения, но и отчасти скрывают или вуалируют недостатки. Авторы-мужчины выбирают эвфемизм-фразеологизм *из него можно вить веревки*, чтобы завуалировать свою мягкотелость; *раздуть из мухи слона* вместо *преувеличить*; *валять дурака* вместо *лениться, ничего не делать*; *терять голову* вместо *безрассудно влюбляться*. Автор предпочитает эвфемизм *творческий беспорядок*, чтобы смягчить свой недостаток — неаккуратность в быту.

Женские объявления:

Предупреждает, что не будет круглосуточно стоять у плиты, но с удовольствием возьмет на себя обязанности по организации до-

суга (эфир 15 июня 2015); *Признается, что так и не познала радость материнства* (№ 5482); *Предупреждает, что ей иногда необходимо побыть одной* (эфир 27 октября 2015).

Женщина так же, как и мужчина, использует эвфемизмы для смягчения способа выражения. Женщина — это хранительница семейного очага, женщинам, как правило, в качестве основных отводятся семейные роли (матери, хозяйки, жены), женщин принято оценивать по наличию семьи и детей. Любое отступление от гендерных стереотипов требует от автора употребления косвенного способа выражения: эвфемизм-метонимия с элементом гиперболы *не будет круглосуточно стоять у плиты* вуалирует отступление от стандартной характеристики хорошей домохозяйки; эвфемизм *не познала радость материнства* информирует об отсутствии детей.

Отдельная группа текстов обращена к смягчению женщинами своих негативных привычек, которые их не украшают: *Предупреждает, что дома творческий беспорядок* (№ 6508).

Истории предыдущих семейных отношений. Все эвфемизмы встречаются в мужских объявлениях.

Мужские объявления:

Жена ушла от Владимира, когда тот пристрастился к алкоголю и стал поднимать на нее руку (эфир 17 июня 2015); *Владимир постоянно выяснял с возлюбленной отношения на кулаках* (эфир 4 сентября 2015).

В своих высказываниях адресант вуалирует свои неудачные отношения с возлюбленными с помощью эвфемизмов. Бить женщину — аморальное поведение, поэтому автор выбирает эвфемизмы-фразеологизмы *поднимать руку, выяснять отношения на кулаках*.

В самопрезентации встретился один эвфемизм в женском объявлении. О профессии: *мастер парикмахерского искусства* (№ 6515). Эвфемизм помогает повысить социальный престиж обыденной профессии и скрыть негативное впечатление от «прямого» названия соответствующего рода занятий.

Таким образом, эвфемистическая форма — это неконвенциональный, косвенный способ подачи информации, с помощью которого адресант пытается управлять впечатлением адресата, смягчить негативное впечатление и усилить позитивное. Иногда этот тип информации относят к косвенным (эксплицитным) формам, противопоставляя этому типу собственно имплицитное (скрытое) содержание [См.: Лаппо 2013].

Второй тип имплицитного содержания — скрытое содержание, выявление которого возможно с помощью импликатур, логически выводного мотивированного смысла, либо с помощью системы пресуппозиций, служащих для реализации коммуникативного смысла. К основной пропозиции буквального смысла прибавляется проективная, выводимая на базе пресуппозитивной информации. «Пресуппозиции — это знания о действительности, обеспечивающие общность миропонимания между участниками общения» [Карасик 2013: 215].

Рассмотрим второй тип имплицитного содержания на типичных женских и мужских брачных объявлениях.

Женские объявления:

Юрист-фрилансер, получает второе высшее образование. Занимается фотографией и танцами ходит в спортзал, любит готовить. Мечтает жить в собственном доме (эфир 19 октября 2015 г.);

Помощник руководителя в компании. Гордится своими корнями. Мечтает начать пользоваться услугами домработницы (эфир 13 октября 2015 г.);

В прошлом артистка балета, сейчас балетмейстер в хореографическом училище. Мечтает о вилле на берегу Средиземного моря (эфир 30 сентября 2015 г.);

Бухгалтер, увлекается плаванием и любит ходить на дискотеки. Мечтает выплатить ипотечный кредит (эфир 27 октября 2015 г.).

Во всех представленных выше брачных объявлениях выделенные нами части сообщают о мечте авторов-женщин улучшить свое материальное положение. Но с учетом того, что перед нами жанр брачного объявления, ситуация требует от заинтересованного читателя реконструкции модели сознания адресанта по косвенным признакам. Женщины, на наш взгляд, таким образом моделируют образ желаемого партнера — человека обеспеченного, с высоким материальным достатком, который бы смог реализовать их мечты, поскольку текст не информирует о других возможных источниках дохода.

В свою очередь, в мужских объявлениях также может содержаться косвенная информация о степени материальной состоятельности автора (в данном случае — о несостоятельности):

В прошлом — капитан милиции и спасатель МЧС, сейчас зарабатывает на жизнь ремонтом компьютеров. Один воспитывает двух дочек. Предупреждает, что его преследуют коллекторы из банка (эфир 24 февраля 2015 г.)

Мужские объявления:

По образованию юрист, живет в Норвегии, гордится тем, что выплатил кредит за квартиру. Мечтает покорить гору Тейде. **Предупреждает, что рядом с ним трудно заснуть** (эфир 24 марта 2015 г.); Преподаватель фрактальной геометрии и астрофизики, любит спорт, рыбалку и активный отдых. **Первый брак Александра распался из-за чугунной сковородки, второй из-за излишней честности, а третий из-за людской зависти** (эфир 24 ноября 2015 г.).

В первом мужском тексте есть косвенное предупреждение **рядом с ним трудно заснуть**, которое позволяет судить об авторе как обладателе активной сексуальной энергии. Второй мужской текст содержит имплицитную информацию о горячем темпераменте первой жены Александра: **брак Александра распался из-за чугунной сковородки**. Можно предполагать, что выяснение супружеских отношений в первом браке проходило не на словах, а с применением одного из традиционных предметов кухонной утвари — чугунной сковородки.

Подведем предварительные итоги. Структура брачного объявления предполагает наличие двух субъектов — отправителя и получателя, а также двух объектов сообщения на том основании, что объявление содержит автопортрет и портрет идеального партнера. Очевидно, что оба портрета конструируются в тесной взаимосвязи с ценностями и запросами данного общества. Косвенная форма подачи информации при самопрезентации является распространенным явлением, поскольку в культуре существуют определенные ограничения к подобным коммуникативным актам — в брачном диалоге для партнера должна существовать большая степень свободы реагирования. Говорящий интуитивно ощущает потребность уйти от полноты сообщения с целью создания положительного образа в сознании адресата. Так, информация о финансовом положении (своем и партнера), которая приобретает популярность в женских текстах, предпочтительно выражена имплицитно. Показатель информации о внешних данных партнера-женщины значительно выше в мужских текстах, что также соответствует существующим гендерным стереотипам.

Использованная литература

1. Акулова Е. В. Жанр «Объявления о знакомстве»: гендерная и этнокультурная специфика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2010.
2. Акулова Е. В. Жанр «Объявления о знакомстве» как особый вид общения // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр / Под ред. М. А.

Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. — Саратов: Изд-во Сарат.ун-та, 2009. — Вып. 9. — С. 87—92.

3. *Арапова Н. С.* Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 590.

4. *Вепрева И. Т.* Детабуизация в современном русском языке и любовная лексика // Проблемы лингвокультурологического и дискурсивного анализа: материалы Всеросс. науч. конф. «Язык. Система. Личность» — Екатеринбург: УрГПУ, 2006. — С. 19—26.

5. *Гаврюшенко В.* Современный матримониальный текст // Współczesne tendencje rozwoju języków słowiańskich. Т. 1. — Katowice. — 1994. — Р. 13—28.

6. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация и ее жанры / Под ред. В.Е. Гольдина. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000.

7. *Карасик В.И.* Языковая матрица культуры. — М.: Гнозис, 2013.

8. *Ковишова М.Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. — М.: Гнозис, 2007.

9. *Крысин Л.П.* Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // Русский язык в школе. — 1994. — № 5. — С. 76—82.

10. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М.: 1996. — С. 384—407.

11. *Крысин Л. П.* Иноязычное слово в роли эвфемизма // Русский язык в школе. — 1998. — № 2. — С. 71—74.

12. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русское слово, свое и чужое. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 262—286.

13. *Кобозева И. М.* Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН. СССР. Сер. литературы и языка. — 1988. — Т. 47. — № 5. — С. 462—471.

14. *Ланно М. А.* Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы: монография. — Новосибирск: изд-во НГПУ, 2013.

15. *Ольшанский И.Г.* Тексты брачных объявлений как источник гендерной самоидентификации // «Гендер: язык, культура, коммуникация»: докл. Второй междунар. конф. — М.: 2003. — С.243—247.

16. *Рогалева О.С.* Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2005.

17. *Серль Дж. Р.* Косвенные речевые акты? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. — М.: Прогресс, 1986. — С. 195—222.

18. *Федосюк М. Ю.* Неявные способы передачи информации в тексте: Учеб. пособие по спецкурсу. — М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1988.

19. *Царикевич Н. В.* Социопрагматика текста брачного рекламного объявления (сравнительно-сопоставительный анализ русских и немецких текстов брачных рекламных объявлений): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2007.

20. *Шибанова Е. А.* Концептуальное пространство брачных объявлений (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. — Пенза, 2004.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором И. Т. Вепревой

Хао Мэй

магистрант 1 к. УрФУ

ШТРИХИ К РЕЧЕВОМУ ПОРТРЕТУ ТУРГЕНЕВСКОЙ ДЕВУШКИ

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) — писатель, творчество которого оказало влияние на развитие русской и мировой литературы. Непревзойденный мастер языка [См.: Пустовойт 1987], он воплотил в своих произведениях колоритные картины русской жизни, создал галерею русских характеров. В филологии сформировалось самостоятельное научное направление — тургеневедение [См.: Библиография литературы о И. С. Тургеневе 1970; Бялый 1962 и др.]. Изучают творчество Тургенева и в Китае [См.: 徐拯民 2000].

Лирическая тема поисков прекрасного нашла отражение в созданных И. С. Тургеневым женских образах. Почитатели таланта писателя ввели в речевой оборот словосочетание «тургеневская девушка». Тургеневская девушка — «натура цельная, самоотверженная, глубоко русская, близкая по духу своему пушкинской Татьяне, явившейся поистине олицетворением прекрасного» [Фридлянд 1962: 255]. Особенности национального характера проявляются в речи героини.

Задача лингвокультурологического анализа, результаты которого представлены в данной статье, — описание речевого портрета тургеневской девушки. Объект анализа — текст повести «Ася». Впервые повесть была опубликована в журнале «Современник» (1858 г.). П. В. Анненков, друг писателя, отмечает, что «основа «Аси» автобиографична: судьба героини (история ее детства) напоминает судьбу дочери Тургенева, Полины, воспитывавшейся в доме его матери» [Аннеков 1960: 418].

Повествование ведется от лица рассказчика. Уже в зрелом возрасте он вспоминает себя двадцатипятилетним молодым человеком, который путешествует *без цели, без плана*, чувствует желание *видеть новые*

лица¹. *Имя рассказчика (Н. Н.) не называется. Действие происходит в небольшом немецком городке, расположенном на левом берегу Рейна. Мимолетный роман с молодой вдовой, которая кокетничала со всеми, уязвил гордость молодого человека, хотя рана сердца была не очень глубока. Настоящее чувство он испытал, встретившись с Асей. Противопоставление игры в любовь и любви истинной, осмысление природы любви охватывает повествование как тематически цельный текст.*

В процессе конкретного анализа мы будем опираться на труды по лингвоперсонологии, основанные на синтезе методов собственно лингвистического, психолингвистического, социолингвистического, стилистического анализа [См.: Дымарский 2006; Карасик 2003; Крысин 2001; Седов 2010].

Первая случайная встреча героя с Асей маркирована словом *русский*: на фоне молодых немецких голосов выделяются реплики на русском языке:

Вы русские? — *сорвалось у меня невольно с языка.*

Да, русские.

Далее следует этикетная формула представления со странной паузой:

Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... — он запнулся на мгновение, — моя сестра.

Неуверенно произнесенное слово *сестра* вносит имплицитный смысл “тайна”: каковы истинные отношения между Гагиным и молодой особой? Загадка усугубляется отсутствием внешнего сходства: *Она несколько не походила на своего брата. Ср.: А все-таки она ему не сестра!* Таким образом, ролевой статус героини остается неопределенным. Странность заключается также в том, что девушку звали не Анастасией, а Анной (стандартные уменьшительные варианты имени: Аня, Анночка, Аннушка, Нюра, Нюся, Анюта, Нюта, Нюша [Энциклопедия русских имен 2000: 418]).

Обращает на себя внимание противопоставление глаголов, подчеркивающих переход речевого поведения Аси от скованности к непринужденности: *Сначала она **дичилась** меня; < > и немного спустя уже **сама заговаривала со мной**. Дичиться (разг.) — “стесняться, чуждаться”* [Толковый словарь...2008: 201] Способность поддерживать непринуж-

1 Здесь и далее извлечения из текста повести приводятся курсивом. Основной источник: Тургенев И.С. Собр. Соч. В 10 т. Т. 6. — М.: Гослитиздат, 1960. С. 164—200.

денный разговор, коммуникабельность — важный штрих к речевому портрету: *Мы проболтали часа два*. Непринужденность речевой манеры Аси выражается невербальными средствами — прежде всего взглядом: *Ее большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки ее слегка щурились, и тогда взор ее внезапно становился глубок и нежен*. Наречия и краткие прилагательные емко характеризуют характер Аси: она прямодушна, эмоциональна, порывиста, бесхитростна, способна на смелый поступок, обладает интеллектом. Отметим, что прямой взгляд в глаза собеседнику характеризует русскую невербальную манеру поведения, которая нередко смущает китайцев.

В повести присутствует характеристика беседы как особого жанра диалогической и полилогической речи. Ася с интересом участвует в кооперативном гармоничном разговоре (<> *беседа наша все продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас*). Сравнение подчеркивает не только увлекательность, но и жизненную необходимость доверительного речевого взаимодействия. Умение поддержать беседу, быть ее равноправной участницей — важная грань коммуникативной компетенции Аси. Писатель не выделяет тему беседы, не воспроизводит реплики участников разговора, а лишь подчеркивает ценность обратной связи, которая рождается в беседе благодаря участию в ней Аси. Лишенная кокетства речевая манера девушки обостряет чувства собеседника, оставляет неизгладимый след в его душе. Через много лет Н. Н. вспоминает:

— *Я чувствовал себе счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чем не думал... Я был счастлив.*

Можно предположить, что Н.Н. покорила безыскусственность Аси, ее поглощенность самим разговором, а не желание понравиться, произвести впечатление. Девушка чувствует неуместность кокетства: она не “выставляет напоказ” [Толковый словарь...2008: 346] свои внешние и интеллектуальные данные — она поглощена самой беседой. Не случайно Н. Н. *в течение вечера... ни разу не вспомнил о... жестокой красавице, которая умело играла его чувствами*. Речевой портрет Аси строится на базе противопоставления манипулятивного (жестокая красавица-кокетка) и искреннего, естественного, лишенного театральности речевого поведения тургеневской девушки.

Оппозиция позволительного — непозволительного, которая учитывается в процессе речевого портретирования, проявляется в невербальном поведении. С одной стороны, *движения ее были очень милы, как у*

благовоспитанной барышни; с другой стороны — *полудерзко, полувесело щурились темные глаза*. Не предусмотренное этикетом резкое проявление эмоций — психологическая черта, но не признак невоспитанности: — *Вы находите мое поведение неприличным, — казалось, говорило ее лицо, — все равно: я знаю, вы мной любуетесь*. Таким образом, Ася знает правила хорошего тона, но позволяет себе нарушать эти правила, не сковывая себя известными предписаниями. Следует также учесть, что Асе семнадцать лет, поэтому ребячливость, склонность к игре можно трактовать как проявления возрастных особенностей ее речи.

Тургенев неоднократно подчеркивает русскость Аси. Русскость проявляется прежде всего в прямолинейности и простоте поведения, сглаживающей различия между кругом низшим и высшим: *Ася показала мне совершенно русской девушкой... мне невольно вспомнились наши доморощенные Кати и Маши...* Вопрос о сословной принадлежности Аси, которая вела себя *естественно, без тени кокетства*, но непредсказуемо, волнует героя — выходца из дворянской среды. В Гагине Н.Н. видел *полуизнеженного великорусского дворянина*; Ася же *не походила на барышню*. Ее речь была лишена привычных штампов, а поведение не подчинялось принятым в дворянских семьях условностям. В то же время она свободно говорит по-немецки, с увлечением читает французские романы.

Гагин раскрывает секрет драматической истории Аси — незаконнорожденной дочери его отца, получившей образование *в одном из лучших пансионов Петербурга*. Для правильного восприятия историзма пансион носителям русского языка как иностранного требуется страноведческий комментарий: в дореволюционной России пансионом называли “закрытое среднее учебное заведение с общежитием” [Крысин 2005: 561]. В пансионе обучались благородные девицы — дворянского происхождения. Незаконнорожденная Ася с детства осознавала свое ложное положение: *барышни* (т. е. “девушки благородного происхождения”) [Балакай 2001: 32])... *из хороших фамилий не любили ее, язвили ее и кололи, как только могли*, несмотря на то, что *училась она прекрасно, лучше всех*. Таким образом, Ася не ощущала себя “настоящей барышней”, но воспитание получила в пансионе и знала, как барышня должна себя вести. Ролевой статус “барышня”, устанавливаемый по признаку происхождения, не принимается ею по отношению к себе как полноценный. Ум и образованность не могут преодолеть сложившиеся сословные предрассудки.

В речи Аси ощущается искреннее стремление к высокому. Услышав пение богомольцев, она говорит:

— *Вот бы пойти с ними...пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг.*

Подобно Татьяне Лариной, она мечтает об истинном чувстве:

— *Есть чувства, которые поднимают нас от земли.*

В то же время, понимая и переживая неопределенность своего положения, произносит:

— *Крылья у меня выросли, да лететь некуда.*

Склонность к образным афористическим формулировкам — признака нестандартности, выразительности речи тургеневской девушки.

Как и Татьяна Ларина, Ася способна на смелый речевой поступок: она пишет записку человеку, которого полюбила без памяти, и назначает ему свидание. Гагин комментирует поступок сестры:

— *Другая умела бы все скрыть и выждать — но не она!*

Сцена свидания в небольшой комнате, в доме фрау Луизы, обнаруживает нравственное превосходство страстной натуры над влюбленным, но находящимся в плену предрассудков молодым человеком.

Ваша... — прошептала она едва дыша.

В этом трепетном признании гамма чувств: и надежда, и страх, и готовность смириться с обстоятельствами. Услышав от Н. Н., что *брат все знает*, она испытывает недоумение:

— *Я должен был все ему рассказать.*

— *Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла еще прийти в себя и плохо меня понимала.*

Представляется, что Ася поняла того, кому доверилась. Слово *должен* выражает уверенность Н. Н. в том, что он обязан был обо всем рассказать Гагину. Модальность долженствования разрушается в ответной реплике Аси, которая восприняла этот факт как предательство. Выслушав в ответ на признание в любви моральные наставления, Ася смиренно согласилась с необходимостью покинуть город:

Посмотрите же, что вы наделали... Теперь вы хотите уехать...

Да, я должна уехать... Я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

И вы думаете... мне будет легко с вами расстаться?

Но зачем же вы сказали брату?...

В диалогических репликах Аси отсутствуют речевые жанры жалобы, обвинения. Не услышав ожидаемого эмоционального отклика со

стороны Н. Н., она не утрачивает чувства собственного достоинства. Это чувство выражено в прощальной записке, адресованной человеку, которого Ася полюбила с первого взгляда. Бесхитростное объяснение собственного видения ситуации неразделенной любви мотивирует двукратное употребление «формы прощания... навсегда» [Балакай 2001: 431], отличной от формы *до свидания*. Ася прямо говорит о том, что ожидала услышать слова любви, без которой она не мыслит продолжения встреч:

— *Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю — нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали **одно слово, одно только слово** — я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!*

В тексте записки используется фигура умолчания: Ася избегает употребления глагола *любить*, т. к. в ее представлении любовь — это взаимное чувство, которое Н.Н. не решился высказать. Духовный мир Аси оказался богаче, глубже духовного мира Н.Н., который, в отличие от семнадцатилетней девушки, остается в плену условностей:

Сама Ася, с ее огненной головой, с ее прошедшим, с ее воспитанием, это привлекательное, но странное существо — признаюсь, она меня пугала. Долго боролась во мне чувства <...> «Я не могу на ней жениться, — решил я наконец, — она не узнает, что и я полюбил ее».

В сцене свидания речевая смелость Аси противопоставляется речевым уверткам Н.Н. Лишь через много лет он осознает ценность непродизнесенного слова, которое могло бы определить будущую счастливую жизнь. Слово, в трактовке писателя, правит судьбами:

— *О, я безумец!... Я не сказал его ей, я не сказал ей, что люблю ее <...> последняя нить, за которую я еще мог ухватиться, выскользнула из рук моих.*

В текстах классической русской литературы «важное место занимают самохарактеристики персонажей» [Кожевникова 2001: 397]. В повести «Ася» находим ограниченное количество подобных высказываний с местоимением *Я* в позиции субъекта, которые позволяют уточнить внутреннее психологическое состояние Аси, ее склонность к постоянным размышлениям. Предикаты в таких высказываниях — глаголы интеллектуальной деятельности: <...> *я думала, отчего это никто не может **знать**, что с ним будет; <> а иногда и видишь беду, да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать всей правды? Потом я думала, что я ничего не **знаю**, что **мне** надобно **учиться**. Меня перевоспитать надо,*

я очень дурно воспитана. В этих откровенных Я-характеристиках ощущается не только самокритичность, но и прозорливость, аналитический склад ума, стремление к самосовершенствованию. Девушке постоянно приходится делать выбор между “можно” и “нельзя”:

— *Я сама не знаю, что у меня в голове... Я иногда самой себя боюсь, ей-богу.*

В речи Аси неоднократно повторяется слово *правда*, слова и сочетания, передающие представления о правде и правдивости. Она правдива и ждет того же от других: *Послушайте,... меня мучит мысль, что вы меня считаете легкомысленной... Вы вперед всегда верьте тому, что я вам говорю буду, только и вы будьте со мной откровенны: а я вам всегда буду говорить правду, даю вам честное слово...* Ася не лукавит и ждет полной откровенности в ответ на откровенность.

Для осмысления особенностей речевого мира Аси важны оценочные высказывания со стороны Гагина и Н. Н. Молодые люди считают Асю *странный*, т. е. “необычной, непонятной, вызывающей недоумение” [Толковый словарь... 2008: 397], *загадочной*. Например: *Не правда ли, она должна казаться немного **странный**?* (Гагин). Ср.: *Она являлась мне загадочным* существом (Н. Н.). Эти оценки основаны на отсутствии в речевом поведении Аси тех штампов, которые были присущи поведению благовоспитанной барышни: *Она не походила на барышню* (Н.Н.).

Н.Н., который испытал на себе коварство кокетки, отмечает отсутствие театральности в речевой манере Аси: *«<...> как я ни старался наблюдать за нею, ни тени кокетства, ни признака намеренно принятой роли я в ней не заметил».*

Акцентируется социальный фактор, влияющий на формирование целостного речевого портрета: *Она хотела заставить целый мир забыть о своем происхождении* (Гагин); *Я заглянул в эту душу: тайный гнет давил ее постоянно* (Н. Н.).

Высокий уровень интеллектуальной стороны речи, ее глубокая эмоциональность, правдивость косвенно характеризуются высказываниями: *<...> сердце в ней не испортилось, ум уцелел* (Гагин); *Бедное, честное искреннее дитя* (Н. Н.). Совпадение точек зрения Гагина и Н.Н. обнаруживает весомость социального фактора, влияющего на восприятие лингвокультурного типажа.

Таким образом, лингвоперсонологический анализ позволил выявить два фактора, влияющих на формирование речевого портрета героини: фактор социально-ролевой и фактор индивидуально-психологический.

Высокий уровень развития собственно лингвистических компетенций (Ася владеет нормами русского литературного языка, свободно говорит на двух европейских языках) и коммуникативных компетенций (Ася обладает умениями, способствующими созданию гармонического кооперативного взаимодействия) не позволяет воспринимать ее речевое поведение как некий стандартный вариант, ассоциируемый с речью *настоящей барышни*. Социально-статусная роль барышни, девушки благородного происхождения, самой Асей не осознается как органическая. В границах оппозиции “своего и чужого” речь Аси воспринимается как “другая”, не похожая на социально обусловленные стандартные образцы.

Лингвоперсонологический анализ позволил выявить следующие индивидуально-психологические особенности речевой манеры Аси: простота, отсутствие театральности, правдивость, эмоциональность, порывистость. Особо выделяется способность девушки к совершению речевого поступка, связанного с риском. Выразительность, образность речи поддерживают романтические устремления героини, живущей в ожидании любви.

Перевод повести «Ася» на современный китайский язык необходимо сопровождать лингвокультурологическими комментариями, направленными на разъяснение слов, выражений, связанных с устройством дореволюционного русского общества. Особая задача — разработка страноведческих разъяснений в учебных целях.

Использованная литература

1. Анненков П. В. Литературные воспоминания. — М.: Гослитиздат, 1960.
2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. — М.: АСТ—ПРЕСС, 2001.
3. Библиография литературы о И. С. Тургеневе, 1918-1967 / Акад. наук СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) / отв. ред. Л. Н. Назарова и А. Д. Алексеев; сост.: А. Д. Алексеев, И. А. Битюгова, Н. Ф. Буданова и др. — Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1970. — С. 166—188.
4. Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. — М.: Л.: Советский писатель, 1962.
5. Дымарский М. Я. Речевая манера: конфликтность внутренняя и внешняя// Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: колл. моногр./ отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. — С. 74—88.
6. Карасик В. И. Языковое поведение и типы языковых личностей//Масовая культура на рубеже XX — XXI веков: человек и его дискурс/ под ред. Ю. А. Сорокина, М. Л. Желтухиной. М.: Азбуковник, 2003. — С. 24—42.

7. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета// Русский язык в научном освещении. 2001. — № 1. — С. 90—106.
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. — М.: ЭКСМО, 2005.
9. Кожевникова Н. А. Стиль Чехова. — М.: Азбуковник, 2011.
10. Пустовойт П. Г. Художник слова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. — С. 127—139.
11. Седов К. Ф. Модель коммуникативной компетенции // Проблемы речевой коммуникации. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. — С. 101—125. .
12. Толковый словарь русского языка/ отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2011.
13. Фридлянд В. Повести Тургенева пятидесятих годов/ Тургенев И. С. Собр. соч. В 10 т. — М.: Гослитиздат, т. 6, 1962. — С. 251—279.
14. Энциклопедия русских имен. — М.: Изд-во ЭКСМО — ПРЕСС, 2000.
15. 徐拯民. 巴金与屠格涅夫笔下的女性形象//《俄罗斯文艺》. 北京: 北京师范大学, 2000. 56—70页.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Н. А. Купиной

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. Берсенева
магистрант 2 к. УрФУ

ТЕМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА БЛОГА БОРИСА АКУНИНА «ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ»

Тематическая специфика — одна из важнейших характеристик виртуальных дневников — блогов. Тематика блогов, которые ведут в сети Интернет известные персоны, обычно охватывает широкий круг вопросов: досуг и профессиональная деятельность пользователя, его личные переживания и творчество, политические, социальные и культурные проблемы общества. Предпочтение той или иной темы может свидетельствовать о целях ведения дневника. Так, к примеру, активное информирование читателей в блоге артиста, писателя, спортсмена о его будущих проектах и редукция других тем позволяет говорить о ведении PR-блога, целью которого становится коммерческое продвижение продукта на рынке. По этому пути мог пойти известный писатель Борис Акунин, создавая собственный блог, однако его виртуальный дневник не становится монотематичным, ориентированным только на повышение продаж собственных произведений. Анализ блога Б.Акунина «Любовь к истории» показывает, что он характеризуется постоянным обращением к нескольким тематическим сферам, прежде всего это занимательные исторические факты, литература и современная политическая ситуация.

Исследователями отмечается необычность блога Акунина, так как большинство сетевых дневников, созданных писателями, связано во многом с личной историей автора, а не с историческими материалами [Максимова 2015: 156]. У Акунина же личное остается в основном за пределами «Живого журнала». Изначально Борис Акунин завел блог для того, чтобы делиться с читателями тем историческим материалом, который накапливался в процессе работы писателя, но по разным причинам оказывался ненужным и не попадал в книги (запись «Как появился этот

блог» от 13 ноября 2010 года). Основная, доминирующая по замыслу автора тема блога фиксируется в названии сетевого дневника — «Любовь к истории». Некоторые исследователи на этом основании даже определяют блог Акунина как принадлежащий исторической блогосфере Рунета [Хут 2014: 175—176].

В записях об исторических событиях и личностях Акунин обращается к мировой и отечественной истории. Героями его постов становятся как величайшие исторические деятели, так и совершенно неизвестные широкому кругу читателей люди, которые тем не менее оставили свой след в истории. Причем вторые встречаются на страницах акунинского блога чаще. Рассказ об их судьбе построен по всем законам повествования и всегда содержит интригу. Интерпретируя жизнь и достижения исторических деятелей, писатель смотрит на них с позиции концепции Большого и Малого мира: «*Кто про что, а я все про два мира, Большой и Малый*» (запись «Собираатель вееров» от 21 января 2013 года). Словосочетания *Большой Мир* и *Малый Мир*, отражающие представления автора о роли человека в историческом процессе, неоднократно используются в блоге при описании исторических фактов. *Большой Мир* — это мир общественный, мир, в котором творится история. Людьми Большого Мира становятся исторические деятели, от которых зависят судьбы народов. *Малый Мир* — это мир личных отношений, семьи, мир, в нем живет большинство рядовых граждан. Размышляя о соприкосновении этих двух миров на историческом материале, Акунин рассуждает о выборе, с которым сталкивается тот или иной исторический персонаж: какой мир предпочесть.

Показателен в этом отношении пост «Собираатель вееров» от 21 января 2013 года, где Акунин рассказывает о национальном герое Китая Чжане Сюэляне, который, по мнению Акунина, совершил несколько «Больших Поступков», за что расплатился длительным заключением. Блогер восхищается тем, что Чжан Сюэлян отказался от претензий на лидерство, потерял возможность дальше творить историю, находясь в заключении, но поспособствовал примирению противоборствующих сторон на благо Китая. Тем не менее, описывая *Малый мир* Сюэляна, Акунин дает ему противоречивую оценку:

Узник жил в комфортабельных условиях, с любимой женщиной. Иногда к нему даже пускали гостей. Он мог читать книги. Совершенствовал искусство каллиграфии. Собрал внушительную коллекцию вееров. И так далее, и так далее — на протяжении пяти-

десяти пяти лет; Эта подневольная идиллия кажется мне ужасной <...> Я вот думаю: а может, не нужно его жалеть? Что если, настолько лишенный бремени Большого Мира, он испытал облегчение и жил себе со спокойной совестью: сколько сумел, столько и сделал, почему бы спокойно не насладиться тихими радостями Малого Мира?

Столкновение Большого и Малого мира в судьбе исторического деятеля становится для Акунина центральным объектом повествования, тем, что позволяет выявить ценностные предпочтения героев и самого блогера. Акунин ценит в исторических персонажах двойственность натуры, но в то же время отдает предпочтение тем, кто руководствуется в своих поступках общечеловеческими нравственными установками, представлением о чести и достоинстве.

Рассуждая об истории, Борис Акунин постоянно выстраивает параллели с современностью и практически всегда находит подтверждение мысли, высказанной Эрастом Фандориным в одном из романов: *«Вечная беда России. Все в ней перепутано. Добро защищают дураки и мерзавцы, злу служат мученики и герои»*. Противоречивость, алогичность российского общества провоцирует автора на откровенно негативные высказывания:

Я, как и Эраст Петрович, считаю, что Хаос (читай: революция) — это плохо, а Порядок (читай: городской на перекрестке) — это хорошо. И лучше уж плохой порядок, чем «как один умрем в борьбе за это». Но почему же, почему из века в век ответственными за поддержание Порядка в России становятся почти сплошь негодяи? Ведь из-за них, скотов, в конце концов и случаются революции! <...> Существенно то, что читаешь о нравах и обычаях наших нынешних лагерей и думаешь: как же они исправно воспроизводятся, эти надворные советники. И нет им переводу (Запись «Про российское вечное» от 22 ноября 2013 года).

Автором используются резкие оценочные номинации для характеристики творящих произвол чиновников (*негодяи, скоты*) и других представителей политической элиты. Оксюморонные словосочетания *герои Хаоса* и *мерзавцы Порядка*, использованные далее, со всей ясностью демонстрируют отношение Акунина к власти и революционно настроенной оппозиции.

Актуальная политическая ситуация в России становится второй ключевой темой изучаемого сетевого дневника после выборов в Госу-

дарственную Думу в декабре 2011 года, так как автор блога считал их нелегитимными. В течение следующего года писатель становится активным деятелем оппозиции, участвует в протестном движении и много пишет об этом в блоге, призывая соотечественников к гражданской активности:

Кажется, демдвижение наконец начинает двигаться дальше. А то шествия, митинги, гуляния — это чудесно и духоподъемно, но давно уже хочется перейти из эмоциональной фазы в практическую <...>; 12 июня я обязательно сначала схожу на городское собрание по референдуму, а уже потом, сделав дело, буду гулять смело: помарширую с «миллионами». Честно говоря, одного марша мне было как-то недостаточно <...>; Знаете что, давайте предложим темы референдума от читателей этого блога. Я позабочусь о том, чтобы инициативная группа узнала о наших пожеланиях; Итак, предлагайте вопросы. Потом устроим рейтинговую голосовалку (Запись «12-06-12: двигаемся дальше?» от 29 мая 2012 года).

Мнение читателей очень важно для блогера, поэтому он неоднократно использует приемы интерактивного взаимодействия с читателями, в частности проводит опрос, каково должно быть содержание его блога:

Вначале я обещал читателям лишь развлекать их «историческими занятностями», но довольно далеко отклонился от этого курса — стал писать про то, что в данный момент занимает меня самого. Это нехорошо, это эгоизм. Воспитанные люди так себя не ведут. Поэтому я устыдился, решил вспомнить о вежливости; Давайте выясним, чего ожидаете от этого блога вы. Я постараюсь учесть ваши пожелания и впредь соблюдать в ЖЖ пропорции, которые выявит этот опрос. А для тех тем, которые вам менее интересны, возьму да и заведу себе фейсбук, к чему меня уже давно склоняют клеветы Цукерберга» (запись «Дань вежливости» от 1 августа 2012 года).

По мнению исследователей сетевых дневников, блоги, будучи подвижными и интерактивными, «часто меняют жанры, подстраиваясь под специфику авторского восприятия того или иного события, рецепции блогов читателями и других факторов» [Кожанова 2014: 161—163]. Получив результаты опроса, показавшего, что читателю блога более интересны исторические и литературные посты, чем записи о современной политической ситуации в России, Борис Акунин корректирует содержание дневника:

Буду стараться писать в ЖЖ про неполитическое. Клятв не даю и окончательно не зарекаюсь, но попробую. Печальное оставляю для фейсбука. Кто грустный и сердитый — будем грустить и сердиться там; Поэтому сегодня здесь не про расстрел в школе, не про закрытие канала «Дождь» и не про «Болотное дело», а про чепуху (запись «И это серьезное дело нельзя поручать никому» от 4 февраля 2014 года).

Примечательны цепочки, выстраивающиеся в тексте: ЖЖ — *неполитическое* — чепуха; фейсбук — *печальное* — *расстрел в школе, закрытие канала «Дождь»* — *Болотное дело*. Они свидетельствуют о том, что в ценностной картине мира Акунина более важной становится общественная, а не просветительская или литературная деятельность. И это подтверждается следующей же записью в блоге, которая снова посвящена актуальной политической проблематике (запись «ОЛИМПИСКОЕ» от 6 февраля 2014 года — размышления о коррупции, сопровождавшей Олимпийскую стройку в Сочи). Даже стремясь соответствовать ожиданиям аудитории, Борис Акунин не может не обращать внимание читателей на то, что его волнует в современной политической ситуации.

Тема литературы так или иначе представлена практически во всех записях Акунина. Рассказывая тот или иной исторический случай, он упоминает, что обнаружил его, ища материал для новой книги. Рассуждая о проблемах современной России, он активно обращается к читательскому опыту аудитории, цитируя работы известных писателей и используя их как «доводы к авторитету».

Записи, посвященные собственно проблемам литературы, содержат прежде всего анонсы собственных книг и небольшие рецензии на чужие книги, сопровождаемые детальными комментариями личного характера, позволяющего лучше узнать как самого Акунина, так и любимых им авторов:

Мой еще более доисторический товарищ поэт Лев Рубинштейн (с ним я познакомился в легендарные времена, когда поэтов ходили слушать на «квартирники», принося с собой добытую в очередях водку и закусывая ее, например, бутербродами с шпротным паштеймом или пастой «Океан») выпустил сборник коротких эссе. Я их читал по мере опубликования в сети, а тут прочел еще раз, все вместе. Получилась книга не про то, про что написан каждый из этих маленьких текстов, а про... Нет, не буду навязывать свою интерпретацию. В общем, read and enjoy». (Запись «ОПГ» от 29 августа 2012 года)

Акунин обращается и к проблемам творчества вообще, стремясь изучить на собственном примере, как рождаются художественные произведения:

Писатель — это такой охотник. Все высматривает, где сидит фазан. Чуть увидит — ружье навскидку, пиф-паф! И фазан записан в блокнотик, а потом, ошипанный и зажаренный, оказывается в романе. В охотничьем деле что главное? Думаете, меткость? Ничего подобного. Хорошие места надо знать, правильные охотничьи тропы, где дичь сама лезет под прицел; Вот у меня в Москве была просто волшебная охотничья тропа: Яузский-Покровский-Чистопрудный. Бывало, нужно что-нибудь придумать — берешь берданку и патронташ, в смысле записную книжку с ручкой, выходишь на Бульварное, и дальше все случается само собой, только успевай записывать» (запись «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА. Новогодний тост» от 31 декабря 2015 года).

Предложенная и развернутая автором аналогия *писатель — охотник* точно характеризует многих мастеров слова, для которых важны особая наблюдательность, свои особенные методы поиска материала и удача.

С самого начала ведения блога сетевой дневник Бориса Акунина отличала политематичность, однако в последние два года активность писателя в блога постепенно упала: от нескольких постов в неделю автор переходит к одному, а с лета 2015 года практически прекращает публиковать новые записи. Причем последние записи посвящены исключительно новым книгам Акунина. Вынужденную монотематичность блога автор объясняет изменением в общественной атмосфере страны и отказом от бессмысленного размещения постов, которые вызывают лишь ответную агрессивную реакцию (для Акунина, позиционирующего свою аудиторию как *Благородное собрание*, гармонизация общения с читателем, очевидно, очень важна):

Развлекать вас занимательными историями я больше не могу — не то настроение. Я все время нахожусь в предчувствии надвигающейся беды, а многое скверное уже и случилось; Писать о политике нет желания. Да и смысла. Все вы — все мы — так или иначе для себя давно определили, что нам нравится и что не нравится, кто хороший и кто плохой. Аргументы многократно изложены. Кого не сумел убедить — уже не смогу. Любой пост на политическую тему порождает лишь брань и еще больше распаляет вражду; Думаю, что времена политики

в России закончились. Не навсегда, конечно, а до поры до времени. Во всяком случае, словами на этом этапе уже ничего не изменишь. Камень сорвался, покатился под гору, набирая скорость. Не остановишь. Таким образом из трех тем у меня осталась только одна — литература (Запись «Как я провел лето» от 7 сентября 2015 года).

По сути, отказ от двух ведущих тем превращает сетевой дневник Акунина в типичный монотематический блог писателя, рекламирующий литературное творчество [См.: Белова 2015]. Приводя в пример какую-нибудь занимательную историю, связанную с написанием новой книги, или публикуя маленькие отрывки с целью привлечения внимания читателей к изданию, Акунин завершает свою запись прямым продвижением произведения:

Кто захочет прочесть мое новое сочинение, у вас есть выбор; Бумажную книгу, очень красивую, естественно, ищите в магазинах; Приложение для мобильных устройств можно купить здесь; Текстовый файл — здесь; Аудиокнигу (читает мой любимый Александр Клюквин) — здесь»(запись «Про новую книжку» от 16 марта 2016 года).

Демонстрация широкого набора возможностей ознакомления с новым сочинением писателя позволяет констатировать несомненную рекламную установку современной версии блога Бориса Акунина. Вынужденный переход от политематичности к монотематичности в сетевом дневнике Бориса Акунина, по нашим наблюдениям, приводит к постепенному угасанию активности писателя на платформе «Живого журнала». В блоге Борис Акунин — общественный деятель уступает место Борису Акунину — писателю.

Использованная литература

1. Белова Е. А. Позиционирование Б. Акунина в Интернете // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2014): сб. науч. тр. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 32—36.
2. Кожанова В. Ю. Жанровая специфика блогов // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II. — Москва, 2014. — С. 160—164.
3. Максимова Н. В. Писательские блоги как форма автобиографической и художественной практики // Гуманитарные исследования. — 2015. — С. 154—159.
4. Хут Л. Р. Историческая блогосфера Рунета // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. — Москва, 2014. — С. 173—188.

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, доцентом Ю. Б. Пикулевой

И. Д. Панов
магистрант 1 к. УрФУ

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ КОНТРАСТЫ В МЕДИАТЕКСТЕ

Публицистический стиль занимает особое место в системе функциональных стилей русского литературного языка. В отличие от других функциональных стилей, например, научного и официально-делового, он обладает менее жесткой структурой и большим лексическим разнообразием. В силу особенностей речевого производства языку СМИ свойственны речевые клише — публицистические речевые стереотипы. Обширный набор собственных клише является неотъемлемой чертой стиля и составляет его норму. В то же время характерной чертой публицистического стиля является его открытость для экспрессивных проявлений.

Данное свойство присуще всем публицистическим текстам, составляя конструктивный принцип последнего: соединение стандарта и экспрессии [Костомаров 1971]. Язык СМИ находит некую «золотую середину» между информативностью и экспрессивностью. В. Г. Костомаров в своей работе «Русский язык на газетной полосе» пишет о том, что «газетное изложение не терпит ни той, ни другой крайности: в первом случае не было бы эмоционально-воздействующего эффекта, во втором — необходимой фактографичности» [Костомаров 1971: 91]. Т. В. Матвеева в свою очередь отмечает, что «очищенный от экспрессии и сведенный к строго логическому содержанию газетный текст теряет свое лицо, превращаясь то в общеизвестную истину, то в фактографическое описание события» [Матвеева 1990: 84].

Для современных медиатекстов экспрессивная составляющая становится еще более важной. Добиваясь повышенной экспрессии своих материалов, журналисты зачастую прибегают к такому приему, как вкрапление в тексты СМИ разговорных и просторечных слов и оборотов. Их использование в современной публицистике далеко не случайно. Оно обусловлено ее центральной установкой на сближение психологической дистанции между автором и адресатом. В настоящее время единицы повседневной речи не выглядят в медиатекстах чужеродными, обособленными включениями — они постоянно перемежаются с книжными единицами [Купина, Матвеева 2013: 239]. Иными словами, в последние

годы отмечается демократизация публицистического языка, которая «естественно предполагает расширение стилистического спектра», заимствование единиц из других функциональных стилей, и, прежде всего, из разговорного стиля [Цонева 2005: 507—519].

В. Г. Костомаров выделяет три вида чередования экспрессии и стандарта. Первый вид — это «внутрифразовые» чередования стандартного обозначения с его окрашенным эквивалентом. Такого рода чередование позволяет создавать «экспрессивный эффект конфликта стандарта с нестандартом». Второй вид — сочленение содержательно независимых друг от друга элементов разных стилистических окрасок. Это касается не только лексики, но и синтаксиса чередуемых фрагментов. Например, книжные фрагменты чередуются с разговорными, в которых отчетливо прослеживается характерный для разговорного стиля свободный порядок слов или, про словам В.Г. Костомарова, «раскованный разговорный синтаксис». Третий вид — композиционные контрастные чередования. Это наиболее сложный вид, он проявляется, к примеру, в стилистическом противопоставлении заголовка и основного текста [Костомаров 1971: 104—135].

Данная статья построена на материале таких изданий, как «Коммерсантъ», «Комсомольская правда» и «URA.ru» (февраль — март 2016). Цель нашей работы — на основе контекстного метода разобрать механизм стилистических чередований, с помощью которого реализуется принцип создания экспрессивного эффекта.

Исходная посылка наших наблюдений состоит в следующем. Стилистический контраст повседневной и книжной лексики в пределах конкретного текста СМИ является основой создания экспрессивного эффекта. Автор публицистического текста намеренно выстраивает эти контрасты, добиваясь стилистического эффекта — «заложенного в высказывании и реализованного в нем с помощью специальных языковых средств намерения автора речи вызвать у адресата определенную эмоциональную реакцию» [Данилевская 2003: 488].

Данное явление может рассматриваться через понятие языковой игры, которое рассматривается как «определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка» [Данилевская 2003: 657]. В результате такого нарушения достигается экспрессивный эффект, языковая игра способна вызывать у адресата эстетическое переживание. Различные формы языковой игры зачастую придают

материалам комический, иронический тон, что соответствует общей демократизации публицистического языка, уходу журналистики от сухого изложения фактов.

Тяготение медиатекста к игровой манере текстопорождения персонализировано. К стилистическим контрастам как основному выразительному средству часто обращается журналист газеты «Коммерсантъ» Андрей Колесников (ниже АК). Примером служат материалы «Минские оговоренности» (<http://www.kommersant.ru/> 2016. 25 февраля) и «Стой среди своих» (<http://www.kommersant.ru/> 2016. 26 февраля). Уже в заголовках данных материалов автор использует прецедентные тексты [Караулов 1987: 216—217], трансформируя их в соответствии со своей прагматической целью. Трансформация речекультурного прецедента выступает в качестве одной из форм языковой игры, вызывающей интерес адресата и настраивающей его на определенный тон повествования.

Материал «Минские оговоренности» открывается лидом, который написан сухим газетным языком в преимущественно нейтральном тоне: *В четверг президент России Владимир Путин встретился в Минске с президентом Белоруссии Александром Лукашенко. О том, почему главным впечатлением от этой встречи стала трагическая оговорка Александра Лукашенко в ее начале, а также о том, была ли это оговорка, — специальный корреспондент “Ъ” (АК).* Единственная лексема с оценочным значением *трагическая* контрастирует с семантикой слова *оговорка* по степени значимости, смысловому масштабу слова. В результате этот эпитет приобретает явный иронический оттенок.

Стилистический контраст обнаруживается и в основной части материала:

Александр Лукашенко пообещал, что заседание Высшего госсвета Союзного государства (величественнее это мероприятие назвать уже нельзя, можно даже не пытаться, хотя попытки такие, не станем скрывать, есть) будет оперативным, потому что «все вопросы очень серьезно проработали».

Оголодавшие, прежде всего в прямом смысле, журналисты накинулись на мысль Владимира Путина о том, что идея строительства Союзного государства, которое началось 20 лет назад, не умерла, тем более что из его слов стало понятно, что эта идея своей смертью и не умрет и будет жить до тех пор, пока жив и сам Александр Лукашенко (очевидно ведь, что при нем президента Белоруссии с другой фамилией быть не может). (АК)

В данном отрывке чередование стандартных конструкций и разговорных включений повсеместно. Автор использует этот прием как в основных высказываниях, так и, в особенности, во вставных конструкциях данного фрагмента. Заключенная в скобки информация прерывает основной ход мысли именно для того, чтобы показать нам отношение автора к описываемой ситуации. Это отношение явно иронично: ***величественнее это мероприятие назвать уже нельзя; очевидно ведь, что при нем президента Белоруссии с другой фамилией быть не может***. Разговорность передает лексика (*оголодавшие, умереть не своей смертью, частица ведь*) и, в большей степени, свободный разговорный синтаксис. Эти средства контрастируют с подчеркнуто книжной лексикой (*величественнее, мероприятие, очевидно*), а также именными словосочетаниями этой же стилистической окраски (*заседание Высшего госсовета Союзного государства идея строительства Союзного государства*).

Еще заметнее стилистический контраст обнаруживает себя в материале, «Стой среди своих», в котором журналист рассказывает о выступлении В.В. Путина на коллегии ФСБ, а заодно — о своих впечатлениях от посещения здания на Лубянке:

В холле стоит много людей. Это участники совещания, которые еще не поспешили занять свои места. Они и здесь не спешат, а просто стоят вдоль стен ровными группами по три-четыре человека, полуразвернувшись при этом к тебе, входящему, так что ты, идя по коридору, который получается живым (а скорее, все-таки полуживым, потому что никто своего места не покидает, а просто рассеянno смотрит, но в одну точку, и эта точка — ты...), все время чувствуешь эти надежные цепкие рассеянные взгляды, да и локти товарищей тоже чувствуешь... (АК)

Здесь автор снова вводит в основной текст материала вставную конструкцию, в пределах которой наблюдается характерный для разговорного стиля синтаксис: ход изложения обрывистый, неупорядоченный; в состав высказывания постоянно включаются разговорные речемы ***а скорее, все-таки, а просто***, разбивающие его на части. В данном фрагменте имитируется необработанность разговорной речи, создается впечатление, что вставная конструкция (*по коридору, который получается живым, а скорее, все-таки полуживым ...*) никак не может закончиться.

Это качество сочетается с художественной образностью. Автор создает здесь ряд контекстных противопоставлений (*живой — полуживой*).

вой, *рассянно смотрит ... в одну точку*), использует стилистические фигуры зевгмы (*надежные цепкие рассеянные взгляды, да и локти*) и хиазма (... *чувствуешь ... взгляды, да и локти ... чувствуешь*). Налицо также модальное фокусирование: наблюдаемое полностью отражает субъективный взгляд автора, обозначенного здесь с помощью личного местоимения *ты*.

В этом же фрагменте много книжных средств: причастий и де-епричастий, в том числе малоупотребительных (*идя*), субстантивных словосочетаний с приименным родительным падежом (*участники совещания, локти товарищей*) и др. Намеренная разностильность подчеркивает основную оппозицию данного вступительного фрагмента: *они — ты*.

Стилистические контрасты активно использует обозреватель «Комсомольской правды» Роман Карманов (далее РК). В качестве яркого примера приведем материал «Пусть уж гаишники клеят — зато без мордобоя» (<http://www.ural.kp.ru/> 2016. 15 марта), который посвящен гражданским активистам. Как мы видим, автор, уже начиная с заголовка, вводит элементы разговорного стиля. Во-первых, фраза, данная в качестве заголовка, начинается с разговорной речемы *пусть уж*, состоящей из частицы *пусть*, выражающей допущение, и усилительной частицы *уж*. Во-вторых, в заголовке используются такие характерные разговорные лексемы, как *гаишники* и *мордобой*. В третьих, здесь используется актуальное разговорное значение глагола *клеить*: «использовать наклейку на лобовое стекло автомобиля в качестве меры противодействия нарушениям дорожного движения».

Заданная в заголовке стилистическая линия продолжена в «теле» текста:

Побурчав на слабость и нерешительность официальных органов, тяжело вздохнув и засучив рукава «народные дружинники» вооружаются *кто чем может* и выходят на улицы *вершить правосудие, исходя из собственных представлений о прекрасном*. Причем, делают это, *как назло*, шумно и показательно. *То* клеймо-наклейку на лобовое стекло хама-водителя *приклеят*, не отодрать, *то* педофила на живца *поймают* да клеймо-видео снимут, не отмоешься. В общем, действуют решительно и эффективно. Общество аплодирует стоя. Чисто эмоционально мысленно часто присоединяюсь. (РК)

Автор активно использует разговорный синтаксис и разговорные речемы, например, разговорные фразеологизмы *как назло* и *засучив ру-*

кава, просторечное деепричастие *побурчав*, типичную для разговорной речи синтаксическую конструкцию *то..., то...* За счет этого из скупого сообщения фактов материал превращается в некое подобие рассказа от первого лица. Экспрессивный разговорный синтаксис передает отношение автора к сообщаемым сведениям.

Одной из разновидностей стилистических контрастов является стилистическое противопоставление заголовка и основного текста. Зачастую к разговорному оформлению заголовков прибегают, чтобы привлечь внимание к сообщаемому факту. В частности, это происходит в том случае, когда необходимо презентовать необычный, неординарный факт. Соответственно, заголовок задает тон, в котором этот факт будет восприниматься читателем. Основной же состав материала может оформляться в сугубо информационной манере, с применением книжных лексических и грамматических средств. Данный прием зачастую используют журналисты информагентства «URA.ru».

1. *Дожили! В России начали продавать еду в кредит* (<http://ura.ru/> 2016, 10 февраля). В данном заголовке используется восклицание, характерное для живой разговорной речи. Этот возглас употребляется, как правило, при негативной эмоциональной оценке того или иного длительного события. На контрасте с заголовком начинается основная часть материала, оформленная вполне книжно: *Продуктовая сеть во Владивостоке начала продавать еду в кредит. Спросом пользуются деликатесы и спиртное.*

«Вот оно, импортозамещение! В Челябинске открылся магазин самогонных аппаратов премиум-класса» (<http://ura.ru/> 2016, 20 февраля). В данном заголовке также используется восклицание, начинающееся с речемы *вот оно*. Сочетание с сообщаемым фактом раскрывает иронический подтекст заголовка.

2. *Кризис? Нет, не слышали. Тюменские банкиры улетно отпраздновали 8 Марта* (<http://ura.ru/> 2016, 4 марта). В данном заголовке имитируется типичное для разговорной речи вопросно-ответное диалогическое единство. За счет нетипичного лексического ввода возникает интонация насмешки: *«Кризис? Нет, не слышали»*. Кроме того, в текст заголовка включено разговорное наречие *улетно*. При раскрытии новости обнаруживается, что слово *улетно* обыгрывается с помощью его столкновения с прямым значением глагола *лететь*. самого этого глагола в тексте нет, использован его контекстный синоним, что обостряет выразительность приема: *Сегодня тюменские банкиры с шиком и блеском отпраздновали*

8 Марта. Над городом **плыли** (т.е. летели. — И.П.) воздушные шары со счастливыми банковскими работницами.

Стилистические контрасты в медиатекстах самым прямым образом связаны с реализацией конструктивного принципа публицистики. Сочетание стандарта и экспрессии, достигаемое за счет столкновения речевых средств контрастирующей стилистической окраски, оказывает сильное эмоциональное воздействие на адресата. С помощью включения в тексты СМИ элементов разговорного стиля журналисты привлекают дополнительное внимание к материалу, выделяют те или иные факты, а также, показывают личностное отношение к сообщаемой информации. Кроме того, вкрапления разговорных элементов позволяют уменьшить дистанцию между автором и читателем, помогают журналисту говорить со своей аудиторией на одном языке.

Рассмотренное явление имеет глобальный характер, но мера его использования в современных СМИ различна. Представляет интерес возведение традиционного для современной журналистики способа стилистически контрастного изложения темы в ранг сквозного и главного. Журналисты, творческая манера которых базируется на тотальной иронии, невозможной без стилистических контрастов, в современной медиасфере есть, их стиль требует отдельного исследовательского внимания.

Использованная литература

1. Данилевская Н. В. Стилистический эффект // Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта, Наука, 2003. — С. 488—489.
2. Данилевская Н. В. Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. / Под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 657—664.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987.
4. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. — М.: Изд-во МГУ, 1971.
5. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. — М.: Изд-во Юрайт, 2013.
6. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990.
7. Цонева Л. Современная русская публицистика и языковая игра // Stylistyka XIV: Tekst i styl. — Opole, 2005. — С. 507—519.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Т. В. Матвеевой

© Панов И. Д.

Е. Б. Сидоренко
магистрант 1 к. УрФУ

РОЛЕВАЯ ИГРА ЖИВОГО ДЕЙСТВИЯ И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Ролевые игры живого действия сегодня востребованы обществом и активно изучаются в социологии, психологии и культурологии, при этом их лингвистический аспект остается малоизученным.

В лингвистике активно разрабатывается понятие «игра». Понятие «языковая игра» было введено философом Л. Витгенштейном [Витгенштейн 2000]. Используя метафору игры, автор показывает, что языковой знак не имеет универсального смысла и может функционировать только в рамках конвенциональных правил, которые зависят от сферы общения. Понятие «языковой игры» разрабатывается и в собственно лингвистическом ключе [Гридина 1996; Санников 1999]. «Языковая игра» при этом понимается как намеренное нарушение языковых норм, связанное с установкой на экспрессивность, которое предаёт творческую составляющую всему высказыванию. Но понятие «ролевая игра» не следует рассматривать в таком ключе.

Наша цель — описать феномен «ролевой игры живого действия», выделив его среди многообразия игр, изучаемых социологией, психологией, культурологией и другими науками, а также выявить и систематизировать круг текстов, которые репрезентируют это явление. Кроме того, термины, которые используются при описании ролевых игр живого действия, происходят из профессионального языка и требуют адаптации к терминологическому аппарату коммуникативной лингвистики.

Понятие «ролевая игра» объединяет широкий круг явлений, функционирующих в возрастной психологии, педагогике, методике преподавания иностранных языков, в индустрии развлечений. Из самого понятия «ролевая игра» можно сделать вывод, что основным компонентом игр такого типа является роль. Роль здесь может пониматься и как социально-психологическая роль и как художественный образ, воплощенный актером на сцене (в случае ролевой игры — воплощенный игроком в пространстве игры).

Но не любую игру, где участник действует в рамках выбранной роли, называют «ролевой игрой». Например, детскую игру «Гуси-лебеди», где есть роли волка, гусей и хозяина ролевой игрой не называют,

хотя эти роли предписывают особое поведение и, в некоторой степени, воплощение образов, например, «злого волка». То же можно сказать о других детских играх, где есть роль водящего (волк, лисица, охотник, монах и т.д.) и остальных игроков (гуси, ласточки, зайцы и т.д.).

В игре «Гуси-лебеди» и других подобных играх роли жестко предписывают игроку определенное поведение, его функцию в игре. Разыгрывание роли предполагает произнесение ритуализированных высказываний, закрепленных за определенной ролью (например, диалог хозяина и гусей: «*Гуси, гуси! — Га-га-га! Есть хотите? — Да, да, да!*»). Существуют разные варианты этих ритуализированных высказываний, но внутри одного сообщества игроков в рамках одной игры используется один вариант. Ролевая игра, наоборот, допускает значительную свободу в поведении игрока и в интерпретации образа (образ может меняться, развиваться). Функции не закрепляются за ролями жестко и однозначно. В ролевой игре нет ритуализированных высказываний (если они есть, то они не составляют основу разыгрывания роли).

Игры типа «Гуси-лебеди» предполагают постоянную смену ролей (например, пойманный гусь становится вторым волком). В ролевой игре игрок сохраняет одну роль. Выход из роли предполагает выход из пространства игры. Важное значение в ролевой игре имеет этап обсуждения, в ходе которого игрок подробно узнает о том, как разыгрывались другие роли. Вероятно, можно назвать и другие отличия, мы остановились на самых очевидных.

Ролевая игра может служить основой для психотерапевтических практик, предполагающих разыгрывание ролей, например для психодрамы [Морено 2011]. В психологии и педагогике рассматривается сюжетно-ролевая игра детей (работы Д. Б. Эльконина, Л. С. Выготского и др.), разработан ряд методик, основанных на ролевой игре: коммуникативные ролевые игры при изучении иностранного языка, ролевые игры-тренинги для взрослых, где обучаемый и тренер разыгрывают профессиональные ситуации, ролевые игры в профориентации школьников и т.д. Цель таких игр: научить человека эффективно исполнять определенную роль в определенной ситуации. Например, ролевая игра-тренинг для менеджеров по продажам может моделировать ситуацию общения с клиентом: тренер разыгрывает роли клиентов с разными характерами, взглядами, а обучаемый вырабатывает эффективные приемы общения с ними. В профориентационной ролевой игре школьникам предлагают роли специалистов и проблемные ситуации из разных

профессиональных сфер. В таких играх моделируется приближенная к реальности ситуация, игрок учится эффективно действовать в ней (критерии эффективности при этом четко определены). В ролевых играх развлекательного характера нет ни установки на близость к реальности, ни четких критериев успешности игрока. Такие ролевые игры могут использоваться в педагогике, например, для организации досуга школьников, и иметь более обобщенные задачи типа развития общих коммуникативных навыков, творческого потенциала, получения навыков работы в команде и т. д.

Обратившись к ролевым играм в психологии и педагогике, мы выделили еще одно ее свойство: ролевая игра не имеет четко определенной цели, критериев успешности, однозначного понятия о выигрыше и проигрыше. Этот признак ролевой игры дал основание американским разработчикам компьютерных игр Кейт Сален (Katie Salen) и Эрику Циммерману (Eric Zimmerman) говорить о ролевой игре как о пограничном случае (limit case) игр вообще. «Role-playing games clearly embody every component of our definition of game, except one: a quantifiable outcome. As an RPG player, you move through game-stories, following the rules, overcoming obstacles, accomplishing tasks, and generally increasing the abilities of your character. What is usually lacking, however, is a single endpoint to the game. Role-playing games are structured like serial narratives that grow and evolve from session to session» [Salen, Zimmerman 2004: 96] *(В ролевой игре ясно воплощаются все составляющие нашего определения игры, кроме одного: исхода, поддающегося количественной оценке. Играя в ролевую игру, вы продвигаетесь по игровому сюжету, следуя правилам, преодолеваете препятствия и выполняете задачи и, в общем, повышаете способности своего персонажа. Не хватает только чёткого завершения игры. Ролевая игра строится как повествование, которое разрастается и изменяется от одной игровой сессии к другой — перевод мой. — Е. С.).* Таким образом, на первое место в ролевой игре выходит не состязание, а участие в развитии сюжета.

Опишем типы ролевых игр, функционирующих в индустрии развлечений. Мы будем пользоваться терминологией, принятой в профессиональном сообществе разработчиков и участников игр.

1. Настольные ролевые игры (НРИ). Это игры типа «Dungeons & Dragons» [Dungeons & Dragons: электронный ресурс]. Настольная ролевая игра — это система правил, рекомендаций, а также эскизов игрового мира и персонажей, на основе которых ведущий (который может быть

непрофессионалом) создает свою собственную игру. В игре участвуют не более 6—7 игроков, игровая сессия длится несколько часов, один сюжет может разворачиваться на протяжении нескольких сессий. Ведущий устно описывает ситуацию, в которой оказываются персонажи, а игроки описывают действия своих персонажей. С помощью системы правил ведущий рассчитывает, насколько успешными были действия игрока, и описывает изменения ситуации. Так, в наиболее общем виде, выглядит игровой процесс настольной ролевой игры. Настольная ролевая игра предполагает некоторый набор материального оснащения: игровое поле, специальные кубики, карточки и т.д.

2. Словесные ролевые игры — это игры, близкие к настольным ролевым играм, но для них не требуется материальное оснащение. Деятельность игрока в игре, так же, как и в настольных играх, — это описание действий персонажа. Также словесными ролевыми играми называют «Мафию» и игры, созданные на ее основе.

3. Форумные ролевые игры проводятся на веб-форумах. Деятельность игрока представляет собой описание ситуации и действий персонажа в форме сообщения на форуме. В такой игре может одновременно участвовать любое количество игроков. Один человек может взять на себя целый ряд ролей. Участники форумных ролевых игр не обязаны находиться в игре одновременно, они могут оставлять сообщения в игровом форуме в разное время. Форумная ролевая игра слабо ограничена по времени, игры такого типа могут длиться месяцы или даже годы, если участники сохраняют интерес. Примером форумных ролевых игр могут служить игры, проводящиеся на сайте frpg.su.

4. Компьютерные ролевые игры для одного игрока. Понятие компьютерная ролевая игра объединяет большое количество игр, значительно отличающихся друг от друга. Примерами компьютерных ролевых игр для одного игрока могут служить серии игр «Baldur's Gate», «The Elder Scrolls», «Diablo», «Dragon age», «Mass Effect». Для компьютерной ролевой игры требуется специальное программное обеспечение, которое и берет на себя ту часть игрового процесса, которую в других типах ролевых игр обеспечивает ведущий и другие игроки. Компьютерные ролевые игры, в отличие от всех других ролевых игр, предназначены для одного игрока. Компьютерные ролевые игры не требуют от игрока создания каких-либо высказываний — они предполагают выбор одного из предложенных вариантов развития сюжета. Сюжет компьютерной ролевой игры имеет древовидную структуру и допускает несколько ис-

ходов. Особенный интерес представляет переигрывание одной и той же игры, для того чтоб прийти к разным исходам.

5. Многопользовательские ролевые онлайн-игры составляют большую часть компьютерных ролевых игр. Для таких игр требуется специальное программное обеспечение и социальная сеть. В многопользовательской ролевой онлайн-игре одновременно принимает участие от нескольких десятков до нескольких тысяч игроков. Важной составляющей такой игры является общение игроков в ходе игры в виде мгновенных сообщений в чате. Задачи такого общения могут быть различны: от координации действий внутри команды до разговоров на внеигровые темы. Примером многопользовательской ролевой онлайн-игры может служить «World of Warcraft».

6. Ролевые игры живого действия (далее РИЖД).

РИЖД, которым в основном посвящена эта статья, возникли, по-видимому, позже настольных ролевых игр и приняли многие их черты. Некоторые схожие с РИЖД виды игр существовали раньше. Это детективные игры, где участники, собирая «улики», разложенные в помещении, должны были расследовать преступление. Иногда в таких играх кто-то из игроков исполняет роль преступника, а остальные — роли детективов. Но структура, при которой каждый персонаж снабжен уникальным набором способностей и драматическим образом, либо прямо заимствована из НРИ, либо очень близка к НРИ. Само название «ролевые игры живого действия» (англ. live action role-playing game) могло возникнуть на основе представления о том, что в НРИ игрок изображает действия персонажа через устное высказывание, а в РИЖД — изображает их, проигрывает «вживую». Это дает основание относить РИЖД к драматическому действию. Э. Ф. Шафранская относит РИДЖ («ролевые игры толкинистов») к народной драме, «современным массовым драматическим действиям» [Шафранская 2008: 252]. Разработчик и исследователь РИЖД Д. Муравлянский описывает РИЖД как игру, имеющую информационный и драматический пласт» [Муравлянский 2008: электронный ресурс]. Драматический компонент игры связан с разыгрыванием конфликта, возникающего при столкновении персонажей с другими персонажами или игровым миром.

В некоторой степени взаимодействие с информацией характерно для игр вообще. Любая игра предполагает принятие игроком решений на основе информации о правилах и компонентах игры и на основе своего или чужого игрового опыта. Игровое действие в РИЖД конструктивно

основано на том, что большая часть информации об игровой ситуации закрыта от каждого конкретного игрока. Получение недостающей информации составляет часть игрового действия. Неполной может быть даже информация о правилах игры. Игрок в РИЖД не только собирает и оценивает информацию, но и распространяет ее, и правилами обычно не запрещается распространять искаженную, неполную или ложную информацию.

Ролевые игры живого действия в свою очередь подразделяются на некоторые типы. Основанием для типологии, существующей в практике разработки игр, часто становятся количество участников, время и место проведения игры. Эти параметры во многом определяют внутреннюю структуру игры. Одна из первых классификаций была основана на количестве участников и выделяла всего два типа РИЖД: МИГ (малая ролевая игра) — до 20 участников и БРИГ (большая ролевая игра) — от нескольких десятков, до нескольких сотен участников. [Куприянов 1995: 2]

Представители субкультуры ролевиков обычно используют наименования: полевая игра, кабинетная игра, павильонная игра, городская игра и другие. Основной критерий для классификации в этом случае — место проведения игры и количество участников. В практике разработки коммерческих ролевых игр игры обычно не делят по месту проведения, но главным параметром, который выделяют при описании игры, остается количество участников.

Текстовым материалом, репрезентирующим РИЖД, являются установочные тексты, которые можно представить в виде иерархии (См. рис. 1).

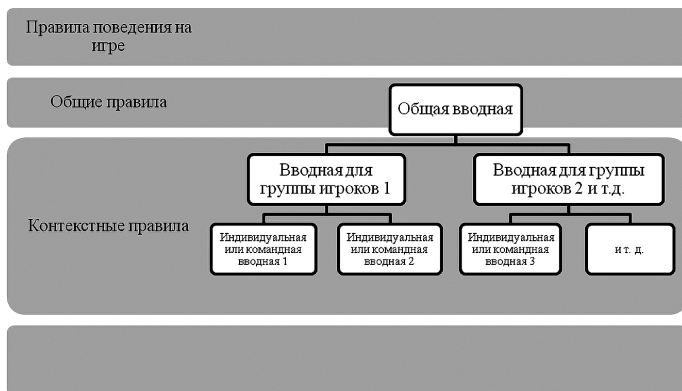

Рис. 1.

Установочные тексты предназначены для большого числа игроков. Информация, содержащаяся в установочных текстах низшего уровня будет дополнять и расширять информацию из текстов высшего уровня.

Еще два типа установочных текстов, не вошли в представленную иерархию:

- игровые документы, которые используются во время игрового действия, чтоб ведущий мог ограниченно управлять сюжетом;
- руководство или рекомендации по проведению игры, предназначенные для ведущего.

Установочные тексты крупных игр (условно: более сотни участников) представляют собой сложный для сбора и анализа материал. Установочная часть крупной игры — сложная гипертекстовое образование. Чтобы адекватно описать крупную РИЖД, нужно рассматривать в числе установочных текстов переписку и устное общение разработчиков и игроков, доигровое устное и письменное общение игроков внутри команды, капитанов команд между собой, игроков разных команд, многообразные «сыгровки» (то есть словесные и форумные игры, предшествующие крупной игре и отражающие ее тему и ее персонажей), контекстные правила, созданные игроками, и другие тексты. Таким материалом в полном объеме часто не располагают даже разработчики игры.

В индустрии развлечений функционируют преимущественно малые игры. Малые игры легче поддаются тиражированию благодаря сравнительно небольшому объему текстов, прозрачности структуры и простоте в проведении (ведущий может управлять игрой, просто следуя инструкции разработчика), небольшим материальным затратам на каждую постановку и низким требованиям к подготовке игрока. Если малая игра предназначена для повторных постановок, вклад конкретной команды игроков в установочные тексты оказывается минимальным. Мы будем рассматривать установочные тексты малых игр (рассчитанных на несколько десятков участников).

Подчеркнем, что понятия «малая игра» и «крупная игра» не являются терминами, а количество игроков — очень условное основание для классификации игр. Игру на несколько десятков участников можно создавать по принципу «крупной игры», описанному выше. При этом существуют игры, рассчитанные на 100—150 участников, где все установочные тексты созданы разработчиком, без участия игроков (это в основном коммерческие игры, например, игры компании «Квестория» — «Секретные материалы» и «Ставки сделаны»).

Трудности в сборе материала обусловлены тем, что установочные тексты РИЖД являются объектом авторского права. РИЖД, функционирующие в индустрии развлечений, являются коммерческой тайной. Игры, находящиеся в открытом доступе, часто имеют неполный набор установочных текстов. Это связано с тем, что разработчик проводит игру сам и не обрабатывает установочные тексты специально для того, чтобы они были понятны постороннему человеку: не создает рекомендации по проведению, «теряет» часть материала, который на своих постановках дает устно. В некоторых случаях разработчик выкладывает в открытый доступ только ознакомительные фрагменты игры, чтоб защитить свои авторские права.

Рассмотрим коммуникативно-прагматическую специфику группы установочных текстов.

1. Общая вводная. Это — текст, предназначенный для всех игроков, дается до игры, вовлекает потенциальных участников в игровое пространство. В качестве примера приведем фрагменты общих вводных из нескольких игр.

5 августа 2017 года. Женева. Город-улей.

Добро пожаловать в мир полного контроля.

Ты любишь тоталитаризм? Это не важно. Теперь любишь.

Ты уважаешь силу? Тебя не спрашивают. Конечно, уважаешь.

Ты не такой как все? У тебя одна дорога — в тюрьму.

У тебя есть свое мнение? Выскажешь — умрешь! [Абдульманов: электронный ресурс].

Из этого фрагмента игрок может сделать вывод: игра создана по мотивам антиутопии; время действия игры 2017 год, то есть недалекое будущее (игра написана не позднее 2006 года); место действия — плотно населенный город, который сравнивается с ульем; будет разыгрываться конфликт тоталитарного общества и личности.

Уже на уровне вводного текста дается установка на разыгрывание отношений, характерных для тоталитарного общества. Автор моделирует ситуацию, в которой общество задает человеку вопросы и само же дает на них ответы в форме жесткой констатации факта (*теперь любишь, конечно уважаешь*). Автор игры использует синтаксический параллелизм, визуальное оформление текста (вопросы и ответы в столбик), чтобы придать тексту экспрессивность.

Фрагменты общей вводной из игры «Яхта» (авторы Б. Куприянов, А. Илика):

В этой игре моделируются события, которые могли бы произойти в конце мая 1945 года. В Европе только что закончилась Вторая мировая война. 8 мая 1945 года Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. Страны-победительницы готовятся к послевоенному разделу сфер влияния. Начинается подготовка к судебному процессу над нацистскими преступниками. <...> А между тем из южно-испанского порта Кадис в Атлантический океан вышла комфортабельная яхта с красивым названием «Глория».

Яхта принадлежит капитану Мигелю Вилья. <...> Именно здесь, на борту яхты «Глория», и произойдут игровые события [Куприянов, Илика 1994: 5].

Авторы игры, с одной стороны, указывают на близость игровой ситуации к историческим событиям (дают точную дату, место действия) и, с другой стороны, дают установку на свободную интерпретацию исторических событий (*события, которые могли бы произойти*).

Таким образом, общая вводная содержит открытую информацию, которая признается достоверной в рамках игрового мира, указывает на место и время действия, важные реалии игрового мира, а также передает эмоциональный настрой игры, дает общее представление о конфликтах и образах, используемых в игре. Кроме того, существенна установка на переключение из пространства действительности в пространство игры (общая вводная как бы показывает, что все последующие тексты относятся уже к пространству игры). Эта установка часто выражается через обращение к игроку, например, «Добро пожаловать в мир полного контроля» в игре «Трейс», и «В этой игре моделируются события...» в игре «Яхта» (высказывание также обращено к игроку, который в этот момент находится вне пространства игры и смотрит на игру со стороны).

2. Вводная для группы игроков. Например, в игре «Метро» действие происходит на станции метро, где люди скрываются от ядерной зимы. На станции есть постоянные обитатели и есть гости с других станций, этим группам даются тексты, где одни и те же, общие для всех участников события описываются с разных позиций.

Фрагмент из вводной обитателей станции:

Сегодня собирается всенародное вече. Надо решить важнейшие вопросы жизни станции. На вече приглашаются все дееспособные и образованные люди на станции. Ну что значит образованные, ну считать, читать все умеют и говорят членораздельно.

Вам решать судьбу станции, вам выбирать нового патриарха или подтверждать полномочия старого. На вече впервые приглашены гости станции: купцы, шпионы кто ж их знает [Холодилов, Вольфсон: электронный ресурс].

Фрагмент из вводной гостей станции повторяет первый абзац полностью, второй модифицирован следующим образом:

Вы тоже были приглашены на вече. Кроме вас, здесь присутствуют другие гости станции: купцы, шпионы кто ж их знает. Однако, разумеется, вы не будете принимать участие в выборе нового патриарха станции, который состоится сегодня [Холодилов, Вольфсон: электронный ресурс].

В предложении «На вече впервые приглашены гости станции: купцы, шпионы кто ж их знает» задается неопределенность в отношении игроков из другой группы.

Вводная, общая для группы игроков, функционирует так же, как общая вводная и может или дополнять и конкретизировать, или заменять ее.

3. Индивидуальная вводная — это текст, предназначенный для одного игрока и недоступный остальным. В индивидуальной вводной содержится, во-первых, достоверная (в рамках игрового мира) информация о персонаже, которого будет исполнять игрок: характер и взгляды персонажа, описание событий, в которых он участвовал, может даваться материал для создания образа. Во-вторых, индивидуальная вводная содержит информацию о реалиях игрового мира (конфликтах, событиях, других персонажах), которая может быть как достоверной, так и неполной или искаженной. Восполнение недостатка информации и корректировка неверной информации — часть игрового действия. Третья составляющая — индивидуальные игровые цели:

Цели: помешать магам собирать информацию об Изумруде, уничтожить Изумруд, не нарушать чести священника [Абдульманов: электронный ресурс].

Часто список целей не выделяется. Предполагается, что игрок осознает общую для всех игровую задачу: решить проблемы персонажа. В этом случае игрок получает больше свободы в интерпретации установочных текстов и игровых ситуаций.

Индивидуальные вводные оформляются по-разному, это во многом зависит от условий постановки. Установочные тексты, краткие и очень простые, могут выдаваться игрокам непосредственно перед игрой. Если установочные тексты выдаются заранее и на подготовку отводит-

ся больше времени, индивидуальные вводные делаются большими по объему. Особое внимание уделяется образу персонажа. Объем и способ оформления индивидуальных вводных также зависит от структуры игры: сложная структура требует объемных установочных текстов.

Пример индивидуальной вводной из игры «Кристалл власти» (индивидуальная вводная приводится полностью):

Белый Рыцарь

Вы живете подвигами и приключениями, сражениями с другими Рыцарями.

Цель: сразиться со своим противником — Черным Рыцарем. Но для этого надо найти три жетона силы, а также меч, за который, возможно, нужно будет заплатить. У вас есть: фишка жизни, ваш оруженосец, амулет мудрости и рыцарская цепь [Шляпкин: электронный ресурс].

Индивидуальная вводная очень краткая, но содержит описание характера персонажа (*живете подвигами и приключениями*) и его имущества, информацию о другом персонаже (*Черный рыцарь — противник*), жестко заданную индивидуальную цель (*сразиться со своим противником*) и программу действий для ее достижения. Игра «Кристалл власти» в целом имеет очень простую структуру: обмен предметами между игроками составляет большую часть игрового действия.

4. Командная вводная. Схожа с индивидуальной вводной. Используется, если игровые цели ставятся не перед одним игроком, а перед командой. Может дополнять индивидуальную вводную, но чаще заменяет ее полностью. В этом случае распределение целей внутри команды остается на усмотрение игроков.

5. Игровые документы или тексты для устного исполнения с той же функцией. Это тексты, которые игроки получают и используют в ходе игры. Могут содержать дополнительную информацию и дополнительные цели для персонажа.

Пример игрового документа из игры «Первый снег» — письмо, предназначенное персонажу Илиандре, выдается игроку не раньше, чем через 10 минут после начала игры:

Илиандра!

Ты — ближайший маг к таверне «Усталый путник». Немедленно отправляйся туда и предотврати исполнение пророчества Хесса. Кажется, его собирается исполнить странствующий монах. Помешай, иначе может случиться большая неприятность [Абдульманов: электронный ресурс].

В предложении *«Кажется, его собирается исполнить странствующий монах»* не уточняется, какой именно монах, и слово «кажется» указывает на то, что изложенное может быть в пространстве игры как фактом, так и мнением. В предложении *«Помешай, иначе может случиться большая неприятность»*, не уточняется, какая именно это будет неприятность, но по ходу игрового действия игрок может выяснить это.

6. Общие правила. Описывают моделирование ситуаций, которые невозможно изобразить реалистично, например, бой, смерть, паранормальные способности. Для примера приведем фрагмент общих правил из игры «У старого колодца»:

При прочтении заклинания следует громко сказать «Стоп, магия!», затем обозначить заклинание и его цель. Порвать чип (свиток с заклинанием) на глазах у жертвы [Абдульманов: электронный ресурс].

Одни и те же общие правила, если они удачны, могут использоваться в разных играх для моделирования одних и тех же действий.

7. Контекстные правила. Предназначены для некоторых игроков или некоторых игровых ситуаций, всем участникам неизвестны. Это могут быть правила взаимодействия с предметами или комментарии к предметам, уточняющие их внешний облик и функции, а также особые способности персонажа:

Заклинание горячего металла (заставляет цель заклинания выбросить на пол все металлические предметы: деньги, оружие) [Абдульманов: электронный ресурс].

8. Правила поведения. Общие для всех ролевых игр правила поведения также часто прописываются. Пример правил поведения из игры «Метро»:

- 1) *Мастер всегда прав.*
- 2) *Правило игровой атмосферы — ее не следует нарушать. <...>*
- 3) *Правило образа (отыгрыша) — вам следует отыгрывать не себя, а персонажа*
- 4) *Правило игровых средств — использовать можно только те средства, которые предоставлены игрой.*
- 5) *Правило территории — любой вышедший за игровую территорию считается трупом или ушедшим, уехавшим, если он достаточно оснащен.*
- 6) *Не переносите реальные межличностные отношения на игровые и обратно [Холодилов, Вольфсон: электронный ресурс].*

Правила поведения обладают высшим приоритетом и в случае конфликта с общими правилами и контекстными правилами, предпочте-

ние отдается правилам поведения. Если ситуация, возникшая в рамках общих правил, противоречит правилу атмосферы, правилом низшего уровня можно пренебречь. Кроме того, общие правила регулируют взаимоотношения игрока с организатором. Например, указано, что игроки не должны спорить с организатором (слово «мастер» употреблено в жаргонном значении «организатор игры»). Организатор, так же, как и игроки, подчиняется правилу игровой атмосферы (не должен нарушать ее своими действиями, а иначе игроки могут указать ему на то, что он мешает игре).

9. Рекомендации по проведению игры. Если предполагается, что игру будет проводить не разработчик, игры снабжают рекомендациями по подготовке и проведению.

Установочные тексты задают основные компоненты игрового действия РИЖД: атмосферу игры, образы персонажей, цели игрока и фактор неопределенности. Цели задают направление деятельности игрока во время игры, их выполнение или невыполнение является одним из критериев успешности игрока. Другими критериями успешности игрока и игры в целом является убедительное создание атмосферы и разыгрывание образов персонажей. Фактор неопределенности имеет важное значение для РИЖД. В РИЖД создается начальная ситуация, допускающая большой (практически неограниченный) набор вариантов развития сюжета. Даже если РИЖД создается на материале детских сказок, добро не обязательно должно победить зло, может быть и наоборот. Таков общий принцип РИЖД. Ведущий игры может ограниченно влиять на ее ход (например, с помощью введения новой информации), но прямое влияние (указание игрокам, что нужно делать в рамках сюжета, помощь одной команде в ущерб другой для конструирования «правильного» сюжета и т.д.) обычно считается нарушением правил поведения. Исключения существуют, но они немногочисленны и специально оговариваются в правилах. Например, злым силам может быть предписано в конце игры на постановочной финальной битве «проиграть» добрым силам. Но такое исключение будет затрагивать не всю игру, а какую-то ее часть. Деятельность игрока в РИЖД представляет собой снижение неопределенности и, в конечном итоге, конструирование сюжета, индивидуального в каждой конкретной постановке

Установочные тексты задают сценарную канву РИЖД, определяют пространство общего, в рамках которого и с опорой на которое разво-

рачивается сюжет игры. Установочные тексты дают представление об РИЖД и требуют дальнейшего изучения, но не покрывают всю речевую составляющую ролевой игры.

Использованная литература

1. *Абдульманов С.* Гильдейские интриги; Первый снег; Трейс; У старого колодца [электронный ресурс] — Режим доступа: <http://game.openwork.ru>
2. *Выготский Л. С.* Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. — 1996. — № 6. — С. 62—76.
3. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. — М.: АСТ: Астрель: Neoclassic, 2000.
4. *Гридина Т. А.* Языковая игра: стереотип и творчество. — Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. педагог. ун-та, 1996.
5. *Куприянов Б., Илика А., Афанасьев С.* Яхта: коммуникативная ситуационно-ролевая игра для старшеклассников. — Кострома: Методический центр «Вариант», 1995.
6. *Морено Я.Л.* Психодрама / пер. с англ. Г. Пимочкиной, Е. Рачковой. — Москва: Апрель Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2001.
7. *Муравлянский Д.* Методическое пособие по РИ для начинающих [электронный ресурс] // Мое королевство. — 2008. — № 32. — Режим доступа: <http://www.mykingdom.ru/mykingdom/131946>.
8. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. — М.: Языки русской культуры, 1999.
9. *Форумные ролевые игры* [электронный ресурс]. — Режим доступа: frpg.su.
10. *Холодилов А., Вольфсон Г.* Метро [электронный ресурс] — Режим доступа: <http://game.openwork.ru/metro.htm>.
11. *Цупкин М., Шрамко Д., Муравлянский Д.* Кулл, царь Валузии (павильонная ролевая игра) [электронный ресурс] — Режим доступа: <http://master.larp.ru/archiv/index.php>.
12. *Шафранская Э. Ф.* Устное народное творчество: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. — М.: Академия, 2008.
13. *Шляпкин Е. А.* Ситуационно-ролевая игра «Кристалл власти» [электронный ресурс] — Режим доступа: http://summercamp.ru/index.php?title=Ситуационно-ролевая_игра_«Кристалл_власти».
14. *Эльконин Д. Б.* Психология игры. — М.: Владос, 1999.
15. *Salen K., Zimmerman E.* Rules of Play. Game Design Fundamentals. — London: Cambridge: The MIT Press Cambridge, 2004.
16. *Dungeons & Dragons* [электронный ресурс] — Режим доступа: www.ddragons.ru

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, доцентом С. Ю. Даниловым

А. Туголбай кызы
магистрант I к. УрФУ

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МУСУЛЬМАНСКОЙ ПРОПОВЕДИ

Сегодня в лингвистике активно изучается религиозная коммуникация [Розанова 2000, Прохвятилова 1999, Салимовский, Сусллова 2005 и др.]. Большинство исследований посвящены христианству [Войтак 2002, Гадамский 2008, Гостеева 1997, Жулинская 2005 и др.]. Другие традиционные конфессии редко становятся объектом внимания современной лингвистики.

Религиозный функциональный стиль отличается двуязычием [Крылова 2008, Матвеева 2013]. Сказанное касается не только православия, но и иных традиционных конфессий, в частности, ислама. В каждой из традиционных конфессий традиционно функционирует сакральный язык, в православии это церковнославянский, в исламе — арабский. В то же время следует отметить роль в религиозной коммуникации русского языка, который считают родным многие россияне независимо от национальности. «Российская специфика состоит в том, что русский язык сегодня стал средством религиозной коммуникации не только в православии, но и в других религиях. Он используется в не свойственных ему ранее религиозных конфессиях: исламе, иудаизме, буддизме [Ицкович 2015: 20].

Следовательно, можно говорить не просто о двуязычии, но о разноразличии в традиционных конфессиях: «Сакральный язык как язык богослужения сохраняет свои позиции, профанный язык функционирует в двух разновидностях: национального и русского языков. Так, в исламе на территории России используется арабский, татарский, и русские языки; в иудаизме — иврит, идиш и русский; в буддизме — санскрит, бурятский и русский» [Ицкович 2015: 20].

Объектом нашего исследования является религиозная коммуникация в мусульманстве, в частности, функционирующий на русском языке жанр проповеди.

Остановимся на определениях проповеди подробнее. Так, в Толковом словаре русского языка под редакцией Г.Н. Складчиковской проповедь определяется, как «2. Речь священнослужителя, обращенная к прихожанам, обычно произносимая в храме и содержащая наставления

и рекомендации верующим» [Толковый словарь современного русского языка 2001: 638]. Проповедь — «речь религиозно-назидательного содержания» [Русский толковый словарь 2006: 602]. Проповедь — «речь религиозно-назидательного содержания, произносимая в храме во время богослужения» [Толковый словарь 2007: 760].

Проповедь — это «жанр конфессионального общения. Религиозное назидание или наставление, как правило, морально-этического характера, произнесенное или написанное авторитетным лицом — представителем какого-либо вероучения перед аудиторией последователей этого вероучения. В христианстве проповедью называют наставительную речь, обращенную к прихожанам, которую священник произносит в храме после литургии. Задачей проповеди является сообщение и разъяснения слушателям того или иного положения христианского вероучения» [Иванов 2003: 515].

Проповедь — это «основной жанр церковного красноречия: убеждающее поучительное слово священнослужителя, произносимое с церковного амвона (место перед алтарем) и обращенное к пастве — людям, пришедшим в церковь молиться и воспринимать Слово Божие» [Матвеева 2003: 255].

В анализируемых определениях выделяются следующие элементы коммуникативной ситуации, свойственные жанру проповеди: адресант — священнослужитель, адресат — прихожане, верующие люди, хронотоп — богослужение в храме, цель проповеди — назидание паствы.

Обратимся к функционированию проповеди в мусульманстве. В мусульманстве под проповедью понимается торжественная нравоучительная речь имама-хатыба (имам у мусульман, руководитель богослужения в мечети), посвященная, как правило, какой-либо исламской религиозной или морально— этической проблеме.

Рассмотрим коммуникативно-прагматические особенности мусульманской проповеди. Адресантом мусульманской проповеди является священник. Проповедник в мусульманстве — имам-хатыб — должен обладать знаниями основ ислама, быть всесторонне образованным, поскольку во время проповеди или после ее окончания ему могут задать вопросы. Отвечая на них, имам-хатыб обязан проявить себя компетентным специалистом в области религии и начитанным человеком. Проповедник в исламе, обращаясь к прототексту Корана, цитирует его наизусть: «некоторые имам-хатыбы, у которых певучий голос прекрасная дикция, часто цитируют суры и аяты (чудо, коранические стихи) Коран,

выдержки из хадисов. Уровень их образованности и степень владения чтениями Корана и его комментарием, а также искусное использование в проповедях хадисов (предание о словах и действиях пророка Мухаммада), создает у слушателей полное доверие к словам проповедника» [Каримов 1991: 35]. Помимо Корана, проповедник обращается к современному материалу, включает в проповедь поучительные жизненные истории, касается актуальных социальных проблем, поучает аудиторию, каким должен быть мусульманин.

Проповедник должен использовать не только рациональные, но и эмоциональные аргументы, быть выразительным и артистичным: «Выразительность речи, расстановка пауза, выделение значимых мест с помощью интонации. Будучи искренним при произнесении проповеди, имам-хатыб должен выражать свои чувства, чтобы они передались верующим. Иногда уместно выражать радость, иногда возмущение» [<http://www.islamrf.ru>]. Таким образом, современная реальность требует от имам-хатыба быть грамотным, коммуникабельным, активным и всесторонне образованным человеком.

Мусульманская проповедь обычно произносится с минбара (небольшое возвышение в мечети, на которое поднимается имам для проведения хутбы) или с любого возвышенного места в мечети (мечеть — молитвенный дом у мусульман). Проповедь произносится имамом в мечети один раз в неделю, в пятницу днем, после обеда. Если в православном богослужении проповедь произносится обычно после молитв, то мусульманская проповедь произносится как перед богослужением (намазом — молитвой, совершаемой пять раз в день), «проповедь, читаемую только с минбаров мечети имам-хатыбами до начала пятничной и праздничной молитвы» [Каримов 1991: 25].

Поясним, что пятница является для мусульман особым, праздничным днем, таким, как воскресенье у христиан и суббота у иудеев. Пятничные проповеди и пятничный намаз — это обязательность для каждого верующего, которая утверждена Священным Кораном (священная книга у мусульман).

Адресат мусульманской проповеди имеет ряд отличительных особенностей. Мусульманская проповедь произносится в мечети и предназначена для верующих мужчин, она является для них обязательным элементом религиозной жизни: Совершение пятничного намаза в джамаате (коллективная молитва) является обязанностью каждого мусульманина. Свободными от посещения пятничных проповедей счи-

таются только «невольники, женщины, дети и больные» [www.islam.ru/countet/veroeshenie/43117].

Аудитория проповеди в мечети обычно мужская. Женщина в исламе занимает особое положение, ей не запрещается посещать мечеть, но рекомендуется молиться дома. В мусульманстве существует так называемая проповедь на дому, которую произносит как имам-хатыб, так и религиозно образованная женщина.

Во время проповеди, произносимой перед женской аудиторией, имам-хатыб рассматривает следующие темы: роль женщины в исламе, ролевые особенности жены, советы современным женам, также помогает найти правильное решение жизненно важных проблемных вопросов с помощью ислама, урегулировать спор и разногласия внутри семьи. Также для женщин в исламе действует исламская женская организация, основной целью которой является пропаганда ислама, обучение женщин, защита прав в семье и в обществе.

Цель проповедника — распространение ислама, истолкование божественных истин, назидание прихожан в соответствии с догматами. Мусульманские проповеди часто посвящены практическим вопросам, важным для человека в обыденной жизни.

Проповедник в исламе затрагивает в проповеди обширный круг вопросов, зачастую имеющих индивидуальных характер: «В ряде мечетей имам-хатыб больше обращают внимания разъяснению культовой стороны религии; в других — разъяснению истории возникновения и места в жизни верующих аятов и сур (главы Корана) их Корана или хадисов» [Каримов 1991: 38].

Как уже отмечалось выше, у мусульман есть обычай приглашать имамов к себе дом и другие места для участия в определенных жизненных событиях. Обычно имамов приглашают к себе в дом, если не имеется возможности приехать в мечеть, либо необходимо прочесть молитву в кругу приглашенных гостей. Молитвы и проповеди могут читаться для различных жизненных событий: годовщина брака, рождения ребенка, имянаречение ребенка, смена имени на мусульманское, болезни, обряд захоронения, мероприятия и праздники.

Мусульманская проповедь традиционно произносилась на сакральном языке: «строго догматические элементы проповеди продолжали читать на арабском языке, потому что «хутба» (проповедь) входила в ритуальный комплекс богослужения (в нем нельзя было обо всем говорить, вопросы были строго регламентированы)» [Каримов 1991: 23].

Сегодня мусульманская проповедь может произноситься как на народном языке (киргизском, татарском, узбекском, казахском и др.), так и на русском, особенно в регионах, где проживает больше количество русскоязычного населения. В то же время сохраняется традиционное функционирование молитвы на сакральном языке, в данном случае — арабском.

Роль проповеди важна в жизни каждого верующего. Каждый мусульманин постепенно задается вопросами, ответить на которые помогают исламские проповеди. В то же время проповедь не только отвечает на актуальные вопросы, но, в первую очередь, является назиданием, которое показывает мусульманину, что он должен делать и как жить, чтобы оставаться милосердным и сострадательным, добрым и честным, оставаться верным Богу.

Использованная литература

1. *Войтак М.* Индивидуальная реализация жанрового образца проповеди // *Стереотипность и творчество в тексте.* — Пермь: Пермский государственный университет, 2002. — С. 270—285.
2. *Гадомский А. К.* О жанровом подходе к изучению религиозного языка // *Культура народов Причерноморья.* — 2008. — № 137. — Т. I. — Симферополь. — С. 89—92.
3. *Гостеева С. А.* Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ // *Журналистика и культура русской речи.* Вып. 2. — Москва, 1997.
4. *Жулинская А. С.* Жанровое пространство религиозных текстов // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология».* — Т. 18 (57). — 2005. — № 2. — С. 198—203.
5. Информационно-аналитический портал ISLAMRF. — Режим доступа: <http://www.islamrf.ru>.
6. Исламский портал [www.islam.ru].
7. *Ицкович Т. В.* Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди. — Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2015.
8. *Каримов И. А.* Современная мусульманская проповедь (Социологические и религиозоведческие аспекты): на материале Узбекской ССР: дис. ... канд. филос. н. — Москва: 1991.
9. *Матвеева Т. В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Матвеева Т.В. — М.: Флинта: Наука, 2003.
10. *Мечковская Н. Б.* Язык и религия. — М., 1998.
11. *Прохватилова О. А.* Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи — Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999.

12. Розанова Н. Н. Коммуникативно-жанровые особенности храмовой проповеди // И.А. Бодуэн де Куртэнэ: Ученый. Учитель. Личность / Под ред. Т.М. Григорьевой. Красноярск, 2000. — С. 25—41

13. *Русский толковый словарь*. — М.: Изд-во Эксмо, 2006.

14. Салимовский В. А., Суслова К. С. Экспликация догмата как жанр догматической проповеди // Жанры речи: Сборник научных статей. Вып. 4. — Саратов, 2005. — С. 280—292.

15. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2007.

16. *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия* / ИЛИ РАН; Под ред. Г.Н. Складневской. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001.

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, доцентом Т. В. Ицкович

Ю. С. Харитонова
магистрант 1 к. УрФУ

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ВЕДУЩЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТОК-ШОУ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕДАЧИ «ВОСКРЕСНЫЙ ВЕЧЕР»)

Политическое ток-шоу на ТВ сегодня пользуется большой популярностью. Особая роль в таких передачах принадлежит ведущему, который должен умело дирижировать словесными партиями коммуникантов, используя определенные речевые стратегии и тактики для предотвращения открытого конфликта.

Материалом нашего исследования стало ток-шоу Владимира Соловьева — российского журналиста, теле— и радиоведущего: «Воскресный вечер» (от 31.08.14 г.; тема — политический кризис в Украине). Передача представляет собой двухчасовую дискуссию восьми (или более) приглашенных гостей. Цель ведущего — создание определенной «мы-общности», которая выступает против военного конфликта на Украине, за поддержку мира и оказание помощи пострадавшим от этого конфликта, поэтому В. Соловьев стремится организовать кооперативное общение. Особый характер коммуникативной ситуации определяет выбор ведущим соответствующих речевых тактик, что и стало предметом нашего анализа.

© Харитонова Ю. С.

Мы принимаем следующие рабочие определения опорных понятий. Коммуникативная стратегия — это план (вектор) речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим / пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания коммуникативной ситуации в целом и направленная на достижение конечной коммуникативной цели [Михайлова 2015: 75]. Речевая тактика — это конкретный речевой ход в процессе осуществления речевой стратегии, направленный на решение частной коммуникативной задачи конкретного этапа [там же].

Как было сказано, сверхзадачей Владимира Соловьева является обеспечение успешности коммуникации в потенциально конфликтной ситуации, поскольку мнения участников дискуссии могут принципиально не совпадать. Такая задача определяет главную коммуникативную стратегию, используемую ведущим, — кооперативно-фатическую стратегию (с использованием в ряде коммуникативных эпизодов и других стратегий). Фатическая стратегия речи предполагает отбор фактов и подачу их в определенном освещении, заставляет говорящего соответственно организовывать речь, обуславливает подбор и использование языковых средств [Тимонина, Чернова 2006: 47]. Выстраивая кооперативно-фатическую стратегию, Владимир Соловьев использует разнообразные тактики, как кооперативные, которые предполагают демонстрацию близости, общности, единодушия с коммуникативным партнером, так и конфронтационные, направленные на усиление позиции лидера и понижение статуса речевого партнера. Такое «тактическое варьирование» типично для речевого поведения ведущего ток-шоу «Воскресный вечер». Докажем это на примерах конкретных речевых эпизодов:

1) **Андрей Кокошин** (академик РАН, декан факультета мировой политики МГУ): *Так что я думаю / то что делает Порошенко / с одной стороны обвиняя нас/ с подачи прежде всего конечно Вашингтона // И то / что он делает / с одной стороны обвиняя нас / с другой / не переходя определенные черты / это является следствием очень тяжелого положения / в котором находится Украина и понимание этого положения / в известной степени // Вообще во многом / мы можем сказать / что Украина вообще находится в жутком тупике и накануне краха* (тактика подачи информации, цель — демонстрация своего мнения по поводу обсуждаемой проблемы; тактика негативной оценки, цель — формирование негативного образа современной власти).

Владимир Соловьев: *Мне / честно говоря / жалко Украину и украинский народ / при этом в широком смысле этого слова / потому что прозрение наступит / но какой ценой (тактика сочувствия, цель — моделирование положительного образа говорящего: ведущий разделяет его точку зрения). Я вот только одного не могу понять / кто с кем воюет / за что пытаются наказать Россию // Я не знаю ни одной военной операции / которая проводилась бы без поддержки авиации / ну то есть / вторжение как вторжение / как в кино показывают // Здесь НАТО говорит / тысяча солдат / источник Великобритании говорит / пять тысяч солдат / госпожа Мельникова из солдатских матерей говорит / пятнадцать тысяч солдат // так кто-то может сказать // Мы говорим / никого (тактика выражения непонимания, цель — провокация собеседника; тактика запроса информации, цель — регуляция коммуникативного взаимодействия).*

Тактики сочувствия и непонимания реализуются через конкретный речевой ход — использование прямой номинации своего чувства *жалко* ('о чувстве жалости, сострадания к кому-чему-н.' [СОШ 2008]) и реакции на поставленный в передаче вопрос *не могу понять* (*понять* — 'уяснить значение чего-н., смысл чьих-н. слов, поступков' [СОШ 2008]). Тактика запроса информации реализуется в форме вопросительной синтаксической конструкции: «кто с кем воюет, за что пытаются наказать Россию» / «так кто-то может сказать».

2) **Андрей Кокوشин:** *Я вот хочу остановиться на теме / которую уже коллеги подняли // Соотношение возможностей США и европейских / так скажем / членов НАТО // Евросоюз в военно-политическом отношении почти ноль // Это совершенно очевидно // Другое дело европейские члены НАТО // От них Соединенные штаты сейчас хотят добиться увеличения их вклада в НАТО // У Соединенных штатов очень тяжелая ситуация / поскольку им надо / как обещал Обама / переместить центр тяжести военных усилий в азиатско-тихо-океанский регион перед лицом Китая и опять обострилась ситуация на Ближнем Востоке // И / кстати / нельзя забывать / что и с Израилем у них очень не простые отношения // (тактика подачи информации, цель — демонстрация своего мнения по поводу обсуждаемой проблемы; тактика убеждения, цель — подчеркнуть свою правоту, тактика напоминания, цель — регуляция коммуникативного взаимодействия).*

Владимир Соловьев: *Обама добился вообще больших успехов / то есть он разрушил отношения с Израилем / показал фантасти-*

ческую результативность в Ираке и Сирии / в результате чего появилось настолько страшное / вот такое абсолютное зло как ИГИЛ с которым Обама честно сказал / а мы не знаем, что с ним делать // у нас стратегии пока нет // Отчего американцы пришли в ужас // (тактика выражения сарказма, цель — формирование негативного образа власти и демонстрация единства своего мнения и мнения коммуникативного партнера; тактика апелляции к фактам из современной политической жизни, цель — поддержать собеседника; тактика негативной оценки, цель — формирование негативного образа современной власти).

Тактика сарказма выражена в форме сочетания *большие успехи (успех — 'удача в достижении чего-н.'* [СОШ 2008]), употребленного в переносном смысле. Тактика апелляции к фактам выражена посредством перечислительного ряда определенных действий «добился», «разрушил», «показал», «сказал». Тактика негативной оценки представлена номинацией «ужас» (чувство сильного страха, доходящее до подавленности, оцепенения. [СО 2008]).

3) **Иван Макушок** (пресс-секретарь госсекретаря Союзного государства России и Белоруссии): *Я хочу договорить // Вот смотрите // Мы говорим об Украине // Опрос показывает / что более 50% населения выступает против АТО // И если говорить о НАТО / то там же есть люди / которые против этого / не смотря на то / что они получают информацию только по тем каналам СМИ / которые //* (тактика подачи информации, цель — демонстрация своего мнения по поводу обсуждаемой проблемы; тактика апелляции к данным опроса, цель — аргументация своей позиции).

Владимир Соловьев: *Проводить в условиях массовой пропаганды/ де-факто военного положения / проводить опрос / тем более в условиях жесткого контроля за его подсчетами / мы понимаем / кому можно верить* (тактика поддержания темы, цель — повышение статуса коммуникативного партнера; формирование негативного образа современной власти; тактика создания «мы-общности», цель — демонстрация единства с участниками дискуссии).

Тактика поддержания темы выражается в повторе лексемы *опрос*, номинирующей тему. Тактика создания «мы-общности» иллюстрируется использованием местоимения *мы* и глагола *понимаем*, стоящего в форме 1-го л. мн. ч.).

Проведенный анализ показал, что в речевом поведении ведущего ток-шоу «Воскресный вечер» преобладают кооперативные тактики,

которые предотвращают конфликт. Каждая тактика направлена как на реализацию контактоустанавливающей функции в общении с участниками дискуссии, так и на «невидимую обратную связь с телезрителем» [Дорфман 2013: 64]. Организуя поток информации и регулируя коммуникативное взаимодействие, используя для этого определенные речевые ходы, Владимир Соловьев настраивает участников на ведение конструктивной кооперативной беседы, облегчает восприятие информации для телезрителей. Тактики кооперации / солидаризации помогают ведущему укрепить свой авторитет, войти в сферу доверия как зрителей, так и участников передач. Конфронтационные тактики нацелены на формирование негативного образа оппонента в сознании телезрителей, что, в свою очередь, закрепляет за ведущим позицию коммуникативного лидера.

Таким образом, благодаря умело смоделированному речевому поведению Владимиру Соловьеву удастся успешно реализовывать себя на телевидении, поддерживать имидж независимого и ратующего за правду журналиста.

Использованная литература

1. Дорфман Т. В. Фатические стратегии и тактики как коммуникативно значимые, содержательно ориентированные единицы общения политдискурса // СМИ и общество: коллективная монография / под ред. О.Е. Черновой. — Магнитогорск: МаГУ, 2013.
2. Жилавская И. В. Медиаповедение личности. Обретение смысла [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2011. Вып. № 2. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/786>.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [монография]. — Омск: Омск. Гос. ун-т, 1999.
4. Михайлова О. А. Лингвокультурологические аспекты толерантности: [учеб. метод. пособие]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.
5. Тимонина И. В., Чернова О. Е. Коммуникативные стратегии и тактики: учебно-методический комплекс. — Магнитогорск: МаГУ, 2006.
6. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 2008.
7. Шалина И. В. Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд: дис. ... канд. филол. наук; Урал. гос. ун-т. — Екатеринбург: 1998.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором О. А. Михайловой

Цзя Пэнлин
магистрант 2 к. УрФУ

СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОПЫТ АНАЛИЗА

В современной науке заметное место занимают исследования по лингвокультурологии, внутрикультурной и межкультурной коммуникации, социолингвистике, лингвопрагматике, в которых осуществляется активный поиск направлений и аспектов изучения коммуникативного поведения [См.: Караулов 2007; Прохоров, Стренин 2006; Формановская 2005 и др.]. Это объясняется рядом причин: расширились межнациональные контакты, остро стоят проблемы конфликта и диалога культур, межэтнических взаимоотношений. Особо отметим, что в связи с расширением парадигмы образования назрела необходимость в разработке коммуникативных дисциплин и включении их в образовательный процесс, в практику преподавания иностранных языков. Сегодня особую актуальность приобретает проблема национально ориентированного обучения студентов, изучающих русский язык как иностранный. Исследуя реальное общение людей, лингвисты обращаются к изучению коммуникативной ситуации, вербальным способам реализации особенностей национального коммуникативного поведения представителей определенной лингвокультурной общности.

Объектом нашего исследования стали разговорные диалоги, извлеченные из сценария фильма «Питер FM» (авторы сценария — Оксана Бычкова, Нана Гринштейн; режиссер — Оксана Бычкова). Героями фильма являются молодые люди, живущие в Санкт-Петербурге, имеющие высшее образование: Максим и его друзья — архитекторы; Маша и ее подруга Лера — журналистки, радиоведущие. Основной вид общения персонажей — межличностный контактный. В то же время знакомство и общение главных героев (Маши и Максима) происходит по телефону. На протяжении всего фильма они не встречаются. Коммуникация, следовательно, носит дистантный характер.

Не вдаваясь в подробности описания разговорного диалога как специфически организованного текста, остановимся на анализе стилистически маркированных единиц, используемых молодыми людьми в

различных ситуациях общения. Именно эти единицы отражают особенности непринужденного, спонтанного разговора, создают его неповторимую национальную специфику. Маркированные единицы дифференцируются в зависимости от их функционально-стилевой принадлежности (*разг.*; *книжн.*), а также в зависимости от экспрессивной окраски (*ласк.*, *пренебр.*, *груб.* и др.). Выделяют и социальную маркированность единиц языка (*прост.*, *жарг.*, *проф.* и др.). Русские толковые словари используют соответствующие стилистические пометы.

Содержание анализируемых нами диалогов носит в основном контактный фатический характер [Винокур 1993: 156]. Это «общение в целях положительного, совместного результата, в идеале, как общение ради удовольствия от общения» [Чернова 2013: 44]. Преобладает фамильярно-дружеская манера общения, которая поддерживается комплексом стилистически маркированных единиц. Остановимся на их анализе.

В качестве средств установки контакта коммуниканты регулярно используют эмоционально-экспрессивный потенциал обращений. Это различные варианты имен собственных: усеченные формы (*Маш*, *Марусь*; *Кость*; *Марин*; *Федь*); имена с эмоционально-оценочными суффиксами (*Машка*, *Машенция*, *Машенька*, *Машуль*; *Лерыч*, *Костик*, *Маринка*, *Санечка*). В качестве обращений употребляются и нарицательные существительные: *солнышко*, *малыш*, *отцы* (шутливая форма обращения юношей друг к другу).

Для непринужденного речевого общения молодых людей не характерно проявление подчеркнутой вежливости. Они свободно вступают в контакт, практически не используя общепринятых нейтральных этикетных форм приветствия, прощания, извинения. Типичны разговорные формы: *Привет!* *Здорóво!* употребляются сниженные формульные реплики: *Как дела?* *Ты чо опаздываешь?!* Реплики-реакции также носят формульный характер: *Ничего нового;* *Как всегда;* *Да ничего не случилось!* Молодые люди легко прерывают разговор, используя принятые в разговорной речи стереотипы: *Давай;* *Пока;* *Ладно, пока;* *Ну что, до завтра?*

Поддержанию дружеской доверительной тональности речевого взаимодействия коммуникантов способствуют также стилистически маркированные слова и выражения, разговорные, просторечные и сленговые. Именно эти единицы, а также слова и выражения, находящиеся за пределами кодифицированных норм, представляют собой одну из особенностей живой разговорной речи: «В разговорной речи нормативными

являются вкрапления ненормативной сниженной лексики как отдельного маркированного средства, экспрессивно выражающего стилистическую окраску бытовой сферы общения» [Вепрева 1996: 149]. Приведем примеры отдельных реплик.

Реплики из разговора друзей: Витя (В.), Федя (Ф.):

В. *Федя... вон видишь, **раскис** совсем парень. Раскиснуть (разг.)* — ‘утомившись, ослабев, стать вялым, апатичным’ [ТСРЯ 2007: 807].

Ф. *А Маринка уже **в курсе*** (знает ли подруга Максима о его отъезде)? *(Не) в курсе (разг.)* — ‘о чьей-л. (не) осведомленности в чем-л.’ [Химик 2004: 286].

Разговаривают подруги Лера (Л.) и (Маша (М.)):

Л. ... ну что ты **нарываешься** (Лера критически оценивает отношения, сложившиеся между Машей и директором радиоканала)! *Нарываться (разг.)* — ‘встретить кого-что-н., натолкнуться на что-н. (неприятное)’ [ТСРЯ 2007: 491].

Особенностью анализируемых диалогов является наличие экспрессивных устойчивых разговорных выражений. Например, подруга Максима (Макс) Марина (Мар.) говорит о проблемах в связи с предстоящим замужеством:

Мар. ***Голова идет кругом***. *Голова идет (ходит) кругом (разг.)* — ‘кто-либо теряет способность ясно соображать от множества дел, забот, переживаний и т. п.’ [ФСРЯ 1986: 111].

Л. ***Фанаты рвут на части***. *Маньяки* (Лера Маше о группе молодых людей под окнами студии)! *Рвать (разрывать) на часть (разг.)* — ‘наперебой обращаться, приставать к кому-либо с просьбами, поручениями, делами, не давая ему ни минуты покоя’ [ФСРЯ 1986: 387].

Л. *Он к тебе **неровно дышит*** (Лера Маше об отношении к ней сотрудника радио). *Неровно дышать (шутл. разг.)* — ‘быть неравнодушным, испытывать влечение к кому-л. или заинтересованность в чем-л.’ [Химик 2004: 165].

Примета молодежной коммуникации — стилистическая сниженность, использование жаргонной и просторечной лексики и фразеологии.

Ф. *Помнишь, у меня с Галкой такая же **бодяга** была* (об отношениях с подругой)? *Архитектору муза нужна*. *Ну как без музыки архитектор, а? Бодяга (разг.-сниж.)* — о чем-л. Скучном, нудном, пустом (о фильме, книге, разговоре и т.п.)» [Химик 2004: 52].

Л. *Дима уже **достал***. *Еле-еле отвязалась* (Лера о новом знакомом, ее поклоннике). *Достать (жарг.)* — ‘довести до крайнего раздражения,

сильного возмущения, вывести из себя (приставаниями, просьбами, неприятностями)’ [Химик 2004: 150].

Л. Ну ты *обалдела*, а? Ты представляешь, что сейчас будет? *Обалдеть* (прост.) — ‘одуреть, потерять всякое соображение, ошалеть’ [ТСРЯ 2007: 531].

Л. *Все на ушах уже стоят* (Лера рассказывает Маше об обстановке на работе в связи с последним опозданием)! *Стоять на ушах* (шутл., или насмешл. жарг.) — ‘веселиться, буйно, шумно развлекаться’ [Химик 2004: 644].

Отличительной чертой спонтанной речи является наличие в ней реплик, «направленных на поддержание речевой активности лидирующего собеседника» [Купина, Матвеева 2013: 280], а также большой круг высказываний с актуализаторами. «Актуализация — это приспособление синтаксической структуры высказывания к выполнению коммуникативного задания» [Купина, Матвеева 2013: 280]. В качестве таких средств обычно выступают междометия, частицы, специальные речевые обороты. Использование их в речи необходимо не только для передачи разнообразных эмоций, оценок, но и для выражения согласия или несогласия, отказа, выяснения вкусов, побуждения к продолжению разговора, для привлечения внимания к обсуждаемому и др. Все это может стать «основным предметом речи и интереса говорящего» [Матвеева 1994: 133].

Представим в качестве иллюстраций ряд диалогов, выбрав единицей анализа двуреплики.

Разговаривают Лера и Маша в радиостудии.

Л. Ой, Машка. А *что* опоздала? Используется просторечный аналог литературного вопросительного слова *почему* — ‘фонетически упрощенный вариант’ [Химик 2004: 705].

М. *Да свадьба эта...* Ответная реакция — оправдательная реплика, актуализирующая психологическое состояние героини. *Да* (разг.) — ‘употр. обычно в начале предложения и при ответе собеседнику для подчеркивания, с нек-рым оттенком раздражения, недовольства’ [ТСРЯ 2007: 177].

Л. *А-а*. Реплика понимания. *А-а* (разг.) — ‘произносится с различной степенью длительности, выражает уяснение, удовлетворенное понимание’ [ТСРЯ 2007: 1].

Еще один диалог подруг (представим комментарии в соответствии со следованием реплик):

М. *Слушай* (привлечение внимания), *Лерыч, ... ты можешь часок на эфире посидеть?* Профессиональное сленговое выражение усиливает кооперативность общения.

Л. *У-у*. Неполное согласие передается с помощью эмоциональной интонации.

М. *Нам с Костиком надо кольца купить*. Мотивация просьбы одновременно звучит как усиленная просьба.

Л. *Я умираю*. Нежесткий отказ, содержащий сочувствия.

М. *Ну на один час, а?* Уговор с уступкой.

Л. *Ну ладно, только часик*. Согласие с темпоральным ограничением.

М. *Обещаю*. Уверение в соблюдении достигнутой договоренности.

Во всех случаях эмоционально окрашенные единицы не нарушают этической позволительности.

Следующий диалог подруг:

Л. *Здорово, Машеньца (здорово (разг.-сниж.)* — ‘приветствие при встрече. Употребляется только при неформальных, дружеских отношениях тех, кто «на ты»’ [Химик 2004: 233]).

М. *Здорово*.

Л. *Душа поет?* Реплика, ориентированная на эмоциональное состояние подруги. Фразеологизм *душа поет* способствует повышению тональности.

М. *Угу*. Реплика передает полное согласие, удовлетворение речевой эмоциональной реакцией. Далее развиваются информационная составляющая общения:

Л. *Это что? Это наш формат?* Запрос информации сопровождается использованием профессионализма *формат*, в значении «способ построения и подачи, форма проведения какого-либо события, мероприятия», поддерживающего общность пресуппозиции. Кооперативную функцию поддерживает также притяжательное местоимение *наш*, на которое падает логическое ударение и которое позволяет уловить сомнение.

М. *Да, меняем ориентацию*. Ответная реплика передает согласие и одновременно содержит сомнение, наполняется иронией т.к. слово *ориентация* реализует значение ‘направленность деятельности в интересах кого-чего-н.’ [Лопатин, Лопатина 2004: 438]. В то же время возникает ассоциация с широкоупотребительным устойчивым сочетанием *сексуальная ориентация*.

Л. *Машка, ну я не понимаю, ну что ты нарываешься? Пусть слушают своего Киркорова, им же нравится.*

М. *А мне не нравится.*

Эмоциональная реакция с оттенком неудовольствия обостряет оппозицию «свое (наше) — чужое». Частицы выполняют эмоционально-усилительную функцию. Реплика-реакция транслирует личностную точку зрения, категорическое упрямство.

Приведем пример дистантного общения. Разговаривают Максим и его подруга Марина.

Макс *Знаешь, что я уже в Германию уезжаю?*

Мар. *В Германию? Да, слышала. Хорошо.* Разговорная форма глагола *знаешь* в составе вопросительной реплики-стимула способствует эмоциональному приращению: Максим получил возможность профессионального роста. Он ждет от подруги радостного отклика, однако реплика-реакция, включающая подтверждение того, что информация известна (*Да*), свидетельствует о безразличии Марины, ее равнодушии. В контексте диалогического взаимодействия слово *хорошо* не стимулирует фатического разворота диалога в режиме эмоционального контакта.

В следующей двуреплике происходит полная нейтрализация, редукция восторга, который испытывает Максим (вежливый оборот *я очень рада за тебя*; повтор оценочного слова *здорово*):

Макс *Не слышу поздравлений.*

Мар. *Ну почему, я очень рада за тебя. Здорово. Так, в ванной я все забрала* (переключение внимания на другое). *Германия — это здорово. Просто, у меня сейчас такая запара. Просто голова идет кругом* (объяснение своего поведения, косвенное извинение).

Макс *Что-то случилось* (выражения беспокойства)?

Мар. *Да нет, ничего не случилось* (отрицание). *Я ж замуж выхожу. Ты не знаешь?*

Макс *Нет, ну понятно — замуж* (отрицание скрывает разочарование).

Мар. *А...* Дублирование речевой тактики безразличия, которую завуалированно использовала Марина, прогнозирует разрыв фатического взаимодействия:

Макс *Тебе идти надо?*

Мар. *Да, я пойду. Извини. Пока.*

Еще одной особенностью речевого общения молодых людей является стремление к шутке, каламбуру, иронии.

Отметим некоторые средства выражения шутливой тональности.

Разговаривают Максим и Маша, договариваются о встрече. В диалоге встречается глагол *шучу*, настраивающий адресата на правильное понимание соответствующих выражений, смысл которых не вписывается в реальную ситуацию. Особое юмористическое средство — фигура преувеличения.

Макс Алло. *Извините, да Маш, да все в силе. Какие особые приметы? **Родинка на спине.***

М. О!

Макс ***Шучу.** Да, могу подождать, щас. Извините.*

М. Вы меня легко узнаете, я буду **в костюме зайца.**

Макс *Зайца?*

М. Да, ***шучу.** А можно я вам попозже перезвоню?*

Макс *Можешь мне описать, как ты выглядишь? Вы ... вы выглядите.*

М. Ну что, я **красотка редкая**, шатенка. *Стрижка у меня такая **растрепущая**, глаза голубовато-серые, зубы золотые. Шучу, ну вот. Хорошо?*

Макс ***Мне нравится.***

На вечеринке по поводу отъезда Максима в Германию его друг произносит шуточный тост-подражание («с кавказским акцентом»). В речи намеренно нарушаются грамматические нормы.

Ф. *Один большой, серый, стальная птиц... на Максим, летал, летал...летал, летал, упал и разбился. Поэтому, мы проектируем дома, а не самолеты. Они хоть и падают, но зато, не летают.*

В. *За тебя, Макс, и за нас.*

Ф. *За твое блестящее будущее.*

Таким образом, анализ разговорных диалогов, участниками которых являются молодые люди, позволил описать специфику особых лексических и стилистических предпочтений. Между коммуникантами сложились доверительные отношения. Этим объясняется дружеская тональность общения, возможность использования сниженных эмоционально-экспрессивных средств.

Использованная литература

1. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — М.: ОЛМА ПРЕСС, 1996.
2. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. — М.: Наука, 1993.

3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: ЛКИ, 2007.
4. Купина Н. А. Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. — М.: Издательство Юрайт, 2013.
5. Лопатин В. В. Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. — М.: Эксмо, 2004.
6. Матвеева Т. В. Непринужденный диалог как текст // ЧЕЛОВЕК — ТЕКСТ — КУЛЬТУРА: коллект монография / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург, Институт развития регионального образования, 1994. — С. 125—140.
7. Прохоров Ю. Е. Стернин И. А. Русские. Коммуникативное поведение. — М.: Флинта: Наука, 2006.
8. ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2007.
9. Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. — М.: ИКАР, 2005.
10. ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. — М.: Советская Энциклопедия, 1986.
11. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной речи. СПб.: Норинт, 2004.
12. Чернова О. Е. Текст и Дискурс: учеб-метод. пособие. М.: ФЛИНТА, 2013.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Н. А. Купиной

Е. А. Чусовитина
студентка 3 к. УрФУ

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ СОЗДАНИЯ ИРОНИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ

Общественно-политическая проблематика вызывает большой интерес у интернет-пользователей, поэтому неудивительно, что они часто оставляют комментарии после прочтения статей на подобные темы в сетевых изданиях. В русскоязычном секторе интернета активно комментируются статьи, посвященные актуальным событиям, к которым прямо или опосредованно имеет отношение Россия: проблемная ситуация на Украине, военные действия в Сирии, «волна» беженцев в Европе, обострение конфликта в Нагорном Карабахе. Материалом нашего исследования послужили комментарии, размещенные пользователями под статьями в электронных изданиях «Взгляд» и «Комсомольская правда».

© Чусовитина Е. А.

Читая журналистский материал, комментатор воспринимает его в двух аспектах, сочетая разные виды восприятия текста [См.: Карасик 2013: 10-11]. Информативное восприятие текста происходит, когда читающий определяет тематику статьи, выявляет значимые для себя содержательные элементы и соотносит полученную информацию со своими знаниями и представлениями. Процесс комментирования, таким образом, запускается с осознания индивидом событий и их интерпретации на основе ряда мыслительных операций: «внешний мир преломляется через призму субъективного авторского видения» [Савельева 2013: 195]. Информативное восприятие текста дополняется фасциновативным: комментатор настолько эмоционально переживает текст, ощущает его значимость, что чувствует желание высказаться, выразить свое мнение, поэтому и оставляет читательский отклик в виде комментария. В результате под статьей формируется система комментариев — своеобразный полилог, в котором интернет-комментарии выступают не только в качестве реактивных жанров по отношению к исходному тексту статьи, но могут стать и инициальными высказываниями для других комментариев.

Жанр интернет-комментария признается исследователями одним из «наиболее персонализированных жанров» [Савельева 2013: 199], для которого «Я-образ» автора является основополагающим. «Пост как порождение «искреннего» дискурса неизбежно содержит в себе глубинные структуры внутренней речи, часть ментального базиса личности» [Романтовский 2014: 267]. Как показывают наши наблюдения, откликаясь на описание политических событий в стране и мире, интернет-пользователи в основном руководствуются желанием выразить негативное отношение к происходящему. Стремясь выплеснуть агрессию, авторы комментариев размещают экспрессивные посты, содержащие большое количество сигналов иронии, т.е. употребления слова или высказывания «со смысловым сдвигом, что создает комический эффект, рождает насмешку. Ирония всегда является результатом негативной установки говорящего, но эта установка реализуется на основе смехового начала» [Матвеева 2010: 136]. По мнению исследователей данного феномена, «существуют универсальные объекты иронии: нравственность политика и политики, моральные устои общества, государственное устройство, народ, власть и др.» [Попкова 2007: 10]. Наш материал показывает, что объектом иронии в интернет-комментариях становятся политические оппоненты России, прежде всего украинская и турецкая правящая элита,

Европа и Америка, поддерживающие аномальное развитие событий в конфликтующих странах, в редких случаях — российские власти.

Можно отметить использование в интернет-комментариях большого количества **эрративов**, которые способствуют созданию иронической тональности высказывания. Эрратив как намеренное искажение норм орфографии «используется в целях придания сообщению игрового характера» [Дахалаева 2013: эл. ресурс].

Орфографические «игры» в принципе типичны для интернет-пользователей (вспомним, так называемый «олбанский язык» (или «язык падонков»), который появился в интернет-пространстве и был очень популярен в начале XXI века). М.А. Кронгауз отмечает, что такие намеренно искаженные слова задерживают взгляд читателя на неправильно написанном слове и обладают особой выразительностью [Кронгауз 2008: 89-90]. Неудивительно, что в обыгрывание формы слова включаются люди, пишущие комментарий к статье, размещенной в Интернете. Для них это становится способом выражения собственного отношения к описываемому явлению, чаще всего иронического.

Так, по нашему мнению, встречающиеся в исследуемых текстах комментариев эрративы можно разделить на две группы.

Первая группа представляет собой намеренное изменение слова, искажающее его правописание и произношение в русском языке. Например, слово *Европа* в комментариях трансформируется в *Эуропа*, *Киев* — в *Куев*, *Эрдоган* — в *Пердоган*, *каклы* используется вместо *хохлы*, *хероям* — вместо *героям*. Подобное искажение не просто факт какографии, а, несомненно, стилистический прием, позволяющий выразить негативное отношение к субъектам политической мира. Чаще всего новая номинация «передразнивает» особенности произношения данных лексических единиц и сближается по фонетическому составу с вульгаризмами. Таким образом, комментатор, использующий подобные эрративы, стремится снизить статус политических противников, подчеркнув их несостоятельность.

Вторая группа — эрративы, используемые с целью эвфемизации высказывания. Комментаторы используют сниженную лексику для придания экспрессии своему высказыванию, но употребляют данные слова, оригинально их «замаскировав». Известно, что модераторы сайтов отслеживают использование ненормативной лексики и блокируют возможность оставлять комментарии тем, кто позволил себе слишком отступить от принципов чистоты литературного языка. Поэтому авторы

используют эрративы-эвфемизмы. Однако, по нашим наблюдениям, эта эвфемизация формальна, аудитория легко извлекает из комментария тот самый нетактичный, грубый, неприличный смысл. Например, в комментарии «...а затем уже (с голой ж) дружить с Евросоюзом, покупать уголь...» происходит сокращение вульгаризма в составе устойчивого оборота до одной буквы, что, однако, не затрудняет выявление оценочного отношения автора к недальновидным политическим оппонентам. В читательском отклике «Украине не привыкать делать закупки через *zhony*» сниженная лексика представлена в виде игровой номинации, первая часть которой состоит из букв латинского алфавита, а вторая — русского. Такая подача сниженной лексики свидетельствует о языковой изобретательности автора комментария: смешение кириллической и латинской графики может помешать автоматической идентификации вульгаризма компьютерной системой, но комментирующий не затемняет смысл оценочного высказывания для большинства интернет-пользователей.

Ироничные смыслы могут быть выражены в интернет-комментариях с помощью **окказиональных слов**. Обращает на себя внимание, что особенно часто ироничному словообразовательному «переосмыслению» подвергаются определенные группы лексических единиц. Прежде всего это этнонимические номинации — наименования национальных групп, а также имена собственные — наименования стран и людей, играющих в мировой общественно-политической жизни важную роль.

В текстах комментариев можно отметить тенденцию к образованию новых номинаций реалий, связанных с Украиной, на основе сложения морфемы *-укро*— с другими основами: «*уковласть*», «*укоРСМИ*», «*укуроармия*», «*укуроевропейцы*» и др. Все подобные новообразования приобретают негативную оценочную окраску: власть, СМИ, армия на Украине непрофессиональны и преступны, а украинцы совсем не настоящие европейцы. Особняком в этом ряду стоит окказионализм «*укропитеки*» (от *австралопитеки* — род высших приматов), который отражает пренебрежительное, резко негативное отношение к сторонникам новой украинской власти, которое формируется за счет переноса на них свойств приматов, еще не достигших уровня развития человека. Подобный контекст имеет не только иронический, но и оскорбительный характер.

Обострение ситуации в Нагорном Карабахе повышает частотность негативных окказиональных наименований азербайджанцев. В частности, их называют *подтурки*, намекая на то, что политика Азербайджана

находится под сильным идеологическим влиянием Турции. Разговорные номинации (сокращенное *азеры* и *азерботы*) всегда употребляются в пренебрежительном контексте.

В собранном материале большое количество окказиональных номинаций Украины, которые образуются авторам комментариев, формируемых на основе определенных культурных, исторических и стилистических ассоциаций. Так, Украину в текстах комментариев называют *Бандерляндия*, *Хохланд*, *укроВагина*, *Новосвидомия*. Из всех приведенных номинаций, пожалуй, только последнее можно признать нейтральным. Окказионализм *Новосвидомия* образован от слов *новый* и *свидомый* (украинизма, используемого для обозначения сторонников независимости Украины). Остальные же номинации имеют сильный экспрессивный оттенок. Окказионализм *Бандерляндия* образован от имени украинского политика Степана Бандеры, который являлся идеологом украинского национализма. Автор, создавая такое окказиональное наименование для этой страны, пытается подчеркнуть, какими идеями руководствуются как люди, стоящие во главе этого государства, так и простые граждане. Он выражает свое отрицательное отношение к возрождению украинского национализма. Созвучие со словом *бандерлоги*, называющим вымышленный обезьяний народ в повести Р. Киплинга «Маугли», усиливает наводящийся смысл «Украина — нецивилизованная страна». Наименование *Хохланд* образовано от слова *хохол* — «неофициального этнонима, который употребляется, в зависимости от ситуации, то с негативной, то с шутливой окраской» [Вепрева, Купина 2014: 45] — и корня *ланд* (англ. *land* — земля). Окказионализм *укроВагина*, образованный присоединением к части *-укро* — обценного слова, относящегося к сексуальной сфере, и созвучный названию *Украина*, показывает резко негативное отношение комментатора к продажности украинских политиков.

Объектом иронического отношения выступает не только Украина, но и другие страны и территории. Прием наложения основ использован при образовании слова *Гейропа* (*Европа* + *гей*): автор выражает негативную оценку этой части света, которая не поддерживает традиционные семейные ценности. Очень интересным примером можно считать авторское употребление слова в комментарии «...и загорелые уши Фашингтонского обкома». Автор, накладывая друг на друга слова *фашистский* и *Вашингтонский*, создает при этом совершенно оригинальное авторское слово, которое позволяет передать сразу несколько смыслов. Опора на

лингвокультурную информацию позволяет сформировать у читателя мнение о политической реальности современного Украины: Украиной руководят американские политические лидеры, которые распространяют фашистскую идеологию.

Имена зарубежных политиков часто становятся производящей основой для окказиональных наименований с ироничной коннотацией. Подобные окказиональные слова обычно образуются с помощью наложения основ созвучных слов. Причем, пытаясь принизить образ политика, комментаторы стремятся использовать в подобном междусловном наложении обценные или другие сниженные языковые единицы. К примеру, имя украинского премьер-министра *Яценюк* становится производящей основой для номинации *Яйценюх*, фамилия американского президента *Обама* трансформируется в *Бабама*, а имя руководителя Турции *Эрдоган* — в *Пидорган*. Все эти номинации, обыгрывающие сексуальные смыслы, безусловно, оскорбительны для политиков. Не менее фамильярны и номинации известных политиков, созданные с использованием экспрессивных разговорных суффиксов: *Меркелиха*, *Обамка*, *Эрдоганишко* и др.

Имена видных деятелей российской оппозиции становятся производящими основами для окказиональных глаголов, приобретающих в контексте интернет-комментария значение ‘бесполезно выражать негативную реакцию’: *обмакареваются* (от фамилии *Макаревич*), *налатыняются* (от *Латынина*), *ахеджакнутя* (от *Ахеджакова*), *обефремят* (от *Ефремов*). Комментатор иронизирует над неспособностью российской оппозиции реально повлиять на ситуацию в стране.

Подводя итог, скажем, что, стремясь продемонстрировать негативную оценку действий конфликтующих сторон, интернет-пользователи в своих комментариях к политическим статьям прибегают к специальным средствам создания иронии — приемам языковой игры. Эрративы и окказионализмы, выявляемые в подобных текстах, прямо указывают на то, что объектами иронии становятся политические оппоненты. Повышенную экспрессивность новообразованным языковым единицам придает опора на вульгаризмы, обценную лексику.

Использованная литература

1. Венрева И. Т., Купина Н. А. Тревожная лексика текущего времени: неофициальные этнонимы в функции актуальных слов // Политическая лингвистика. — 2014. — №3. — С. 43—50.

2. *Дахалаева Е. Ч.* Интернет-комментарии портала «Новости MAIL.RU» как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 6. — Режим доступа: <http://www.science-education.ru/113-11418>.

3. *Карасик В. И.* Языковая матрица культуры. — М.: Гнозис, — 2013.

4. *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Знак, 2008.

5. *Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д: Феникс, 2010.

6. *Попкова Н. Н.* Доминанты идиостиля поэта-ирониста (на материале текстов Игоря Иргеньева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.

7. *Романтовский А. В.* Реконструкция мотивационного уровня языковой личности в дискурсе интернет-комментариев (на материале форума информационного портала) // Вестник ИрГТУ. — 2014. — №5. — С. 266—270.

8. *Савельева И. В.* К вопросу о жанровых признаках Интернет-комментария // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Межвузовский сборник научных трудов. Отв. ред. А. Г. Пастухов. — Орел, 2013. — С. 194—202.

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, доцентом Ю. Б. Пикуневой

Е. Л. Шашмурина
студентка 3 к. УрФУ

ТАКТИКА ПОЯСНЕНИЯ ПРИМЕРОМ В РАМКАХ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

Вступая в коммуникацию, человек преследует определенные цели и старается выстроить общение таким образом, чтобы достичь желаемого результата. Средства осуществления своего коммуникативного намерения и достижения поставленной цели выбирает сам говорящий. В ходе коммуникативной ситуации он осуществляет корректировку своих действий — коммуникативных ходов, оставаясь в рамках единой сверхзадачи. «Сверхзадача и коммуникативные ходы соотносятся с понятиями стратегии и тактики» [Иссерс 1999: 52]. Под стратегией мы будем иметь в виду «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [Иссерс 1999: 54].

Одной из ключевых стратегий, реализуемой в той или иной степени практически в любом речевом действии [Иссерс 1999: 72], является самопрезентация. Термин самопрезентация «как правило, используется как синоним управления впечатлением для обозначения

многочисленных стратегий и техник, применяемых индивидом при создании и контроле своего внешнего имиджа и впечатления о себе, которые он демонстрирует окружающим» [Михайлова 2006: 9]. Такое понимание самопрезентации достаточно узко. Участвуя в интеракции, мы постоянно осуществляем передачу я-информации, однако этот процесс может быть как намеренным, осознанным, так и ненамеренным, неосознанным. Например, в ситуации интервью (особенно если это персональное интервью с предметно-личностной и личностной тематикой) самопрезентация почти всегда имеет осознанный характер. В случае же доверительной личной беседы между близкими людьми самопредставление, как правило, будет неосознанным. Таким образом, «самопрезентация — это не только управление впечатлением, но также и самовыражение — представление своего мнения, опыта, ценностей, характера и т.д.» [Сорокина 2014].

Передача я-информации в межличностном взаимодействии происходит не только вербально, но также при помощи паравербальных и невербальных средств, которые могут контрастировать с речевыми средствами, поскольку в процессе общения субъекты не всегда могут полностью контролировать все элементы своего коммуникативного поведения. Вследствие этого даже в намеренном управлении впечатлением есть элементы неосознанной самопрезентации.

Коммуникативная стратегия самопрезентации, по наблюдениям ученых, может быть положительной и отрицательной [Schneider 1981]. Положительная самопрезентация направлена на создание говорящим своего благоприятного образа, отвечающего общекультурным представлениям; на поддержание своей позитивной репутации, формирование выгодного имиджа. При отрицательной самопрезентации целью адресанта становится намеренное конструирование собственного негативного образа, например образа враждебного или глупого человека, для того чтобы избавиться от скучного или неприятного собеседника [Schneider 1981]. Отрицательная самопрезентация может быть и ненамеренной, когда человек чем-то расстроен, рассеян и неосознанно производит впечатление равнодушного ко всему тому, что важно для окружающих.

Таким образом, самопрезентация — это осознанный или неосознанный процесс предъявления я-информации, осуществляемый постоянно в межличностном взаимодействии с помощью вербальных, паравербальных и невербальных средств, целью которого является соз-

дание положительного либо отрицательного образа адресанта (субъекта самопрезентации).

Стратегия, как уже было отмечено выше, представляет собой сверхзадачу, направленную на достижение коммуникативных целей, однако осуществление коммуникативного намерения происходит не сразу, а поэтапно. Участник общения «решает ряд практических задач, имеющих промежуточную цель. Данные коммуникативные цели осуществляются с помощью коммуникативных (речевых) тактик, представляющих собой несколько речевых действий, способствующих реализации стратегического замысла автора» [Сорокина 2014].

Исследователи И. Джонс и Т. Питтман выделили пять тактик самопрезентации: самопродвижения, пояснения примером, запугивания, мольбы, заискивания [Jones 1982]. Р. Чалдини предложил две тактики: наслаждение отраженной славой и вредительства [Cialdini 1980]. Е. А. Ковригина добавила тактики ухода от ответственности и уклонения от ответа, а также выделила прямые и косвенные тактики. К прямым относятся тактики, направленные на непосредственное создание образа говорящего через самоописание, характеристику личных качеств, дружелюбное поведение. В то время как косвенные тактики призваны создавать собственный образ через перекладывание ответственности на других людей, описание их недостатков или достоинств [Ковригина 2010].

Ю. В. Сорокина разграничивает убеждающие и оборонительные тактики. «Убеждающие тактики стратегии самопрезентации позволяют создать благоприятный образ за счет приятного внешнего вида и поведения. Защитные тактики стратегии самопрезентации используются для поддержания определенного образа, минимизации недостатков, попытки избежать формирования негативного впечатления в затруднительных ситуациях общения» [Сорокина 2014].

Цель данной статьи — анализ одной из прямых, убеждающих тактик — тактики пояснения примером, на материале интервью с творческой личностью. Творческим считается креативный, неординарно мыслящий человек, у которого потребность создавать новые, уникальные (материальные и духовные) культурные ценности является постоянной. Как правило, творческие личности — люди публичные, и умение сформировать нужный имидж или поддержать репутацию для них жизненно необходимо, так как от этого зависит их популярность, успешность и благосостояние.

Материалом для анализа послужили фрагменты интервью с российской артисткой балета, примой Мариинского театра, Народной артисткой России Дианой Вишневой и российским актером театра и кино Данилой Козловским, в которых творческие личности использовали тактики пояснения примером.

Тактика пояснения примером направлена на повышение своей значимости за счет демонстрации сильных сторон личности, качеств достойных подражания. Для ее реализации используется техника описания личных качеств, которая может предъявляться как открыто, так и имплицитно. Эксплицитная форма менее частотна, потому что она часто воспринимается слушателями негативно, как хвастовство.

Фрагмент из интервью с Дианой Вишневой:

— Знаешь что, Диана? Не будь ты моей партнершей по сцене, я бы тебя просто обожал. Как зритель. Честное слово! А когда ты попала в Вагановскую школу, в тебе сразу угадали будущую звезду? Почему ты смеешься?

— Если бы ты увидел меня лет в десять, у тебя бы не возник такой вопрос. Но я довольно быстро поняла: когда ставишь себе цель и нудно к ней идешь — тело становится твоим союзником, начинает подсказывать правильные ответы. Вот, например, мастер в училище говорит мне: «У тебя нога недостаточно высоко». А нога-то все, на максимуме, 90 градусов — и дальше никак. Тянешь ее выше, тянешь, а она не идет. Но уже через неделю поднимается чуть-чуть выше, через две недели — еще немного. Все уже закончили, разошлись по домам, свет в зале выключили, а я все стою, ногу тяну... [Interview 2013].

Вначале используется прием самоуменьшения (если бы ты увидел меня лет в десять, у тебя бы не возник такой вопрос), который реализуется с помощью глаголов в сослагательном наклонении и конструкции с придаточным условия. Диана отрицает факт, что в ней сразу при поступлении в училище увидели звезду, но не то, что она стала звездой, аудитория самостоятельно извлекает из высказывания этот имплицитный смысл. Таким образом, тактика пояснения примером осуществляется с помощью скрытой техники описания личных качеств: у адресата формируется представление о личности как об успешной, и дополнительно ей приписывается положительное качество скромности.

Балерина Диана Вишнева представляет себя как человека целеустремленного, трудолюбивого, упорно идущего к своей цели и не жалеющего себя. Эта информация о себе также подается имплицитно, с

помощью косвенного высказывания, представленного обобщенно-личным предложением в составе сложного: *когда ставишь себе цель и нудно к ней идешь — тело становится твоим союзником, начинает подсказывать правильные ответы*. Читатель понимает, что сказанное относится к говорящему, именно Диана тот человек, который поставил цель и достиг ее, упорно трудясь. Модальное слово (*довольно*) в контексте дополнительно создает положительную оценку деятельности и смягчает высказывание, исключая модальность самоуверенности. На создание образа напористой, целеустремленной личности работают и слова с общей семантикой достижения результата (*цель, идти, союзник, ответ, максимум*). Наречия образа действия (*нудно, высоко*), степени (*чуть-чуть*), сравнительная степень наречия (*выше*) повышают эмоционально-оценочное воздействие. Лексические повторы (*тянешь ее выше, тянешь... чуть-чуть выше*) усиливают экспрессивность и привлекают внимание к тому, что представляется важным для интервьюируемого. Кроме того, Диана Вишнева вновь использует прием самоумаления — приводит пример критической оценки ее умений: *вот, например, мастер в училище говорит мне: «У тебя нога недостаточно высоко»*. Подобные высказывания повышают уровень доверия аудитории к говорящему. В конце интервью Диана подчеркивает свои достоинства посредством приема контраста (*все уже закончили, разошлись по домам, свет в зале выключили, а я все стою, ногу тяну*); через противопоставление она акцентирует внимание адресата на своем трудолюбии и упорстве в достижении цели.

Фрагмент интервью с Даниилом Козловским.

— *И у вас хорошие отношения [с бывшей женой]?*

— *Мне редко нравится то, как я формулирую, но следующую мысль мне удалось высказать довольно точно: жены бывшими не бывают, они — как американские президенты. Для меня жена — это человек, за которого я всю жизнь буду переживать, в какой-то степени буду ответственным, и она — навсегда член семьи, родной человек. Другое дело, что отношения изменились и... приобрели некую другую природу. Но в какой-то степени мы стали даже ближе [HELLO 2014].*

Данила Козловский, отвечая на общий вопрос о его отношениях с бывшей женой, использует тактику пояснения примером — дает конкретную информацию и открытую оценку ситуации. Отношение к бывшей жене как родному человеку, о котором он всегда будет помнить, переживать и заботиться, характеризует актера как человека великодушного, доброго, отзывчивого и стирает негативные ассоциации, связанные

с разводом. Козловский, так же как и Диана Вишнева, начинает ответ с приема самоумаления (*мне редко нравится то, как я формулирую...*), который дополнительно его характеризует как человека скромного, и настраивает аудиторию на положительное отношение к Даниле. В высказываниях актера присутствует модальность уверенности, которая выражается словосочетанием качественным наречием с наречием меры и степени (*довольно точно*), сравнительной конструкцией (*жены бывшими не бывают, они — как американские президенты*). Но при этом он подчеркивает, что это его субъективное мнение (*для меня*). Общий позитивный фон речевой партии Данилы создают слова с положительной коннотацией (*навсегда, семья, родной*). Чтобы показать, что он основательный, ответственный человек, Козловский использует слова с семантикой постоянства (*всю жизнь, навсегда*). Синтаксический повтор (*буду переживать, буду ответственным*), как всякая стилистическая фигура, оказывает дополнительное воздействие на читателей.

Творческие личности часто в интервью используют тактику пояснения примером, что свидетельствует об эффективности ее воздействия на аудиторию.

Использованная литература

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999.
2. Ковригина Е. А. Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе интернет-интервью: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2010.
3. Михайлова Е. В. Обучение самопрезентации. — Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
4. Сорокина Ю. В. Убеждающие и защитные тактики коммуникативной стратегии самопрезентации в лекционном дискурсе // Вестник Челябинск. гос. ун-та. — 2014. — № 16 — С. 128—131.
5. Сорокина Ю. В. Стратегия самопрезентации как элемент эффективного речевого воздействия в рамках педагогического дискурса // Вестник Челябинск. гос. ун-та. — 2014. — № 6. — С. 89—92.
6. Cialdini R. B. Two direct tactics of impression management: basking and blasting // Journal of personality and social psychology. — 1980. — № 39.
7. Jones E. E., Pittman T. S. Toward a general theory of strategic self-presentation // Psychological perspectives on the self. — 1982. — № 1.
8. Schneider D. J. Tactical self-presentation: towards broader conception. — Tedeschi, 1981. — P. 23—40.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором О. А. Михайловой

Ян Цин
аспирант 1 к. УрФУ

Я-ТЕМА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ТОНАЛЬНОСТИ В ЖАНРЕ ЛЕКЦИИ

Тональность (текстовая субъективная модальность) отражает авторское отношение к содержанию текста и существенно влияет на его читательское восприятие. Значимость данной категории несомненна, тональность может осмысляться как основной текстообразующий критерий. Например, Н. С. Валгина определяет текст как «функционально, содержательно и структурно завершенное языковое единство, скрепленное авторской модальностью» [Валгина 2003: 26—27].

Данная категория важна в жанре лекции, потому что целью лектора является не только информирование, но и влияние на слушателей и читателей. В рамках данного жанра подчеркнутой значимостью авторской текстовой модальности характеризуются публичные лекции. Яркими образцами этого субжанра являются нобелевские лекции, основной общественной задачей которых является презентация выдающейся личности — лауреата Нобелевской премии. В данной статье детально анализируется текст нобелевской лекции А. И. Солженицына, прочитанной им в 1970 г. при вручении Нобелевской премии по литературе. Текст исследован методом категориально-текстового анализа. Для сопоставления привлекались тексты других русских нобелевских лекций (И. А. Бунина, И. А. Бродского)¹.

Под текстовой категорией понимается объективное свойство текста как целостного и связного речевого объекта. Текстовая категория — это «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами [Матвеева 2003а: 533]. Текст как ре-

1 И.А. Бунин — лауреат Нобелевской премии по литературе 1933 г. первый из русских писателей, удостоенных этой награды. Иллюстрации из его выступления маркируются в статье пометой (ИБ); И.А. Бродский — русский и американский поэт, эссеист, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 г.; иллюстрации в статье имеют помету (Бр). Иллюстрации из текста А.И. Солженицына помечены (АС) только при использовании их в подборках материала разных авторов. Все немаркированные иллюстрации — из лекции А. И. Солженицына.

зультат речевого творчества автора отражает, в частности, его оценки, эмоции, волеизъявление. Эта часть текстового содержания вместе с ее вербальным выражением и есть категория тональности. В ней отражается «эмоционально-волевая психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения» [Матвеева 2003б: 549].

Целостный текст представляет собой систему текстовых категорий темы, композиции, хронотопа, тональности, авторизации, адресации и др. Текстовые категории характеризуются взаимной обусловленностью, особенно тесно связаны между собой тема и композиция текста, хронотоп и композиция, тема и тональность текста. В публичной лекции очень значимы категории темы и тональности, причем наблюдается частичное наложение данных категорий в области применения особой тематической разновидности — Я-темы. Рассмотрению этой зоны и посвящена настоящая статья.

1. Я-тема: общая характеристика, структура, средства выражения

Тема — это содержательный компонент текста, его смысловое ядро, предмет обсуждения, единый на протяжении целого текста. Тема реализуется в тексте посредством ряда номинаций, объединяемых общим денотатом [Новиков 1979: 67]. Категория темы имеет две разновидности. Тема бывает предметной (денотатом является объект реальности, обсуждаемый в тексте) и субъектной (отражающей личностное начало текста). В объемной лекции А.И. Солженицына семь частей, в которых обсуждаются такие предметные темы, как искусство, ГУЛАГ, народ, писатель, долг литературы. Субъектная тема этой лекции связана с личностью ее автора (персонажные субъектные темы для жанра лекции не характерны). Я-тема — это открытое выражение авторской субъективной позиции [Сибирякова 1996: 6], на основании которой предметные (и, при наличии, персонажные субъектные) темы увязываются с личным опытом автора текста.

Я-тема может быть реализована точно, представляя собой короткое тематическое включение, или развернуто, формируя тематический фрагмент текста (данное тематическое структурирование предложено И. Г. Сибиряковой на разговорном диалогическом материале: [Сибирякова 1996]). В отличие от разговорного диалога, лекция не может характеризоваться ведущей ролью Я-темы, но бесспорно, что эта тема всегда присутствует в тексте лекции как отражение авторского психологического

состояния и в этом качестве служит целостности конкретного текста, а также жанра как типа текста.

Формальное выражение Я-темы в первую очередь связано с местоимениями первого лица *я, мы* (*Так я понял и ощутил на себе: мировая литература — уже не отвлеченная огибающая, уже не обобщение, созданное литературоведами (АС); я был крайне горд (ИБ); И когда снова нам скажут старое, мы уже и не вспомним, что это у нас было*), аналогичными притяжательными местоимениями *мой, наш (мой призыв к писателям всего мира)*, местоимением *себя* (*ощутил на себе*) и нулевыми формами, которые опознаются с помощью глагольных форм первого лица (*говорю, считаю, помним, будем читать*). Ядерной формой является местоимение *я*, недвусмысленно указывающее на автора текста: Местоимение *мы* означает «я и кто-то (не-я)», т.е. указывает на совокупный характер субъекта. Чаще всего тематическое *мы* включает в себя собеседника, тогда это инклюзивное 1-е лицо множественного числа: (1) *мы* послушали, и пренебрегли, и откинули тут же, как всегда, спеша сменить хоть и самое лучшее — а только бы на новое! И когда снова нам скажут старое, мы уже и не **вспомним**, что это у нас было. (2) По своей шкале он так рассчитал за всех за нас! Б. Ю. Норман доказал, что говорящий охотнее использует форму 1-го лица множественного числа в том случае, когда объединяет себя с кем-то себе равным или нижестоящим [Норман 2002: 232].

В целом категория тональности характеризуется многообразием применяемых средств выражения. Субъективная модальность выражается «формально-грамматическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими, интонационными, композиционными и стилистическими средствами» [Гальперин 1981: 113]. Однако в этом множестве применение местоимений первого лица занимает особое место. Г. Я. Солганик пишет: «Местоимение *я* называет говорящего прямо и непосредственно. И появление его в высказывании (тексте) знаменует собой высшую степень модальности» [Солганик 2010: 55]. Ученый называет данное средство средоточием субъективной модальности. Роль данного местоимения подчеркивал М. М. Бахтин; «*я* — не просто формальное указание к глаголу, ... на нем должен лежать особенно сильный личный акцент» [Бахтин 1994: 145]. С помощью Я-темы осуществляется модальное фокусирование текста [Борисова 1996: 35–48], т.е. всем содержательным компонентам текста (мыслям, фактам, событиям, ситуациям) сообщается субъективное отношение. Все они предстают

не объективизированными, а личностно окрашенными, субъективно определенными.

Названные выше формы экспликации Я-темы являются основными. Кроме их обычного синтаксического использования в роли подлежащего, дополнения, определения, применяются более редкие синтаксические формы. Это, к примеру, безличные предложения с эксплицированными формами косвенных падежей местоимений *я* и *мы* (*мне кажется, нам известно*) или их имплицитным наличием ([мне] *представляется, думается; [нам] не верится*). Данные обезличенные формы утверждения и отрицания переводят высказывание в пассивный план, снижают энергию высказывания. В противоположность им, побудительные предложения с авторскими *я* или *мы* за счет энергии побудительных форм подчеркивают смысл «я желаю», «я призываю»: *Друзья! А попробуем пособить мы, если мы чего-нибудь стоим!; Пусть это приходит в мир и даже царит в мире — но не через меня.*

К местоименным формам выражения Я-темы примыкают полнозначные субстантивные номинации, указывающие на автора по его профессии, статусу, социальной роли и т.п. (*писатель, художник, совиновник, изгнанник, читатель* и др.): *Писатель* — не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, *он* — *совиновник* во всем зле, совершенном у него на родине или его народом. Используется также родовое существительное *человек* и собирательное *человечество*: *Человек* извечно устроен так, что *его* мировоззрение, когда оно не внушено гипнозом, *его* мотивировки и шкала оценок, *его* действия и намерения определяются его личным и групповым жизненным опытом. Данные средства вводят говорящего в состав определенного сообщества, они вносят в высказывание смысл обобщения. Данный смысл передает и редкая форма выражения я-темы, встретившаяся в лекции А.И. Солженицына: *А кто пожил и понимает, кто мог бы этой молодежи возразить*, — многие не смеют возражать: здесь опущено указательное местоимение *тот*: [тот,] *кто пожил*, [тот,] *кто мог бы возразить*), а по существу, [люди, которые ...].

Обобщающий характер полнозначных единиц в значительной мере лишает автора активной субъективности, поэтому тематические фрагменты на базе номинаций *писатель, человек* и т.п. с инклюзивным *я* говорящего, как правило, завершаются переходом на открытую Я-номинацию: *Писатель* — не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, *он*—*совиновник* во всем зле, совершенном

у **него** на родине или **его** народом. И если танки **его** отечества залили кровью асфальт чужой столицы, — то бурые пятна навек зашлепали лицо **писателя**. И если в роковую ночь удушили спящего доверчивого Друга, — то на ладонях **писателя** синяки от той веревки. И если юные **его** сограждане развязно декларируют превосходство разврата над скромным трудом, отдаются наркотикам и хватают заложников, — то перемишивается это зловоние с дыханием **писателя**. → **Найдем ли мы дерзость заявить, что не ответчики мы за язвы сегодняшнего мира?**

Описанные способы выражения Я-темы дают лишь общее представление о данном явлении в связи с его денотативным текстовым наполнением. Анализ текстового смысла отдельных Я-высказываний (тематических включений) и тематических Я-фрагментов позволяет более пристально всмотреться в данное явление на функционально-текстовой основе.

2. Функционально-текстовые разновидности авторского Я

Неполнозначные, заместительные по своей сути, в тексте местоимения приобретают полную значимость и характеризуются собственной смысловой вариативностью.

Применительно к авторскому я в текстах лекций предлагается различать такие текстовые варианты смыслового наполнения, как ситуативное, биографическое, коммуникативное, логическое, композиционное.

Ситуативное значение Я-темы реализуется, когда субъект высказывания находится во времени и пространстве текущей ситуации. В нашем случае это ситуация преподнесения лекции слушателям на процедуре вручения престижной премии. Контекстными сигналами данной смысловой разновидности являются указания на хронотоп текущего события с помощью наречий *здесь* и *сейчас*, указательного местоимения *этот*, описания элементов текущей ситуации: *когда мы собрались для праздничной церемонии; я не могу сегодня рассказывать о ...; и мне сегодня, сопровождаемому тенью навших; на эту кафедру ... я поднялся* (АС); *мыслью о тех, кто стоял здесь до меня; оказаться на этой трибуне* (Бр). Сигналы хронотопа могут использоваться совместно, так что категория локации предстает в тексте полностью: *То небольшое ... я и попытаюсь изложить сегодня здесь*. Ситуативная разновидность Я-темы тяготеет к композиционному использованию. В лекции Солженицына пять из семи разделов заканчиваются тематическим Я-фрагментом, в том числе — последний раздел, т.е. Я-тема представлена в абсолютной концовке лекции. Таким образом, авторская субъективная модальность,

выражение авторского отношения к обсуждаемому становится основой обобщения как частей текста, так и целого текста.

Биографическое значение Я-темы усматривается, если автор рассказывает о своем жизненном опыте либо о чужой истории, которая тесно связана с личной жизнью говорящего. Например, в выступлении А. И. Солженицына затрагиваются обстоятельства его сложной биографии: *Из них лишь некоторых встречал я сам на Архипелаге ГУЛАГе; В томительных лагерных переброях, в колонне заключенных, во мгле вечерних морозов ... не раз подступало нам в горло ...*. Заметно, что эта разновидность Я-темы применяется осторожно, дозированно, с привлечением способов отстраненной автопрезентации: *Для человека частного и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшего, для человека, зашедшего в предпочтении этом довольно далеко — и в частности от родины, ... оказаться внезапно на этой трибуне — большая неловкость и испытание* (Бр). Данная разновидность опознается на основе фактических сведений, конкретной детализации биографических фактов. В приведенном примере сообщение об эмиграции автора дается очень своеобразно: используется совмещение фразеологизма *зайти далеко* и прямого смысла словосочетания *далеко от родины*.

Коммуникативным называем использование Я-темы для непосредственного общения лектора со своим адресатом, оно определяется по наличию вопросительных конструкций, а также использованию обращений и побудительных форм. Коммуникативный вариант Я-темы связан с ожиданием ответа или, шире, реакции адресата на свое высказывание: *Но охватим ли в е с ь тот свет? Кто осмелится сказать, что определил Искусство? перечислил все стороны его? Друзья! А попробуем пособить мы, если мы чего-нибудь стоим!* (АС)

Логический вариант Я-темы представляет автора текста человеком мыслящим. Выделяется, прежде всего, с помощью таких контекстных партнеров авторского я, как лексика интеллектуальной деятельности, глагольная и субстантивная: *мы уже и не вспомним; я настойчиво напоминаю то немного, что удалось мне с годами в этой задаче разглядеть; так я понял и ощутил на себе; моя собственная деятельность* (АС); *Я далек от идеи; мы решили; я позволю себе ряд замечаний; я не думаю* (Бр).

Композиционное значение Я-темы предполагает, что тематический Я-фрагмент или Я-включение расположены в определенном месте цело-

го текста (чаще всего в конце или в начале содержательного раздела), организуя взаимосвязь предметно-тематических фрагментов или даже композиционных частей целого текста. Это важно в плане целостности текста, таким образом автор выводит разделы текста на единую содержательную линию, которая служит опорой разнородных предметно-тематических высказываний. Формальными признаками данной разновидности является расположение Я-фрагмента на стыке разных содержательных частей текста.

Другой пример: *Так и мы, держа в руках Искусство, самоуверенно почитаем себя хозяевами его.* Данному высказыванию предшествует обширный фрагмент с предметной темой «искусство», подаваемой без модального фокусирования. С помощью речевого оборота *так и мы* в начале нового абзаца обозначается граница объективизированного и субъективизированного фрагментов текста, подчеркивается их сопоставление.

О композиционной роли говорит также использование Я-сигналов в составе композиционно значимых приемов, например, в составе лекторского вопроса или группы таких вопросов: *Как же это случилось? Отчего же зинула эта пропасть? Бесчувственны были мы? Бесчувствен ли мир? Или это — от разницы языков? Отчего не всякую внятную речь люди способны расслышать друг от друга?*

Названные функционально-текстовые варианты авторского я способны применяться самостоятельно, но очень часто совмещаются друг с другом. Типично соседство ситуативного (1) и биографического (2) вариантов: *На эту кафедру, с которой прочитывается Нобелевская лекция, кафедру, предоставляемую далеко не всякому писателю и только раз в жизни, я поднялся не по трем-четырем приموщенным ступенькам (1), но по сотням или даже тысячам их — неуступным, обрывистым, обмерзлым, из тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть (2), а другие — может быть с большим даром, сильнее меня — погибли (2).*

В этом тематическом фрагменте используется одно и то же базовое местоимение, но смысл его употреблений не одинаков. Первое употребление отсылает нас к ситуации вручения премии (контекстные партнеры: *на кафедру, Нобелевская лекция, подняться по ступенькам*), а второе и третье проявляет биографическое наполнение. Автор рассказывает о своей жизни, преобразуя бытовое слово *ступеньки* в трагический образ, связанный с лагерной жизнью за Полярным кругом и представляющий автора текста как жертву репрессии. Эмоциональная окраска слов не-

уступные, обрывистые, обмерзлые, тьмы и холод передают тягостную эмоцию. Она подчеркнута сопутствующим противопоставлением *мне* суждено *уцелеть* и *а другие ... погибли*.

Аналогичное явление наблюдается в речи И.А. Бунина: *Ничуть не желая омрачать этот праздник, о коем я навсегда сохраню неизгладимое воспоминание, я все-таки позволю себе сказать*(1), *что скорби, испытанные мною за последние пятнадцать лет, далеко превышали мои радости* (2). Первая часть этого высказывания указывает на ситуацию (*этот праздник, позволю сказать*); вторая часть — биографию автора.

Возможно даже совмещение трех смысловых вариантов, например: *То немногое, что удалось мне с годами в этой задаче разглядеть, я и попытаюсь изложить сегодня здесь*. Лектор соединяет биографическое содержание (*удалось с годами*) с ситуативным (*сегодня здесь*), а кроме того данный Я-фрагмент также завершает вступительную часть лекции А.И. Солженицына.

Таким образом, Я-тема в текстах публичных лекций характеризуется наличием группы функционально-текстовых вариантов, что придает данному явлению обширное смысловое содержание.

3. Стилистический контекст сигналов Я-темы

Участие Я-темы в формировании текстового поля тональности заключается не только в модальном фокусировании текста как таковом. С помощью контекстного окружения сигналов в тексте формируется качественная характеристика авторского я. На основе стилистического анализа высказываний, содержащих перечисленные выше речевые сигналы Я-темы можно установить особенности стилистического оснащения данной темы в субжанре нобелевской лекции.

Прежде всего отметим, что с Я-сигналами часто контактируют модальные глаголы (*хотеть, мочь, полагать* и др.). Они непосредственно выражают модальную сферу говорящего: *А может быть, уже и понимал, и называл нам в прошлые века, но мы недолго могли на том застояться* (АС); *Хотя для человека, чей родной язык — русский, разговоры о политическом зле столь же естественны, как пищеварение, я хотел бы теперь переменить тему* (Бр).; *Скажу только, что — не по опыту, увы, а только теоретически — я полагаю, что для человека, начитавшегося Диккенса, выстрелить в себе подобного во имя какой бы то ни было идеи затруднительнее, чем для человека, Диккенса не читавшего* (Бр).

Подача авторского я может сопровождаться усилением за счет контактного смыслового повтора *я сам, моя собственная, самому себе* и т.п.: *А сегодня между писателями одной страны и писателями и читателями другой есть взаимодействие если не мгновенное, то близкое к тому, **я сам на себе** испытываю это; Вот на таком мнимо-фантастическом нарушении закона сохранения масс и энергий основана и **моя собственная** деятельность, и мой призыв к писателям всего мира.* За счет нагнетения смысла повышается энергия высказывания.

Тот же эффект получается за счет использования дистантного повтора тематических сигналов: *По мере того, как я это понимал, менялся и менялся с годами состав, смысл и тон **моей** возможной речи. **Моей** сегодняшней речи; В этой роли человеку выступать, **мне кажется**, следовало бы чаще, чем в какой-либо иной (АС). Более того, **мне кажется**, что роль эта в результате популяционного взрыва и связанной с ним все возрастающей атомизацией общества (Бр).*

Я-тема активизируется также с помощью приема диалогизации. На определенном участке текста с использованием личного местоимения *вы* имитируется диалогическое общение со слушателями: *В обыденной жизни **вы можете** рассказать один и тот же анекдот трижды и трижды, вызвав смех, оказаться душою общества (Бр).* Впечатление усиливается, если в высказывание вводится местоимение не только второго, но и первого лица: *Не станет **меня**, эти строки пишущего, не станет **вас**, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором **вы** их читаете, останется не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации (Бр); **Я** не с нынешнего дня ценю **ваши** королевский дом, **вашу** страну, **ваш** народ, **вашу** литературу. (ИБ).*

В первой из этих иллюстраций личные местоимения введены в состав стилистической фигуры синтаксического параллелизма с лексической анафорой. Отметим введение Я-сигналов в состав стилистических фигур как сильное средство выразительности. Во второй применен асиндетон.

Вот еще один пример использования фигуры асиндетона: *Так и **мы**, держа в руках Искусство, самоуверенно **почитаем себя хозяевами** его, смело его **направляем, обновляем, реформируем, манифестируем, продаем** за деньги, **угождаем** сильным, **обращаем** то для развлечения — до эстрадных песенок и ночного бара, то — затычкой или палкою, как схватишь, — для политических мимобежных нужд, для ограниченных*

социальных. В этом высказывании Я-тема выражена местоимением первого лица *мы* с большим количеством однородных глаголов. Грамматически такое предложение выделяет действия, создает быстрый темп речи, подчеркнутый краткостью глагольно-объектных структур. В результате проявляется чувство уверенности, твердой убежденности автора, а также его равнодушия, эмоционального отношения к излагаемой проблеме. Заметим, что глагольный перечислительный ряд дополняется в этой фразе более коротким субстантивным (*для развлечения ..., политических нужд*) и атрибутивным (*политических, социальных*). Наличие трех однородных рядов усиливает воздействие.

Прямые автохарактеристики в текстах лекций чрезвычайно редки, однако автопортрет в лекции обязательно создается за счет контекстного наведения смыслов. Так, охарактеризовав семантику предикатов, относящихся к субъекту *я*, мы получим когнитивный образ человека интеллектуального (*Я думаю, что мировой литературе под силу в эти тревожные часы человечества помочь ему верно узнать самого себя вопреки тому, что внушается пристрастными людьми и партиями*), деятельного (*Уж мы и вовсе не шлем ракет ...*); волевого (*не будем попира́ть права художника, я позволю себе ряд замечаний; подразделение общества на интеллигенцию и всех остальных представляется мне неприемлемым*).), энергичного (*найдем ли мы дерзость заявить...*), обладающего осмысленной системой ценностей (*эти тени (великих писателей. — Я.Ц.) смущают меня постоянно; эта обязанность тяготе́ла на нас, и мы ее понимали*).

Таким образом, контекстное окружение сигналов Я-темы формирует образ лектора, демонстрирует его личностные особенности, что очень важно в плане влияния на адресата.

Тезис о взаимосвязи текстовых категорий темы и тональности требует уточнения и конкретизации. Проведенные наблюдения показали особенности модального фокусирования текста. С помощью контекстного окружения речевых сигналов авторского *я* реализуется функционально-текстовое варьирование Я-темы. Деление Я-темы на подтипы позволяет судить о богатстве содержания данного объекта. Данное деление вероятно, относится не только к публичным лекциям, что в дальнейшем должно быть подтверждено на других субжанрах лекционного жанрового типа. Кроме того, стилистический анализ контекстного окружения всех Я-номинаций позволяет утверждать, что Я-тема в лекции содержит качественные характеристики автора — субъекта текста.

Я-тема в жанре лекции служит важнейшим носителем субъективно-модального содержания текста. Субжанр публичной лекции особенно ярко демонстрирует это положение.

Использованная литература

1. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. — Киев: Next, 1994.
2. *Борисова И. Н.* Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург: Арго, 1996. — С. 21—49.
3. *Валгина Н. С.* Современный русский язык: синтаксис. — М.: Высш. шк., 2003.
4. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981.
5. *Матвеева* 2003а — Матвеева Т. В. Текстовая категория // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Флинта, наука, 2003. — С. 533—536.
6. *Матвеева* 2003б — Матвеева Т. В. Тональность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Флинта, наука, 2003. — С. 549—552.
7. *Новиков А. И.* Применение денотативной структуры текста для перевода научно-технической литературы // Психолингвистические проблемы грамматики. — М., 1976. — С. 66—75.
8. *Норман Б. Ю.* Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия // Russian Linguist. — Netherland: Kluwer Academic Publishers, 2002. — С. 218—234.
9. *Сибирякова И. Г.* Тематическое структурирование разговорного диалога: автореф. дис ... канд. филол. наук. — Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1996.
10. *Солганик Г. Я.* Основы лингвистики речи. — М.: Издательство МГУ, 2010.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Т. В. Матвеевой

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Д. Г. Караульных
магистрант 1к. УрФУ

ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЗАПИСЕЙ В ТВИТТЕРЕ В. В. ЖИРИНОВСКОГО: НА ПОДСТУПАХ К АРГУМЕНТАЦИИ

Задача исследования — выявление синтаксической специфики аргументативных фрагментов речи Жириновского на примере его записей в социальной сети «Твиттер». Объект анализа — 156 записей из блога Жириновского в период с 4 сентября 2014 года по 12 мая 2015 года.

Основу всех записей составляют простые двусоставные распространенные предложения. Во-первых, это обусловлено спецификой ведения записей в «Твиттере» (сообщения должны состоять не более чем из 140 знаков), во-вторых, стремлением автора к простоте и ясности речи. Использование двусоставных предложений позволяет обозначить в сообщении субъект и то, что об этом субъекте будет говориться в дальнейшем. Наличие распространенных предложений делает речь богаче: читатель видит, что сообщения политика, хоть и лаконичны, но не скупы.

В позиции субъекта оказывается существительное лица: *Приходил Виктор Иванович Анпилов, мой старый идейный противник-марксист. Беседовали, как всегда — открыто, без лирики (26.11.14); Эсеры уже создали основания для самороспуска. Партия эмигрантов. Часть из них можно объявить безвестно отсутствующими и лишить мандатов (16.12.14).* Нередко в позиции подлежащего оказывается название страны или территории страны, как субъекта политической деятельности и политических событий: *23 года Крым был в оккупации, над русскими издевались. Но это темное время закончилось! Уже целый год Крым — это снова Россия (18.03.15); Украина признала Россию страной-агрессором. Украина хочет войны? Или депутатам Рады просто пора пройти судебно-психиатрическую экспертизу? (27.01.15).*

Утверждение о фактах и событиях сопровождается объективной ролевой модальностью: *Опять трагедия в Донецке. Погибли мирные*

люди... Киевские каратели глумятся, бесчинствуют и ведут себя хуже гитлеровских захватчиков (22.01.15);

Обращает на себя внимание употребление в роли субъекта личного местоимения в форме множественного и/или единственного числа, свидетельствующего об осознании автором включенности в состав деятельности, солидарности с коллективным адресатом: *Мы категорически против. Рубль — наша главная денежная единица. Никакой валюты (16.12.14); Израиль зовет к себе евреев из Европы. А я приглашаю в Россию всех христиан, которых преследуют дома на религиозной почве. Мы вас защитим! (17.02.15)*. В данном случае манипулятивно повышается, укрупняется ролевой статус я. Сопоставление *Израиль — Я* нарушает границы этической позволительности. Такое сопоставление нельзя оценить как логически допустимое. Кроме того, происходит включение личной субъектной позиции (я) в коллективный субъект (мы), т.е. российские власти, Россия. Подобное соотношение я — мы имплицитно наблюдается и в следующем высказывании: *Американцы вложили 5 миллиардов и развернули «мозги» украинцев против нас. Мы вложили в Украину 400 миллиардов и никакой благодарности (30.01.15)*. Личную включенность политика в общественно полезную деятельность передает также аббревиатура ЛДПР, которая активно употребляется в позиции субъекта, например: *За 25 лет ЛДПР показала: есть честная партия, есть, кого поддерживать (1.05.15)*.

Необходимо определить, какие предложения по цели высказывания преобладают в записях. Преимущественно представлены повествовательные утвердительные предложения, «содержащие в себе сообщение о каком-либо факте, событии» [АГ 1980: 243]. Например: *25-летие ЛДПР. Всероссийский Слет активистов (15.12.14); 25 лет назад прошел учредительный съезд ЛДПР (31.03.15); Какой-нибудь закон вносится от имени десятков депутатов. Большинство из них и в руках его не держали! Порочная практика. В ЛДПР такого нет (23.12.14)*. Наблюдается имплицитный аргумент в пользу партии, которую возглавляет политик: в течение долгого времени (25 лет) члены этой партии ответственно относятся к своей работе. Им можно доверять. Формируется оппозиция: «ЛДПР — депутаты от других партий». В контексте выражается мысль об исключительности партии Жириновского.

В ряде случаев контактные повествовательные предложения позволяют установить принципиальную позицию Жириновского по актуальным вопросам текущего времени, например: *Подводим итоги*

работы Думы в 2014 году. Оценка в целом положительная, хотя остается проблема законов с фиктивным соавторством (23.12.14). Высказывается критическое мнение по поводу истинного участия отдельных депутатов в составлении текстов документов. Еще один пример: *Рубль чуть-чуть отыграл — и снова вниз. Решение ЦБ о повышении ключевой ставки ошибочное. Игры с курсом оно не остановит (16.12.14).* В данном примере наблюдаем отрицательное отношение к банковской политике. Подобные высказывания презентуют автора как независимого, открыто высказывающего собственную точку зрения. Функция самопрезентации обеспечивает продолжение контакта: пользователи должны стремиться к общению с независимым политиком.

Одинаковы по частоте употребления побудительные и вопросительные предложения. «Побудительные предложения должны содержать просьбу, побуждение или приказ» [АГ 1980: 244]. Основными средствами, передающими побуждение, являются глаголы в форме повелительного наклонения. Императивность выступает как основа лозунга-призыва, адресованного массовой аудитории: *Давайте проявим солидарность за честность и чистоту!* Ощущается этический довод, основанный на общественном одобрении прямо номинированных нравственных ценностей. Отдельные побудительные высказывания имеют перональный характер. Так, обращаясь к Зюганову, автор блога, проявляя снисходительность, заявляет: *Крепитесь, то ли еще будет!* Шутливая угроза позволяет уловить аргументативный смысл: «ЛДПР будет противостоять Зюганову, т.к. политика возглавляемой им партии противоречит либерально-демократическим взглядам».

Использование побудительных предложений органично для политического деятеля, в речах которого должен звучать призыв к определенным действиям, направленным на улучшение ситуации в стране. Побудительные высказывания направлены на создание контакта, т.е. выполняют фатическую функцию. «Фатическая речь расширяет рамки объекта, располагая внутри него конативную функцию элементарного содержания, т.е. вступление в контакт, его поддержка и проверка» [Винокур 1993: 139]. Важно отметить, что чаще всего в побудительных предложениях используется восклицательная интонация, передающая «усиление словесного удара» [Брызгунова 1983: 26].

Е. А. Брызгунова особо выделяет эмоциональные интонационные конструкции русской речи [Брызгунова 1983: 20]. Эмоционально-экспрессивной окрашенностью характеризуется речевой жанр поздравле-

ния, например: *Дорогие участники войны! Вы герои, вы спасли мир от фашизма. Мы рады, что вместе с вами отмечаем праздник — День Победы!* (9.05.15). Обращение, предикат-характеризатор, формула совместности передают готовность политика разделить с ветеранами чувства, которые они испытывают 9 Мая, выразить коллективное уважение и восхищение. Ср.: *С большим праздником всех православных христиан! С праздником светлой Пасхи! И с Днем космонавтики!* Эмоциональные конструкции позволяют реализовать уловки к целевому адресату. Это те обманные аргументы, «которые можно назвать психологическими. Они основаны на знании некоторых свойств души человеческой, и некоторых наших слабостей» [Поварнин 2009: 107].

Уловка используется также при реализации речевого жанра благодарности: *Спасибо всем за поздравления с днем рождения! Даже музыкальное видео снимают, порадовали. Еще раз спасибо!* (25.04.15). Эмоции удивления, радости усиливают впечатление близости с целевой аудиторией. Ср.: *25 лет назад прошел учредительный съезд ЛДПР. Спасибо всем, кто был тогда. Спасибо всем, кто сейчас с нами! С юбилеем!* (31.03.15). Благодарность соединяется с уверенностью в продуктивности совместной деятельности, основанной на взаимной поддержке. Целевой адресат должен осознать неразрывную связь с партийным лидером и возглавляемой им организацией. Охваченные эмоциями поздравления и благодарности, ненавязчиво транслируют смыслы, поддерживающие идею солидарности.

Жириновский регулярно выражает отношение к текущим событиям «на злобу дня». Едкая ирония и эпатаж пронизывают оценку ситуации, связанность с персональными санкциями: *Спасибо, Брюссель! Моя фамилия в списке санкций - это орден «За защиту русских!»* (21.03.15). В данной записи благодарность имеет саркастическую окраску. Негативное отношение к давлению Запада подготавливает аргумент, отстаивающий независимость, самодостаточность России и самого политика.

Интонационное высказывание, в частности, помогает аргументировать несогласие коллективного *мы* с результатами выборов (аргумент — нарушение демократической процедуры): *Выборы в Москве, Московской, Ленинградской, Калининградской областях и ХМАО не признаем!* (15.09.14).

Распространены выпады против Украины: *На Украине все признаки нацизма: горят православные храмы, люди. Чудовищно! Что еще нужно,*

чтобы признать киевский режим бесчеловечным?! (27.01.15). Эмоциональные приращения усиливают безальтернативность точки зрения.

Апелляция к чувствам верующих и чувствам граждан, переживших Великую Отечественную войну, усиливает фатическую функцию речи: *Украинская власть сошла с ума от западного ухаживания. Оказывается, русские еще и преступники, просто потому что хотят говорить по-русски! (16.09.14).* В данном случае неприятие русофобии сопровождает прямо сформулированный аргумент, неоднократно вербализованный в речах политических оппонентов. Чужая речь задает определенное отношение коллективного адресата к вражде, планомерно разжигаемой политическими авантюристами. Параллельно отметим, что концепт русскости регулярно используется Жириновским как ценностное понятие, поддерживающее электоральное единство. Специально разрабатываются ценностные категории «русский язык» и «русская речь»: *Штраф за русскую речь в эфире! Это русофобия, а не дружба народов. Вот пускай Зюганов за этим понаблюдает, выводы для себя сделает (8.10.14).*

Особое место в записях занимает «уловка к жалости» [Поварнин 2009: 108]: *Обвинять в воровстве женщину в 81 год просто бесчеловечно! Чудовищно! (6.02.15).* Автор в данном случае выражает категорическое неприятие оскорбительного отношения к старым и больным людям. Ср.: *Из Правительства до сих пор не поступил отзыв на законопроект ЛДПР о содержании животных. Годы затягивают принятие закона! (24.10.14).* Объект жалости — домашнее животное. Выраженная эмоция позволяет аргументировать необходимость продвижения законодательных инициатив ЛДПР.

Можно согласиться с тем, что «тональное разнообразие используется для реализации собственно прагматических целей, для эмоционального усиления значимости позиции адресанта» [Матвеева 2010: 178].

Политик не скупится на экстравагантные высказывания, использует индивидуально — авторские средства установления контакта с массовой аудиторией, что обусловлено стремлением автора блога к манипулятивным способам ведения аргументации.

Использованная литература

1. АГ — Академическая грамматика. Т. 2. Под ред. Н. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980.

2. Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация. — М.: 1983.
3. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. — М.: Наука, 1993.
4. Жириновский В. В. // портал «Твиттер», 2014-2015. [электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://twitter.com/Zhirinovskiy>
5. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2010.
6. Поварнин С. И. Искусство спора. — М.: Терра, 2009.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Н. А. Купиной

Т. В. Мальцева
магистрант 1 к. УрФУ

МЕТАОПЕРАТОРЫ ГАРМОНИЗАЦИИ И ДИСГАРМОНИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Антропологический поворот в системе научного знания открыл новые перспективы в области речевой коммуникации, способствующей выявлению ценностных ориентиров социума. Общение представляет собой необходимую и наиболее значимую форму человеческой деятельности, которая помогает выявить сущность языковой личности. Взаимодействуя друг с другом, люди создают коммуникативное пространство, которое впоследствии может быть охарактеризовано как гармоничное или дисгармоничное. «Любое коммуникативное действие оказывает влияние на ход событий, ведет к тем или иным результатам и, как таковое, способно изменить социальные отношения и социальную реальность — к лучшему или наоборот» [Матяш 2011: 44].

Под речевым общением принято понимать «то же, что речь, речевую коммуникацию, а именно: взаимодействие людей с помощью речи» [Матвеева 2010: 388]. В процессе изучения речевого общения можно выделить две противоположные тенденции, которые в равной степени отражают состояние современного общества. Во-первых, это гармонизация общения, выраженная в соблюдении норм и правил, «регулирующих межличностные, внутрикультурные, межкультурные отношения» [Культурные практики ... 2004: 9]. Во-вторых, дисгармонизация, приводящая к деструктивности речи, «сознательному преднамеренному причинению собеседнику морального и физического вреда, чувству удовлетворения от страданий жертвы и сознанию собственной правоты» [См.: Волкова

© Мальцева Т. В.

2014: 32]. Гармонизация и дисгармонизация общения являются причиной обращения к метаязыковой рефлексии.

«Метаязыковая рефлексия — это деятельность сознания (индивидуального или коллективного), направленная на осмысление фактов языка / речи и необязательно непосредственно связанная с собственной речевой деятельностью рефлектирующей личности» [Шумарина 2011: 4]. Результатом этого процесса является метаязыковое высказывание. И. Т. Вепрева в монографии «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху» предлагает термин «рефлексив», который понимается «как метаязыковой комментарий по поводу употребления актуальной лексической единицы» [Вепрева 2002: 76]. Рефлексивы, выполняя диагностирующую функцию, способны выявлять скрытый смысл, способствующий гармонизации / дисгармонизации общения.

Цель нашей работы — выявить метаязыковые операторы, которые гармонизируют / дисгармонизируют общение, указывая на единицы, способствующие смягчению / огрублению информации. Выборка материала проводилась на основе публицистических текстов средств массовой информации с 1990 по 2016 года с помощью базы Integrum. Материалом исследования являются 1500 метаязыковых высказываний, гармонизирующих / дисгармонизирующих речевое общение.

Как правило, метаязыковые операторы кооперативного общения указывают на наличие в тексте эвфемизмов. Эвфемизмы — это «слова или выражения, служащие в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» [Шмелев 1979: 402]. Дисфемизмы — единицы огрубления речи, зачастую сопровождающиеся метаязыковыми операторами дисгармонизации. Под дисфемизмом принято понимать «замену эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным» [Арапова 1990: 590]. По мнению В. П. Москвина, «употребление подобного рода “резких и грубоватых выражений” постепенно стало нормой нашей жизни: прямые наименования проникают в средства массовой информации (что не было характерно даже для “социалистической эпохи”), все чаще используются в быту. Соответственно, активность употребления эвфемистических коррелятов таких наименований снижается» [Москвин 2001: 58]. Собранные нами тексты СМИ показали, что большая часть метаязыковых высказываний сигнализирует о деструктивном общении.

Обратимся к материалу и выявим метаязыковые операторы, маркирующие дисгармоничное речевое общение.

1. Грубо говоря

Если большая часть населения России — *фаталисты* или, **грубо говоря, пофигисты**, пассивно ожидающие несчастий и надеющиеся на традиционный авось, то выживальщики — это социально активная среда, действующая по принципу: “Стремись к лучшему, не забывая о худшем” (Мир новостей; 26.10.2010).

Оппозиционная пара: прямая номинация *безразличный человек* — дисфемизм *пофигист*.

Лексическая единица *пофигист* означает «сторонник пофигизма». *Пофигизм*, неодобр. жарг. — ‘состояние безразличия, апатии, отсутствие интереса к окружающему миру; презрение к внешним условиям; жизненная позиция показного равнодушия и безучастия к происходящему’ [Химик 2004: 479]. Оппозицию рассматриваемому дисфемизму составляет словосочетание *безразличный человек*, которое является общеупотребительным. Ср.: *безразличный* — ‘равнодушный, безучастный’ [Ожегов 2013: 40]. Обе номинации сохраняют семантический компонент ‘равнодушный’. Но в ядерную часть лексемы *пофигист* вводятся периферийные компоненты ‘презрение’, ‘показное, преувеличенное равнодушие’, что демонстрирует сдвиг в сторону «ухудшения» денотата, приводит к эффекту сильной экспрессивной подачи информации. Таким образом, дисфемизм является более экспрессивным за счет социальной и эмоционально-экспрессивной окрашенности слова.

Совет по правам человека при президенте, грубо говоря, кинули (Московский Комсомолец; 14.01.2016).

Оппозиционная пара: прямая номинация *предать* — дисфемизм *кинуть*.

2. Выражаясь жаргонным языком

Выражаясь жаргонным языком, здесь «разводили» потерпевших и тех, кто их «кинул» (Местное время; 13.11.2002).

Оппозиционная пара: прямая номинация *обмануть* — дисфемизм *развести*; *предать* — *кинуть*.

Развод — ‘вымогательство, принуждение с помощью уговоров, обмана, хитрости или насилия заплатить за что-л., оплатить какую-л. услугу, отдать какие-л. ценности, деньги (жарг.)’ [Химик 2004: 519]. В определении мы видим присутствие семантики нечестного вымогательства путем обманных действий. Жаргонное слово *кинуть* во вто-

ром значении — ‘неожиданно нарушить договоренности, не сдержать обещания, преднамеренно подвести, нанеся финансовый и моральный ущерб’ [Там же: 255]. В обоих случаях использованы ярко выраженная жаргонные лексемы, которые делают дисфемизм более экспрессивным за счет резко отрицательной оценки слова.

На мой взгляд, для нас не допустимо отступление и слабость — «слив» Новороссии, выражаясь жаргонным языком, — хотя «большая Нвороссия» уже «слита» (Невское время; 19.05.2015).

Оппозиционная пара: прямая номинация *потерять* — дисфемизм *слить*.

3. Другого слова не подберешь

*И неужели покровителя антимайдана, главплаката и прочего шапокляка думают, что эти ребята — и **подонки**, другого слова не **подберу**, тиражирующие их лозунги в прессе, искренне преданы престолу?* (Профиль; 16.03.15).

Оппозиционная пара: прямая номинация *ничтожный человек* — дисфемизм *подонки*.

Лексема *подонки* — (разг.пренебр.) ‘ничтожный, вызывающий презрение человек’ [Ожегов 2013: 501]. Оппозицию рассматриваемому дисфемизму составляет словосочетание *ничтожный человек*, которое является общеупотребительным. Ср.: *ничтожный* — ‘совершенно незначительный по роли, внутреннему содержанию; не внушающий к себе уважения, мелкий’ [Там же: 389]. Дисфемизм является более экспрессивным за счет эмоционально-экспрессивной окрашенности слова.

И сотни тысяч молодых мерзавцев — другого слова не подберу — в грош не ставят свободу слова, плюют на либеральные ценности и уважают только силу (Собеседник; 24.12.2003).

Оппозиционная пара: прямая номинация *подлый человек* — дисфемизм *мерзавец*.

4. Извините за грубое / жаргонное слово

*Конечно, прямое назначение женщины — дети. Карьера по сравнению с этим, **извините за грубое слово, фигня*** (Московская правда; 03.03.2007).

Оппозиционная пара: прямая номинация *мелочь* — дисфемизм *фигня*.

Лексема *фигня* — ‘о чем-л. оцениваемом отрицательно’ [Химик 2004: 651] — имеет помету «груб. (шутл) пренебр. разг.-сниж. дисф.». Это слово с ярко выраженной экспрессивной окраской. Оппозиционной

парой в данном случае является нейтральное слово *мелочь* — ‘ничтожное обстоятельство, пустяк’ [Ожегов 2013: 325].

Мы придерживаемся того же принципа, мы выступили в роли защищающейся стороны, потому что тот откровенный, извините за жаргонное выражение, «наезд» на город Екатеринбург. На городскую администрацию без внимания оставлять было нельзя (Вечерний Екатеринбург; 09.12.2009).

Оппозиционная пара: прямая номинация *угроза* — дисфемизм *наезд*.

5. Не хотел бы употреблять грубое слово

Не хотелось бы употреблять грубое слово, но ближайшая родственница Николая II попросту оплошала (Аргументы и факты; 22.07.1998).

Оппозиционная пара: прямая номинация *совершить ошибку* — дисфемизм *оплошать*.

Оплошать — (разг.) ‘совершать оплошность, промах, ошибку’ [Ожегов 2013: 422]. Экспрессивная сниженная единица усиливает негативный характер высказывания.

6. С позволения сказать

А эти, с позволения сказать, свиньи вытолкали меня из вагона взащей... (Метро; 14.01.2015).

Оппозиционная пара: прямая номинация *наглый человек* — дисфемизм *свинья*.

Лексическая единица *свинья* ‘о человеке (обычно о грубияне, наглеце эгоисте и пр.)’ имеет пометы *бран. разг.-сниж. неодобр.* Оппозицию рассматриваемому дисфемизму составляет словосочетание *наглый человек* — ‘дерзко беззастенчивый, бесстыдный’ [Ожегов 2013: 350]. Данный пример показывает, как огрубление речи происходит за счет употребления на месте литературного слова стилистически сниженного.

И с такой вот, с позволения сказать, «лажей», он явился даже на свой отчет в Государственную Думу (Наш голос; 28.04.2011).

Оппозиционная пара: прямая номинация *нечто незначительное / нечто низкого качества* — дисфемизм *лажа*.

Следующая разновидность метаязыковых операторов так же, как и в предыдущей группе, способствует деструктивному общению. Принципиальное отличие будет состоять в том, что рассматриваемые ниже рефлексивы, на первый взгляд, должны смягчать речь говорящего, однако за счет иронического подтекста автор задает тон, способствующий дис-

гармонизации общения. Обратимся к материалу и выявим **метаязыковые операторы прони**, дисгармонизирующие общение.

Выражаясь интеллигентно

*В данном случае столичное происхождение явно помешало министру трезво оценить ситуацию на Ставрополье, в которой ему, **выражаясь интеллигентно, «за базаром»** бы не грех последить* (Труд; 19.10.2012).

Оппозиционная пара: прямая номинация *выбирать выражения* — дисфемизм *следить за базаром*.

Жаргонное слово *базар* во втором значении — ‘разговор, беседа, обсуждение; спор’ [Химик 2004: 32]. Это ярко выраженная экспрессивная лексема. Нейтральной оппозицией к этому жаргону является слово *выражение* — ‘фраза (в 1 знач.) или сочетание слов, часто употребляющиеся в речи’ [Ожегов 2013: 110]. Обе номинации сохраняют семантический компонент «словесный обмен». Но дисфемизм, являясь более экспрессивным за счет социальной и эмоционально-экспрессивной окрашенности слова, приводит к эффекту более сильной подачи информации.

*У нас 632 тысячи работающих, что является абсолютным, **выражаясь интеллигентно, «беспределом»*** (Забайкальский рабочий; 15.05.2003).

Оппозиционная пара: прямая номинация *нарушение порядка* — дисфемизм *беспредел*.

2. С позволения сказать

*После их просмотра захотелось поделиться своими впечатлениями об этих, **с позволения сказать, «киношедеврах»*** (Наш голос; 04.01.2007).

Оппозиционная пара: прямая номинация *киношедевр* — дисфемизм «*киношедевр*».

*Чему может научить семинаристов такой, **с позволения сказать, «ученый муж»**. Ничему хорошему — это точно* (Благовест; 25.09.15).

Оппозиционная пара: прямая номинация *умный человек* — дисфемизм «*ученый муж*».

В рассматриваемых примерах метаязыковое высказывание содержат не грубые единицы, а, напротив, единицы высокого стиля, заключенные в кавычки. *Шедевр* — (книжн). ‘исключительное по своим достоинствам произведение искусства, образцовое создание мастера’ [Ожегов 2013: 830]. Лексема *муж* во втором значении — ‘мужчина в зрелом возрасте (устар.), а также деятель на каком-н. общественном поприще (высок.)’ [Ожегов 2013: 342]. Пафосность выбранных единиц, ко-

которые сопровождаются метаоператором, иронически снижает истинную значимость как *шедевров*, так и *ученых мужей*. Метаоператор усиливает презрительное отношение к характеризуемому объекту.

Следующие рефлексивы связаны с конструктивным общением, предполагающим смягчение речи. Обратимся к материалу и выявим метаязыковые операторы гармонизации.

Мягко говоря

*Дело в том, что продавцы, утверждая, что о средствах безопасности автомобиля уже якобы позаботились его изготовители, **мягко говоря, лукавят*** (Российская газета; 19.01.2012).

Оппозиционная пара: прямая номинация *обмануть* — эвфемизм *лукавить*.

Эвфемизм *лукавить* используется в значении ‘обманывать [хитрить, притворяться]’ (БАС, 6, 392)]. Перен. яз. эвф. [Сеничкина 2008: 180]. В отличие от нейтрального слова *обмануть* кого-что — ‘ввести в заблуждение, сказать неправду; поступить недобросовестно по отношению к кому-н’ [Ожегов 2013: 400] лексема *лукавить* обозначает слабую степень свойства, тем самым смягчая высказывание в целом.

*Ведь режиссер ориентируется на публику, воспитанную телевидением, то есть, **мягко говоря, театрально, литературно да и культурно не слишком подготовленную**, зато готовую платить деньги* (Музыкальное обозрение; 31.01.2012).

Оппозиционная пара: прямая номинация *неподготовленный* — эвфемизм *не слишком подготовленный*.

Выражаясь интеллигентно

*Однако события января 2005 г., связанные с вступлением в силу Закона о монетизации льгот, достаточно красноречиво говорят о том, что социальные проблемы обездоленных людей, **выражаясь интеллигентно, не находятся в приоритете** у власти* (Закон; 01.03.2005).

Оппозиционная пара: прямая номинация *быть ненужным* — эвфемизм *не находится в приоритете*.

Следует отметить, что рассматриваемые метаязыковые высказывания часто строятся по принципу противопоставления. Ср.:

*Золотой сон о светлом будущем человечества был всегда идеалом, **выражаясь интеллигентно, безумца, а говоря попросту, дурака*** (Звезда; 15.03.2006).

Оппозиционная пара: прямая номинация *глупый человек* — эвфемизм *безумец* — дисфемизм *дурак*.

В данном высказывании мы сталкиваемся с проявлением как эвфемизации, так и дисфемизации. Контекст демонстрирует, как растет степень огрубления. Эвфемизм *безумец* — (книжн.) ‘безумный человек’ [Ожегов 2013: 40] смягчает негативную окраску словосочетания *глупый человек*, сохраняя положительный потенциал нейтрального выражения. Пейоративная оценка достигается при помощи разговорного слова *дурак*. *Дурак* — ‘глупый мужчина’ [ТСРРР 2014: 511]. Семантика «глупости», выраженная в последних двух единицах, усиливается за счет сниженной окраски разговорной лексемы.

Как бы поделикатнее сказать

Поп-принцесса выглядела, как бы поделикатнее сказать, раздобрешей, и хотя вся последующая программа была построена как ее включение в разнообразные цирковые аттракционы, двигалась певица с видимым трудом (Труд; 24.07. 2009).

Оппозиционная пара: прямая номинация *толстый* — эвфемизм *раздобреший*.

Эвфемизм *раздобреший* образуется от глагола *раздобреть* в значении ‘толстеть, становиться упитанным, упитаннее’ [Ожегов 2013: 599]. В отличие от нейтрального слова *толстый* — ‘большой в объеме, в объёме, в поперечнике; 2. о теле, туловище (или его частях)’ [Там же: 744] лексема *раздобреший* обозначает слабую степень свойства, тем самым смягчая высказывание в целом.

Наши войска вступили на территории, которые были оккупированы итальянскими и румынскими частями. А те оставили тамошним женищинам, как бы поделикатнее сказать, очень неприятные сувениры на память. В воинских частях выросла заболеваемость, что вредило боеспособности (Уральский рабочий; 21.02.2014).

Оппозиционная пара: прямая номинация *болезнь* — эвфемизм *очень неприятный сувенир*.

Итак, подведем предварительные итоги. Наблюдая за собранным материалом, можно увидеть, что метаязыковая рефлексия — яркая примета современных средств массовой информации. Рассматриваемые нами метаязыковые операторы, как правило, выполняют аксиологическую функцию, сопровождая эвфемистические и дисфемистические единицы. Метаоператоры в паре с эвфемистическими единицами усиливают положительную семантику и гасят нежелательную. Метаоператор, указывающий на наличие эвфемистической единицы, может выполнять и противоположную функцию. Придавая иронический оттенок всему

выражению, подобный комплекс выполняет дополнительную воздвигательную функцию — привлечь внимание к негативным фактам.

Рефлексивы, способствующие дисгармонизации речи, напротив, сопровождают, как правило, дисфемизмы и указывают на стилистически сниженную природу подобных слов и выражений. Использование в тексте дисфемизмов, резко огрубляющих речь, формирует у читателя отрицательную оценку, которая, в свою очередь, составляет общее негативное мнение об обсуждаемом предмете или явлении.

Использованная литература

1. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002.
2. *Волкова Я. И.* Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014.
3. *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации*: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.
4. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. — Ростов н/Д: Феникс, 2010.
6. *Матьяш О. И.* Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова, С. Биби, Ж. В. Зарицкая; под науч. ред. О. И. Матьяш. — СПб.: Речь, 2011.
7. *Москвин В. П.* Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. — 2001. — № 3. — С. 58—71.
8. *Ожегов — Толковый словарь русского языка*: 80 000 слов и фразеологических выражений / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. РАН; Ин-т рус.яз. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное — М.: ООО «А ТЕМП», 2013.
9. *Сеничкина Е. П.* Словарь эвфемизмов русского языка — М.: Флинта: Наука, 2008.
10. ТСРРРР — Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А — И / отв. ред. Л. П. Крысин. — М.: Языки славянской культуры, 2014.
11. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. — СПб.: Норинт, 2004.
12. *Шмелев Д. Н.* Эвфемизм // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. — М.: Советская энциклопедия, 1979.
13. *Шумарина М. Р.* Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте: автореф. дис ... канд. филол. наук; Московский пед. гос. ун-т. — Москва, 2011.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором И. Т. Вепревой

Е. В. Самкова
студентка 3 к. УрФУ

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ПРОВОКАТИВНЫХ ЗАГЛОВОКОВ В ИНТЕРНЕТЕ

В современную эпоху глобальных коммуникаций интернет-общение становится самым популярным типом взаимодействия. Количество людей, имеющих отношение к компьютерам, постоянно увеличивается. Интернет-коммуникация представляет собой один из исторических этапов в развитии коммуникационных средств и существует наряду с общением, опосредованным печатными бумажными носителями, включающим непериодические издания (книга) и периодические (газеты, журналы), а также общением.

Интернет коренным образом изменил всю систему СМИ. На платформе новейших технологий происходит объединение традиционных способов передачи массовой информации. В условиях ужесточения конкурентной борьбы на рынке масс-медиа СМИ нуждаются в обновлении своих информационных стратегий. Представляется необходимым комплексно исследовать интернет-СМИ; охарактеризовать их как целостную типологическую группу.

В поле нашего исследовательского внимания находится интернет-жанр коротких новостных сообщений светского характера — новостей об известных медийных личностях, которых хорошо знает современное российское общество. В нашей работе мы обратились к характеристике одного из приемов, который нарушает правила коммуникативного сотрудничества, — приему провокативного заголовка.

Цель статьи — выявление языковых средств создания провокативности. Для решения исследовательской задачи содержание заголовка соотнесено с содержанием текста. В работе рассматривается механизм создания провокативности заголовка на основе семантического взаимодействия лексем, входящих в заголовок текста, и самого содержания статьи, которое противоречит смысловому наполнению заголовка.

Определимся с предложенным термином «провокативный заголовок». Слово «провокация» в современном русском языке означает ‘предательское поведение, подстрекательство кого-н. к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия’: *Устроить провокацию. Не поддаваться на провокацию* [ТС 2008: 607].

Слово «провокативность» заимствовано из английского, соотносится со словом «провокации» только в семантике ‘подстрекательства’. Провокативный — это ‘задорный, пикантный, раздражающий, соблазнительный, стимулирующий, побуждающий (к чему-л.), вызывающий (что-л.), ведущий себя провокационно, дающий пищу для размышлений, дразнящий’. Сопоставление значений двух соотносительных по семантике слов показывает, что семантика побуждения, которая присутствует в этих единицах, в слове «провокативный» присутствует в смягченном варианте: ‘раздражающий, дающий пищу для размышлений, дразнящий’ в отличие от слова «провокация», в семантике которого побуждение к действию ведет к тяжелым последствиям. Поэтому при выборе терминологической единицы для анализа из пары *провокационный* — *провокативный* мы останавливаемся на последней.

В результате исследования нами была выявлена следующая типология провокативных заголовков: заголовки с эффектом обманутого ожидания, заголовки с эффектом усиленного содержания, заголовки, соединяющие перечисленные эффекты, и заголовки с заведомо ложной информацией. Покажем результаты проведенного анализа.

Контексты, реализующие эффект обманутого ожидания

Основание для создания провокативности заголовка — многозначность слова, значение которого не поддержано необходимым контекстным окружением либо намеренно помещено в другой контекст.

1.1. Заголовок *Иосиф Пригожин пожаловался, что ему изменяет жена.*

В статье Пригожин говорит о том, что каждое утро жена изменяет ему с Инстаграмом. Провокативный эффект достигается с помощью метафорического использования слова *изменить*.

Значение глагола *изменить*, реализованное в заголовке: ‘нарушить верность’. *И. жене, мужу* (нарушить супружескую верность) [ТС 2008: 241]. Контекстная поддержка, представленная существительным *жена* в субъектном значении, позволяет понять заголовок недвусмысленно.

Предикативная основа *жена изменяет* в теле статьи конкретизируется позицией объекта — неодушевленным существительным в форме тв. пад. (*с Инстаграмом*), что позволяет реализоваться глаголу *изменить* в значении: ‘совершить предательство, измену’ (в 1 знач.) [ТС 2008: 241] и полностью перевернуть тезис заголовка.

1.2. Заголовок *Кобзон высказался: у Путина новая любовь. Его избранницей стала...*

В статье Иосиф Кобзон рассказывает о том, что Путин давно женился во второй раз. Оказалось, что *женой Путина* Кобзон *считает Россию*: Президент давно связал себя с ней крепкими узами.

Провокативный эффект создается из-за метафорического употребления слова *любовь*. Существительное *любовь* в статье реализует значение: ‘чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности’ [ТС 2008: 336]. Возможны сочетания: *любовь к родине, к семье, к родителям, к детям, к собакам* и т.д. *Относиться к работе, к делу, к проекту с любовью*.

Для того чтобы понять, о чем пойдет речь в статье, читатель должен обратить внимание на контекстное окружение существительного. Субстантив *любовь* уточняется прилагательным *новый*. Далее идет незаконченная предикативная единица *Его избранницей стала...* Значение слова *любовь*, используемое в заголовке, — ‘глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство’. *Чары, ожидание любви. Признание в любви. Брак по любви, без любви...*» [ТС 2008: 336]. В целом создается общий смысл: *Путин выбрал новую спутницу жизни после развода с женой*.

Читателю остается один шаг: по ссылке перейти к содержанию статьи, чтобы узнать ее имя. Эффект обманутого ожидания возникает тогда, когда читатель узнает о любви Путина к России.

Вторая группа контекстов — эффект усиленного ожидания. Основание для создания провокативности заголовка — оценочное преувеличение излагаемого факта.

2.1. Заголовок *То, что отчебучил пьяный Галкин, стыдно показывать!*

В статье говорится о праздновании дня рождения Аллы Пугачевой, которое длилось несколько дней. На одном из вечеров Максим Галкин, видимо, не рассчитал свои силы и немного *перебрал со спиртным*, чем явно была недовольна Примадонна.

Провокативность заголовка создается с помощью просторечного глагола *отчебучить*. Отчебучить — ‘то же, что отчудить’ [ТС 2008: 483]. *Отчудить* определяется через слово *выкинуть* (во 2 знач.) [ТС 2009: 484]. Глагол *выкинуть* имеет следующую дефиницию: 2. ‘проделывать, устроить’ (разг. неодобр.) *В. фокус, номер* [ТС 2009: 113]. Таким образом, *отчебучить* является словом-сигналом с неодобрительной окраской. *Отчебучить* — устроить что-то из ряда вон выходящее, в не-

котором роде опозориться. Предосудительность поступка усиливается лексемой *стыдно*.

Глагол *перебрать*, употребленный в теле статьи, означает следующее: 6. ‘выпить лишнее’ (прост.) *Вечером в гостях перебрал* [ТС 2008: 500]. *Перебрать* не означает ‘обязательно что-нибудь отчудить’, можно перебрать со спиртным и не совершить ничего плохого и предосудительного. Кроме того, русские снисходительно относятся к людям, выпившим лишнее.

Высокая негативная оценочность слов *отчебучить* и *стыдно*, безусловно, привлекает внимание читателей, содержание публикации не носит столь резкого негативного отношения к поведению Галкина.

2.2. Заголовок *Здоровье Натальи Рудовой резко ухудшилось — все стараются помочь...*

В статье говорится о пошатнувшемся здоровье актрисы из-за переутомления. Рудова хочет отдохнуть и отправиться в отпуск.

В заглавии сообщается: *здоровье резко ухудшилось*. Данное предложение содержит импликатуру (по Грайсу): Наталья Рудова и раньше имела проблемы со здоровьем, но теперь развитие ее болезни достигло своего устрашающего пика. Рассмотрим значение используемых в предложении единиц.

Глагол *ухудшиться* употребляется в значении: ‘стать плохим (в 1 знач.), хуже’. *Результаты ухудшились. Состояние здоровья ухудшилось*» [ТС 2008: 845]. Прилагательное *плохой* в первом значении — ‘лишенный положительных качеств, неудовлетворительный, не удовлетворяющий каким-н. требованиям’ [ТС 2008: 525].

Глагол *ухудшиться* имеет наречный характеристизатор *резко*, мотивированный прилагательным *резкий*: 2. ‘внезапный и очень значительный’ [ТС 2008: 674].

Подобная экспрессивность отсутствует в теле статьи, где сообщается о переутомлении актрисы. Переутомление — 2. ‘состояние организма, вызванного постоянным или чрезмерным утомлением’ *Головная боль от переутомления*» [ТС 2008: 512].

Таким образом, здоровье не может резко ухудшиться от переутомления, поскольку переутомление накапливается постепенно, воздействуя как на физическую, так и на психическую деятельность человека.

Третья группа контекстов — сочетание эффекта обманутого и эффекта усиленного ожидания.

3.1. **Заголовок** *Шок! Басков спит с мужчиной! Это всем известный...*

В статье речь идет о том, что уставшие Николай Басков и Филипп Киркоров уснули, облокотившись друг на друга, в салоне автомобиля, чему есть фотоподтверждение.

Провокативность создается благодаря употреблению близких по значению глаголов *спать* и *уснуть*.

В статье глагол *уснуть* / *заснуть* употребляется в основном значении: ‘погрузиться в сон’ [ТС 2008: 265]. Сон — это ‘наступающее через определенные промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижаются реакции на внешние раздражения’ *Здоровый с. Спать крепким* (мертвым) *сном. Видеть что-н. во сне* (о сновидении). *Пробудиться от сна. Погрузиться в с. (заснуть)*» [ТС 2008: 747].

Глагол *спать* в основном значении ‘находиться в состоянии сна’ имеет широкую сочетаемость. Возможно употребление глагола с обстоятельственными деепричастиями (*стоя, лежа, сидя*), может быть разная интенсивность действия (*крепко спать, очень крепко спать*), глагол может употребляться как с одушевленным существительным (*люди спят*), так и с неодушевленным (*город спит, чувства спят*). В заголовке нет контекста, который бы помог реализовать данное значение глагола. Заголовок, наоборот, помогает глаголу реализовать другое значение благодаря сочетанию *спать с мужчиной*. Таким образом достигается эффект обманутого ожидания.

Слово *шок*, используемое в первом предложении, вносит эффект усиленного ожидания. Шок — ‘тяжелое расстройство функций организма вследствие физического повреждения или психического потрясения’ *В состоянии шока. Выйти из шока. Нервный ш.*» [ТС 2008: 899].

Глагол *спать* в заголовке употребляется в значении 3. с кем. ‘находиться в половых отношениях’ (разг.). *Спать с чужой женой*» [ТС 2008: 926].

Глагол в данном значении требует контекстной поддержки — объекта — одушевленного существительного в форме творительного падежа. Заголовок позволяет увидеть эту сочетаемость: *Басков спит с мужчиной*.

Заголовок провоцирует читателя на восприятие Баскова как на человека с нетрадиционной ориентацией, что создает скандальность заголовка. В статье речь идет об уставших людях, погрузившихся в сон. Сенсационность заголовка не имеет продолжения в тексте статьи.

Четвертая группа контекстов — заведомо ложная информация. В этом типе собраны заголовки, совершенно не отвечающие содержанию статьи.

4.1. **Заголовок** *Владимир Путин рассказал о новой первой леди России.*

В статье Владимир Путин на вопрос журналиста о новой первой леди ответил: «Мне сначала свою бывшую жену Людмилу Александровну замуж надо выдать, а потом уже и о себе подумаю». В содержании статьи нет рассказа о новой жене президента.

4.2. **Заголовок** *В знаменитой актерской семье ожидают пополнение.*

В статье Екатерина Климова призналась, что сейчас готова родить еще парочку детей, но нет информации о беременности актрисы.

Подведем итоги. В ходе исследования мы выявили, что провокативные заголовки направлены на манипулирование нашим сознанием, провоцируют читателя на чтение новостей, которые вызывают любопытство, активизируя фантазию адресата. Эффект обманутого ожидания создается путем использования многозначных слов в неполном контексте при опоре на имплицатуры.

В процессе исследования нами были выделены слова (словосочетания)-интенсификаторы, с помощью которых происходит усиление представленной информации и создается эффект усиленного ожидания. Например: *позеленели от страха, ошарашили, посидели от новости, челюсть отвисла у всех, шок, трагедия, тайна, рассказали правду, открылись невероятные подробности*. Эти слова в заголовках обычно выделены особым типом шрифта. Кроме того, заголовок может напрямую не соответствовать содержанию статьи. Изучение подобных заголовков позволяет выявить технологию манипулирования массовым сознанием.

Использованная литература

1. Засурский Я. Н. Журналистика и мир на рубеже тысячелетий // Искусшение свободой. Российская журналистика: 1990–2004. — Москва, 2004. — С. 75—95.

2. ТС — Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / под ред. Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. — Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2008.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором И. Т. Вепревой

© Савкова Е. В.

М. О. Калинин
студент 3 к. УрФУ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЯРЛЫК INDIE И ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО СОКРАЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕЦЕНЗИЙ И. КОЭНА

В конце XX века в английском языке появилась тенденция к так называемому лейблнгу (или наклеиванию ярлыков) на различные культурные явления. Такие слова, как *mainstreamer*, *hippie*, *rocker*, *hipster*, несут за собой определенный образ человека, который принадлежит к какой-либо группе людей. Однако эти лексические единицы достаточно трудно описать из-за разнообразия их интерпретаций и незакрепленности в словарях. Благодаря лексической гибкости английского языка и различным способам словообразования появляется большое число новых слов, обозначающих современные реалии, особенно в молодежном сленге. Единица *indie*, наименование целого музыкального направления, активно используется в публицистических текстах, касающихся не только музыки, но и литературы, и даже компьютерных игр. Это позволяет говорить о семантической гибкости конкретного слова, еще не успевшего закрепиться в словарях, сохраняющего черты неологизма и при этом претерпевающего сдвиги в собственном лексическом значении.

С точки зрения словообразования, *indie* представляет собой усечение конечного типа (апокопа [Арнольд 2012: 188]) от *independent* («независимый»). Распространенность использования этого сокращения может быть связана с определенной цепочкой контекстов, в которых актуализировалась новая лексическая единица: «Некоторые усечения проходят такой путь: сленг — разговорный язык — нейтральные слова» [Плетнева 2011: 27].

Что касается значения слова *indie*, то здесь можно найти достаточно много расхождений. Закрепленная дефиниция *indie* указывает на производство данного жанра в независимых звукозаписывающих компаниях («традиционное определение этого термина... фокусируется не на характеристике самой музыки, а на ее внешних характеристиках, замечающих то, что «инди»-музыка... не выпускается Большой Четверкой звукозаписывающей индустрии» [Plemenitaš 2012: 1]¹. В свою очередь, это слово расширило границы своего употребления в связи с

интернетизацией общества и возможностью не только обсуждать музыку в сети, но и делиться своими произведениями. Выдвинем предположение о том, что слово *indie* не просто изменило свое значение — оно описывает различные аспекты музыкального направления (аудитория, исполнители, культурное ответвление, музыкальная сцена и т. д.). Это явление присуще новым сокращениям в языке, так как они становятся частью профессионального социолекта и обретают уникальную стилистическую окраску, что меняет актуализацию слов в речи.

Подобная смена значения может быть вызвана появлением того или иного слова в разных контекстах, которые навязывают лексической единице какой-то смысл, не обязательно связанный с ее закрепленным значением. Сторонники структурной лингвистики подчеркивают важность контекста в коммуникации, подмечая его влияние на язык: «Контекст выступает не как спорадическое и факультативное явление в коммуникации, а как глобальный феномен, пронизывающий все единицы и уровни языка» [Колшанский 1980: 134].

Введем понятие контекста из ЛЭС: «Фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [ЛЭС 1990: 238]. Иными словами, это тот фрагмент текста, который позволяет отобрать из множества значений слова одно единственно правильное и необходимое в производстве речи. Этот дуализм природы контекста описал С. Д. Кацнельсон: «Контекст играет двоякую роль — как средство отбора нужного значения и как средство актуализации отобранного значения» [Кацнельсон 1965: 45].

Все важнейшие термины теории контекста приведены в работе В. В. Савченко. Прочитируем ее в сжатом виде: «В контексте выделяют *ядро и окружение*. Число членов в окружении называется *мощностью окружения*. Каждое ядро может иметь окружения разной мощности, что доказывается в предложениях: *Выпал снег* («выпал» — ядро, мощность = 0); *Уже выпал снег* (1); *На Урале уже выпал снег* (2); *Еще в октябре на Урале уже выпал снег* (3). Из всех окружений данного ядра одно и только одно является *оптимальным*. Все прочие окружения являются либо *избыточными*, либо *недостаточными*. Недостаточное окружение понимается как окружение, которое правильно только в определенном контексте. Примерами недостаточного окружения могут служить следующие фразы: *Он спросил*; *Я взял*; *Она вдела нитку*» [Савченко 2014: 92].

© Калининко М. О.

Ядром в нашем исследовании будем считать само слово *indie*, появляющееся в минимальном контексте (словосочетании) в качестве главного слова. Его контекстным окружением будем считать зависимый элемент, связанный с анализируемым словом сочинительной или подчинительной связью.

Контекст очень важен в речевой коммуникации, так как является ее основой и навязывает участникам речевого акта определенную ситуацию. Здесь следует отметить терминологическую разницу понятий «контекст» и «ситуация»: они сопоставляются друг с другом таким же образом, как план содержания и план выражения, как язык и речь. Если ситуация — это сама речевая оболочка (обстановка акта), то контекст — это абстрактная связь между порождаемыми словами. Дж. Р. Ферс приводит понятие контекста ситуации и говорит о том, что он существует в каждом тексте: «...любой текст может рассматриваться как составляющая контекста ситуации или нескольких таких контекстов и... должен относиться к обозримой и допустимой череде событий в процессе получения опыта» [Firth 1962: 7]¹, что приводит к мысли о необходимости того, чтобы контекст был достаточным фрагментом текста, указывающим на ситуацию.

Данная работа фокусируется на описании семантического поля окружений слова *indie*. Г. В. Колшанский привел следующую функцию контекста: «...признание в качестве предварительного условия правильного восприятия значений той или иной единицы фактора необходимости развертывания фразы в конкретном окружении, снимающего многозначность целого высказывания или его части» [Колшанский 1980: 23]. Следовательно, контекст не может существовать без окружения единицы, которая в него вписывается. Данный вывод приводит нас к тому, что ближайшее окружение непременно влияет на значение актуализируемого слова и может уточнить смысл заданной единицы в большом массиве текстов. Цель такого уточнения и преследует контекстный анализ.

Методика контекстного анализа заключается в расчленении имеющихся предложений на минимальные контексты — словосочетания, в которых слово *indie* будет являться ядром. Приведенные выше тезисы о связи контекста и семантики слова позволяют сделать предположение о том, что слияние компонентного и контекстного методов анализа помогут в уточнении неизвестной единицы. Этот процесс похож на

1 Перевод наш. — М. К.

дешифровку какого-либо элемента речи, который благодаря своей частотности и актуализации в различных ситуациях может рассказать что-то о своем значении посредством ближайших его окружений. Тем самым раскрывается цель нашего исследования, которая заключается в нахождении той примерной дефиниции слова *indie*, на которую опираются профессиональные музыкальные критики, после чего воплощают ее в своих текстах.

Материалом данного исследования послужили статьи Иэна Козна, опубликованные на известном музыкальном онлайн-ресурсе Pitchfork.com.

В ходе исследования в рассматриваемом корпусе из 88 текстов были найдены 103 различных употребления выбранной единицы *indie*, затем были выявлены их минимальные контексты, после чего составляющие этих контекстов (ядра и окружения) были подвергнуты компонентному анализу, который позволил оформить вероятные значения окружения слова *indie*.

Рассмотрим три случая актуализации анализируемой единицы.

В рецензии от 14.04.2014 содержится следующее словосочетание: “*indie BBQ*” *playlists*. Элемент *BBQ* является результатом графикации слова *barbecue* и означает следующее: ‘a gathering at which a meal is cooked but out of doors over an open fire’. Значительное число актантов данной контекстной ситуации порождает большое семантическое поле: ‘meeting’ (‘встреча’), ‘gathering’ (‘сходка’), ‘meal’ (‘прием пищи’), ‘attended by a group of people’ (‘посещаемая группой людей’), ‘out of doors’ (‘на улице’), ‘open fire’ (‘открытый огонь’). Наряду с уточнителем *festival*, контекстный партнер *BBQ* обозначает встречу на открытом воздухе, подчеркивая важность социальной принадлежности к определенной группе людей.

Слово *playlist* обладает дефиницией ‘a list of the songs that are played by a radio programme’. Нас интересуют семы ‘list’ (‘список’), ‘music’ (‘музыка’), ‘radio’ (‘радио’), ‘programme’ (‘программа’), ‘fixed’ (‘закрепленный’). Нужно подметить, что в связи с появлением многих социальных сетей, в том числе и музыкальных, слово *playlist* не только употребляется в терминологии радиовещания, но и широко распространено среди пользователей сети Интернет.

В этой же статье встречается выражение *indie kids*. Слово *ребенок* часто приводится в справочных материалах и научной литературе по компонентному анализу, так как наиболее точно отражает функциони-

рование сем. В данном случае слово *kid* имеет значение ‘a child; young person’ (‘ребенок’), т. е. содержит семы ‘person’ (‘человек’), ‘small’ (‘маленький’), ‘young’ (‘молодой’). Несмотря на простоту такого семного состава, стоит подчеркнуть тот факт, что в рецензии было актуализировано не нейтральное слово *child*, а именно *kid*. Здесь представляется возможным говорить о добавочных диктально-эмотивных семах ‘непосредственности’ и, возможно, ‘инфантильности’, смещающих акцент с возраста слушателя/исполнителя (в отличие от *child*) [См.: Бортников 2013: 29–31].

Явление музыкального ярлыка прослеживается в контексте *the tag of “indie”* (06.05.2014). Уточнитель *tag* определяется через своего партнера по синонимическому ряду ‘a label’ (‘ярлык’) и раскрывается с помощью сем ‘term’ (‘термин’), ‘label’ (‘ярлык’), ‘phrase’ (‘фраза’), ‘special’ (‘специальный’), ‘specific meaning’ (‘особое значение’), ‘belonging to a group’ (‘принадлежность к группе’). Здесь мы вплотную подходим к наименованию самого понятия *инди*. В настоящее время наблюдается повсеместное использование данного слова в значении «жанра». В редких случаях, когда говорящий не уверен в обособленности этого музыкального стиля, «инди» наделяется семами ‘направление’, ‘движение’. Иэн Коэн в приведенном предложении говорит о так называемом «ярлыке», или лейбле, который часто «наклеивается» на отдельных исполнителей (см. начало данной статьи). Термин *tag* стал часто используемым из-за музыкальной социальной сети Last.FM, которая категоризирует композиции и альбомы именно при помощи «тэгов» (ключевых слов-привязок).

Подобный анализ был проведен со всеми 103 упоминаниями слова *indie* в рецензиях Иэна Коэна за 2014 год. Семы, выделенные из словарных статей, позволяют уточнить окружение анализируемой единицы. Как видно из вышеуказанных примеров, *indie* очень редко отсылается к своему оригинальному значению, связанному с внешними факторами этого жанра как части индустрии. Современные журналисты вкладывают в это понятие гораздо больший смысл. Прежде всего, в проанализированных рецензиях «инди»-музыка ассоциируется с молодым поколением, не желающим идти за сформировавшимися шаблонами, стремящимся сохранить свою самостоятельность и аутентичность. Тем самым образуется целое течение «инди», и этот ярлык впоследствии «наклеивается» на различных участников данной музыкальной индустрии: музыкантов, слушателей, продюсеров и даже компании.

Приведенный анализ доказывает динамику современного английского языка и его возможность порождать новые единицы, которые раскрывают особое значение, впоследствии становясь культовыми. Однако появляется проблема в проведении границ между тем, что относится к этим ярлыкам, а что — нет. В связи с этим, данное исследование, включающее в себя методики контекстного и компонентного анализов, может помочь в раскрытии этих понятий и их смыслов, что вкладываются людьми в современной коммуникации.

Использованная литература

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012.
2. Бортников В. И. Эмоция в советах и реакциях на них в повести Д.И. Фонвизина «Каллистен» сравнительно с первым русским переводом поэмы Дж. Мильтона «Потерянный Рай» (к вопросу о контент-анализе) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2013. — № 1-2. — С. 29—31.
3. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. — М.; Л.: Наука, 1965.
4. Колианский Г. В. Контекстная семантика. — М.: Наука, 1980.
5. ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Сов. энциклопедия, 1990.
6. Плетнева Н. В. Функциональные особенности усечений в современном английском языке // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: тез. докл. междунар. конф. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2011. — С. 27.
7. Савченко В. В. Структурные типы контекста и их функционирование // Молодые голоса: сб. тр. / под ред. И. В. Шалиной. — Екатеринбург: Изд. дом «Ажур», 2014. — Вып. 3. — С. 91—94.
8. Cohen I. Staff / Pitchfork.com [электронный ресурс] — Режим доступа: <http://pitchfork.com/staff/ian-cohen/>
9. Firth J. R. A Synopsis of Linguistic Theory // Studies in Linguistic Analysis. 1962. — P. 1—27.
10. Plemenitaš K. The Complexity of Lyrics in Indie Music: The Example of Mumford & Sons // Maribor International Review. — 2012. — Vol. 5. — No. 1.

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, ассистентом В. И. Бортниковым

ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. И. Алексеевская

студентка 2 к. УрФУ

В. И. Бортников

к. ф. н., асс. каф. риторики и стилистики УрФУ

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ИДЕНТИФИКАТОР ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА СТАТЕЙ ИЗ «ВИКИПЕДИИ»¹

Основной объект переводоведения — перевод — имеет не меньше, если не сказать больше, определений, чем понятие «текст» в лингвистике текста, «стиль» в лингвистической и литературоведческой стилистике, «слово» в лексикологии. Однако в пособиях, справочниках, учебниках по теории перевода, преследующих цель объять необъятное, привести все эти дефиниции вместе, определение перевода как «речевого произведения в его соотношении с оригиналом» [Федоров 1983: 10] часто ставят первым по порядку [см., например, Гарбовский 2004]. Нам представляется это не случайным. В определении, данном Андреем Венедиктовичем Федоровым, утверждается вторичная природа перевода, вторичная постоянно и вечно, выход за пределы которой возможен лишь при условии отказа от создания собственно перевода (в пользу оригинального текста, переложения, адаптации и др.). Доказательство того, что созданный вариант текста является переводом, мы называем идентификацией [см. Бортников 2012], которая производится в направлении установления того самого соотношения между переведенным и исходным текстом (ПТ и ИТ соответственно), о котором идет речь в определении проф. А. В. Федорова. Это соотношение между вариантами подобными, но не равными, между которыми стоит знак подобия (~), но не равенства (=), иначе — соотношение эквивалентностное, основанное на эквивалентности, а не на тождестве.

1 Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006.

Основные переводоведческие концепции эквивалентности: Л. С. Бархударова, Г. Егера, В. Н. Комиссарова, А. В. Федорова, Е. В. Бреуса, А. Д. Швейцера, Ю. В. Ванникова — выстраивают соответствующие модели на уровненом основании. Приведем некоторые из получившихся многоуровневых теорий в виде следующей таблицы¹:

Уровень эквивалентности по Г. Егеру (Йегер, Jäger)	Уровень эквивалентности по А. Д. Швейцеру [Швейцер 1988]	Уровень эквивалентности по В. Н. Комиссарову (+ по Е. В. Бреусу) [Комиссаров 2013; Бреус 2001]	
денотативный	семантический (референциальный)	лексико-семантического соответствия	(+ формальный уровень)
сигнификативный	семантический (компонентный)	способ описания ситуации	
синтаксический		структуры высказывания	
		описание ситуации	
прагматический		цель коммуникации (цель общения)	
		+ функциональный	
		+ межкультурный	

О запутанности современной теории эквивалентности говорит, прежде всего, отсутствие параллелей в отдельных столбцах, деление отдельных уровней на подуровни, а также повтор, дублирование некоторых уровневых номинаций (типа *семантический* у проф. А. Д. Швейцера). Стабильность, между тем, сохраняют уровни, соответствующие глобальной модели уровней языка, поддерживающие концепцию Л. С. Бархударова, где предполагалось «различать соответственно: перевод

- на уровне фонем;
- на уровне морфем;
- на уровне слов;
- на уровне словосочетаний;

1 Более подробно см.: [Грамматические аспекты перевода 2012: 59–62]. Др. теории эквивалентности подробно описаны в монографических и учебных изданиях: [Koller 1979: 186–191; Гарбовский 2004: 263–316; Munday 2008: 37–47 и др.]

на уровне предложений;
на уровне текста» [Бархударов 1969: 4].

Сопоставление многоуровневых концепций эквивалентности теории Л. С. Бархударова указывает на наибольшую стабильность уровней слова («лексико-семантического соответствия») и предложения («синтаксического»). Последний, между тем, подвергся дроблению в теории В. Н. Комиссарова (см. таблицу). Это говорит о стабильности слова как центральной единице языка и применительно к концепциям эквивалентности в теории перевода.

Рассмотрим примеры проф. Л. С. Бархударова для перевода на уровне слов (word level) [Бархударов 1969: 6]:

He		came		home.
↓		↓		↓
Он		пришел		домой.
My	friend	lives	in	Moscow.
↓	↓	↓	↓	↓
Мой	друг	живет	в	Москве.
Who	told	you		this?
↓	↓	↓		↓
Кто	сказал	вам		это?

Как отмечает и сам автор уровнево-языковой концепции эквивалентности, обычно на уровне слов переводятся «лишь крайне простые и элементарные предложения» [Там же]. Таким образом, идентичности эквивалентности на уровне слова «мешают» трансформации (приемы) — «языковые, точнее — межъязыковые операции», на которые вынужден идти переводчик для адекватной средствам переводящего языка передачи смысла ИТ [Гарбовский 2004: 362].

Из этого следует, что эквивалентность переведенного текста исходному можно идентифицировать на основании трансформаций,

произведенных в этом тексте. Цель настоящей статьи — проверить это предположение на заведомо нехудожественном, не осложненном семантическими преобразованиями тексте, где все слова (гипотетически) используются в прямом значении и изначально (на этапе замысла) преобразований не требуют.

Материалом анализа послужила претендующая на статус энциклопедической статья “Ayn Rand” [Ayn Rand. From Wikipedia, the free encyclopedia] из ресурса «Википедии — свободной энциклопедии». Трансформационные операции ее русского перевода [Айн Рэнд] будут анализироваться в соответствии с четырьмя базовыми механизмами переводческих преобразований. Это механизмы:

- 1) опущения;
- 2) добавления;
- 3) перестановки;
- 4) замены [Рецкер 1974].

В выбранном для разбора тексте сразу обращает на себя внимание значительное расхождение русского и английского вариантов, вызванное тем набором фактов, который излагается в том и другом. Приведем первый абзац статьи в обоих вариантах:

Англ. [Ayn Rand]	Рус. [Айн Рэнд]
Rand was born Alisa Zinov'yevna Rosenbaum (Russian: Алиса Зиновьевна Розенбаум) on February 2, 1905, to a Russian Jewish bourgeois family living in Saint Petersburg. She was the eldest of the three daughters of Zinovy Zakharovich Rosenbaum and his wife, Anna Borisovna (née Kaplan), largely non-observant Jews. Zinovy Rosenbaum was a successful pharmacist and businessman, eventually owning a pharmacy and the building in which it was located. With a passion for the liberal arts, Rand found school unchallenging, and said she began writing screenplays at the age of eight and novels at the age of ten. At the prestigious Stoiunina Gymnasium, her closest friend was Vladimir Nabokov's younger sister, Olga. The two girls shared an intense interest in politics and would engage	Алиса Зиновьевна Розенбаум родилась в Санкт-Петербурге, в семье фармацевта Залмана-Вольфа (Зиновия Захаровича) Розенбаума (1869, Брест-Литовск — между 1941–1943, Ленинград) и его жены, зубного техника Ханы Берковны (Анны Борисовны) Каплан (1880, Санкт-Петербург — ноябрь 1941, Ленинград), старшей среди трех дочерей (Алиса, Наталья и Нора). Зиновий Захарович служил управляющим аптек, принадлежащих сестре Анны Борисовны — Добруле Каплан и ее мужу Иезекиилю Конгейму, где в 1904 году и познакомился со своей будущей женой — дочерью портного, владельца крупного предприятия по пошиву военной формы Бориса (Берки Ицковича) Каплана и фармацевта Розалии Павловны Каплан.

© Алексеевская А. И., Бортников В. И.

in debates: while Nabokova defended constitutional monarchy, Rand supported republican ideals. She was twelve at the time of the February Revolution of 1917, during which she favored Alexander Kerensky over Tsar Nicholas II.

Первый абзац английского варианта охватывает период жизни Айн Рэнд от рождения до 1917 г., в то время как русскому варианту на освещение этого периода требуются целых четыре абзаца. Можно сказать, что трансформации коснулись даже композиционного уровня, уровня членения (сегментации) перевода «Википедии». Между тем, представляется возможным найти сходные по содержанию предложения и рассмотреть произведенные в них трансформации. В настоящей работе освещение получили три таких предложения, стоящие в сильных позициях русского варианта текста: (1) — самое первое (абсолютное начало); (2) — посвященное подруге Алисы и сестре Набокова; и (3) — стоящее в конце первого абзаца ИТ.

Выделим предложение (1):

Rand was born Alisa Zinov'yevna Rosenbaum (Russian: Алиса Зиновьевна Розенбаум) on February 2, 1905, to a Russian Jewish bourgeois family living in Saint Petersburg. She was the eldest of the three daughters of Zinovy Zakharovich Rosenbaum and his wife, Anna Borisovna (née Kaplan), largely non-observant Jews.

Алиса Зиновьевна Розенбаум родилась в Санкт-Петербурге, в семье фармацевта Залмана-Вольфа (Зиновия Захаровича) Розенбаума (1869, Брест-Литовск — между 1941–1943, Ленинград) и его жены, зубного техника Ханы Берковны (Анны Борисовны) Каплан (1880, Санкт-Петербург — ноябрь 1941, Ленинград), старшей среди трех дочерей (Алиса, Наталья и Нора).

Перечислим места, где применен прием опущения:

1) В русском переводе героиня называется сразу настоящим именем, в то время как английскому оригиналу для расшифровки псевдонима требуется уточнение в скобках.

2) Дата рождения главной героини оказалась опущена в русском переводе.

3) В русском варианте опущены все прямые указания на еврейское происхождение героини.

Прием добавления, с избытком в объеме компенсирующий эти опущения, наблюдается в следующих случаях:

1) Русский перевод осложнен скобками там, где даются годы жизни родителей Айн Рэнд.

2) В качестве добавлений в русском тексте выступают обозначения рода деятельности родителей Айн Рэнд (фармацевт и зубной техник).

3) В русском варианте в скобках указаны имена трех дочерей Зиновия Захаровича.

Прием перестановки использован автором русского текста в месте описания семьи центрального персонажа, ср.: рус. *в семье фармацевта Зиновия Захаровича Розенбаума <...> старшей среди трех дочерей* — англ. *She was the eldest of the three daughters of Zinovy Zakharovich Rosenbaum.*

Также следует отметить, что два исходных предложения английского текста объединены в одно в русском варианте.

Таким образом, уже в первом предложении наблюдаются серьезные расхождения в количестве информации, что обусловлено наличием множества добавлений и опущений.

Предложение (2) выглядит в обоих вариантах так:

At the prestigious Stoiunina Gymnasium, her closest friend was Vladimir Nabokov's younger sister, Olga.

В женской гимназии М. Н. Стоюниной Алиса училась вместе с сестрой известного писателя Владимира Набокова Ольгой.

Прием опущения применен в следующих местах:

1) «prestigious» — престижный. Лексема отсутствует.

2) В переводе опущено уточнение, что Ольга являлась младшей сестрой В. Набокова.

3) В русском тексте не сказано, что Ольга была самой близкой подругой Айн Рэнд, фраза *her closest friend* была опущена и заменена на словосочетание «Алиса училась вместе с...» В русском предложении наблюдается смысловая потеря.

Создатель русского текста применил прием добавления в таких случаях:

1) Введено уточнение, что гимназия М. Н. Стоюниной является женской.

2) В русском варианте конкретизируется, что Владимир Набоков был «известным писателем», чего нет в английском тексте.

Наконец, выбранное для разбора предложение (3) выглядит так:

She was twelve at the time of the February Revolution of 1917, during which she favored Alexander Kerensky over Tsar Nicholas II.

В 1917 году после революции в России собственность Зиновия Розенбаума была конфискована, и семья переехала в Крым, где Алиса закончила школу в Евпатории.

Предложение на русском языке не является переводом данного английского предложения, потому что нет соответствия ни на лексическом, ни на синтаксическом, ни на прагматическом уровне.

Последний случай в значительной степени характеризует степень соответствия английских и русских вариантов «Википедии». Это соответствие нельзя определить как вариантно-текстовое и едва ли как соответствие между оригиналом и переводом-пересказом. Скорее, перед нами два разных текста, написанных на одну тему и в одном жанре, имеющих общность на двух разных языках лишь в силу жанрово-тематической близости. Это видно в том числе по фрагментам, описывающим Октябрьскую революцию и поступление Айн в университет:

(1)

Англ. [Ayn Rand]

Рус. [Айн Рэнд]

The subsequent October Revolution and the rule of the Bolsheviks under Vladimir Lenin disrupted the life the family had previously enjoyed. Her father's business was confiscated and the family displaced. They fled to the Crimean Peninsula, which was initially under control of the White Army during the Russian Civil War. She later recalled that, while in high school, she determined that she was an atheist and that she valued reason above any other human virtue. After graduating from high school in the Crimea at 16, Rand returned with her family to Petrograd (as Saint Petersburg was renamed at that time), where they faced desperate conditions, on occasion nearly starving.

В 1917 году после революции в России собственность Зиновия Розенбаума была конфискована, и семья переехала в Крым, где Алиса закончила школу в Евпатории.

Фрагмент (1), как уже отмечалось выше, не является вариантным по отношению к параллельному фрагменту на другом языке. Это

видно невооруженным глазом даже не знающему английского языка читателю.

(2)

Англ. [Ayn Rand]	Рус. [Айн Рэнд]
After the Russian Revolution, universities were opened to women, allowing Rand to be in the first group of women to enroll at Petrograd State University, where, at the age of 16, she began her studies in the department of social pedagogy, majoring in history. At the university she was introduced to the writings of Aristotle and Plato, who would be her greatest influence and counter-influence, respectively. A third figure whose philosophical works she studied heavily was Friedrich Nietzsche. Able to read French, German and Russian, Rand also discovered the writers Fyodor Dostoevsky, Victor Hugo, Edmond Rostand, and Friedrich Schiller, who became her perennial favorites.	2 октября 1921 года Алиса поступила в Петроградский университет по специальности «социальная педагогика» на трехлетний курс, объединявший историю, филологию и право. В годы учебы познакомилась с идеями Фридриха Ницше, оказавшими на нее большое влияние. Окончила университет весной 1924 года. По некоторым источникам она была исключена из университета из-за «буржуазного происхождения». В 1925 году в серии «Популярная кино-библиотека» отдельной книгой вышла первая печатная работа Алисы Розенбаум «Пола Негри» — очерк творчества популярной киноактрисы.

То же можно сказать и о фрагменте (2). Внешне совпадающие по длине абзацы содержат разную информацию о Ф. Достоевском, В. Гюго, Э. Ростане, Ф. Шиллере (английский) и, в частности, о первой публикации Айн Рэнд (русский).

Общность этих столь разных текстов устанавливается через посредство переводческих трансформаций, служащих идентификатором эквивалентности.

Использованная литература

1. Айн Рэнд. Материал из Википедии [электронный ресурс] — Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B9%D0%BD_%D0%A0%D1%8D%D0%BD%D0%B4
2. Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод // Тетради переводчика [уч. записки. Вып. 6] / под ред. Л. С. Бархударова. — М.: Изд-во «Междунар. отношения», 1969. — С. 3—12.
3. Бартников В. И. Категориальная идентификация варианта художественного текста: применение технологии контент-анализа к тематической цепочке в переводе «Потерянного Рая» 1777 г. — Saarbrücken: AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG; LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

© Алексеевская А. И., Бартников В. И.

4. *Бортников В. И.* Текстовые категории как основание сравнения вариантов художественного текста // Вестник Перм. гос. ун-та. Сер. Филология. — 2013. — № 2. — С. 75—85.
5. *Бреус Е. В.* Теория и практика перевода с английского языка на русский: Учебное пособие. Часть 1. — М.: Изд-во УРАО, 2001.
6. *Гарбовский Н. К.* Теория перевода: Учебник. — М.: Издательство МГУ, 2004.
7. Грамматические аспекты перевода: учеб. пособие / Ю. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова и др. — М.: Академия, 2012.
8. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (Лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Альянс, 2013.
9. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. — М.: Междунар. отношения, 1974.
10. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для ин-тов и фак. иностр. яз. Учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 1983.
11. *Швейцер А. Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988.
12. Ayn Rand. From Wikipedia, the free encyclopedia [электронный ресурс] — Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Ayn_Rand
13. *Koller W.* Einführung in die Übersetzungswissenschaft. — Heidelberg — Wiesbaden: Quelle und Meyer, 1979. 200 s.
14. *Munday J.* Introducing Translation Studies. Theories and Applications. Second edition. — New York: [s. l.], 2008.

Статья рекомендована доктором филологических наук, доцентом Е. В. Никольским

Д. А. Бабинец
студентка 2 к. УрФУ

ИССЛЕДОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА В СВЕТЕ ТЕОРИИ УРОВНЕВО-ЯЗЫКОВОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ

В теории языка иерархия языковых уровней построена от меньшей единицы к большей (от фонемы к предложению) таким образом, что каждая меньшая единица входит в состав всех больших, а большие, в свою очередь, состоят из меньших [Бенвенист 1974; Маслов 1975]. Иными словами, из фонем составляются морфемы, слова, предложения; из морфем — слова, предложения; из слов — предложения. В свою очередь, предложения состоят из слов, разложимых на морфемы и далее на фонемы. Выделяются, кроме того, промежуточные единицы: слог

и словосочетание, — также встраиваемые в эту иерархию [Кузнецова 1983: 23].

В трудах Л. С. Бархударова [Бархударов 1969; 1975] эта система была спроецирована на уровни перевода. Были выделены шесть уровней, на которых осуществляется перевод, — фонем, морфем, слов, словосочетаний и предложений, текста. Важно отметить, что в уровневой теории языка текст может включаться в иерархию как пятый и высший уровень, однако в связи с развитием лингвистики текста он чаще рассматривается как феномен речи, а не языка [См.: Купина 1984: 20].

На каждом из шести (по Л. С. Бархударову) уровней перевод имеет свои особенности. Краткий пересказ соответствующей теории эквивалентности находим в «Теории перевода» Н. К. Гарбовского: «Бархударов приводит примеры единиц перевода, соответствующих разным уровням языковой системы:

1) Перевод на уровне фонем: *Heath* [hi:θ]. Каждой фонеме английского слова подбирается сходная по параметрам фонема русского языка. Так, [h] заменяется русской фонемой [x]; [i:] — фонемой [и]; спирант [θ] — русским смычным согласным [т]. Английское имя *Heath* приобретает, таким образом, в русском языке форму *Хит*;

2) Перевод на уровне графем (транслитерация): *Lincoln* ['linkən] в транскрипции должно быть *Линкен*, а не *Линкольн*, смешение транскрипции и транслитерации: *Newton*: последовательная транскрипция — *Ньютен*, последовательная транслитерация — *Невтон*;

3) Перевод на уровне морфем: *table + s = стол + ы*;

4) Перевод на уровне слова: *He came home* = *Он пришел домой*;

5) Перевод на уровне словосочетания: *to come to the wrong shops* (*пойти не в тот магазин*) — обратиться не по адресу. Перевод на уровне словосочетания не ограничивается идиоматикой, но относится и к грамматической асимметрии: *The terrestrial globe (2) is a member of (1) the solar system* — 1. Земной шар входит в солнечную систему — 2. Земля входит в солнечную систему;

6) Перевод на уровне предложения а) пословицы, б) объявления *Slow, men at work* — *Осторожно, дорожные работы*;

7) Перевод на уровне текста — перевод поэзии» [Гарбовский 2004: 255].

Как видно, на традиционный «пословный» перевод эта концепция накладывает, с одной стороны, возможность расчленения слова как центральной единицы на составные части (морфемы, графемы, фонемы), с другой — идею идиоматизации слова в составе словосочетания и пред-

ложения. Из общего языкознания теория уровневой эквивалентности заимствует идею непротиворечивости большего меньшему в пределах иерархии: *Heath* — *Xum*, будучи переводом на уровне фонемы, остается и переводом на уровне морфемы (корневая морфема передается соответствующей ей корневой морфемой), и переводом на уровне слова (так как одно слово передается одним словом). Вариант перевода *He came home* — *Он пришел домой*, сохраняя пословную природу, является в то же время и переводом на уровне словосочетания (*came home* — *пришел домой*), и переводом на уровне предложения (одно исходное предложение соответствует одному предложению перевода). Таким образом, определение уровня перевода осуществляется по наименьшему уровню, на котором безусловно выделяются соответствия (правило Бархударова).

Из этой логики снова выбивается текст. С точки зрения Л. С. Бархударова, текст может являться единицей перевода в том случае, когда переводится не по отдельным предложениям, а по совокупности предложений как единое целое.

Вот как, например, перевел С. Я. Маршак 74 сонет Шекспира [пример взят из изд.: Бархударов 1969: 6]:

Оригинал У. Шекспира	Перевод С. Я. Маршака
So then thou hast but lost the dregs of life, The prey of worms, my body being dead, The coward conquest of a wretch's knife, Too base of thee to be remembered: The worth of that is that which it contains, And that is this, and this with thee remains.	С тобою будет лучшее во мне, А смерть возьмет от жизни быстротечной Осадок, остающийся на дне, То, что похитить мог бродяга встречный. Ей — черепки разбитого ковша, Тебе — мое вино, моя душа.

Не требуется глубокого знания английского языка, чтобы по синтаксису и служебным словам заметить: слова и даже предложения перевода не соотносятся с оригиналом. Художественные образы Шекспира заменены на новые художественные образы Маршака. Сохранена рифма и ритм. Общий смысл текст-оригинала передан и понятен русскому читателю. Значит, утверждает Л. С. Бархударов, перевод можно считать эквивалентным¹.

1 Данная концепция текстовой эквивалентности была существенно уточнена и расширена в рамках категориально-текстовой концепции, сформулированной в трудах Т. В. Матвеевой [Матвеева 1990, 2003, 2012, 2013] и примененной к художественному переводу В. И. Бортниковым [Бортников 2015].

Перевод на уровне текста необходим, когда невозможно перевести текст на любом другом уровне и при этом достичь эквивалентности перевода. Так часто происходит со стихотворными текстами. Например, монолог Гамлета Шекспира был переведен более десятка раз, но ни один перевод не совпал полностью с оригиналом [Дранов 1969: 32—51].

Настоящая статья посвящена применению уровнево-языковой концепции эквивалентности к прозаическому художественному тексту, поэтому проблемы собственно текстовой эквивалентности не касается. Материалом анализа послужил роман «Лев, Колдунья и Платяной шкаф» (“The Lion, the Witch and the Wardrobe”) К. С. Льюиса, рассказывающий о четверых детях (двух братьях и двух сестрах), вывезенных из Лондона из-за опасности Второй Мировой войны в сельскую глушь к старому профессору. В его доме дети находят платяной шкаф, который открывает им двери в волшебную страну Нарнию. Страна много лет находится под властью злой зимней королевы и, по преданию, только четверо детей, дочери Евы и сыны Адама, способны освободить Нарнию и ее обитателей от владычества Белой колдуньи.

Роман, написанный в 1949 году, вызвал большой отклик в обществе. Многие увидели в нем параллели с Библией и не одобрили такие сюжеты в произведении (обзор литературы см. [Эппле 2011]). Но дети влюбились в волшебную сказку тогда и продолжают влюбляться в мир Нарнии сейчас. Не случайно роман признан классикой детской литературы.

Рассмотрим примеры установления эквивалентности на дотекстовых уровнях при переводе романа [Lewis 1949] на русский язык Г. А. Островской. Для удобства анализа предложения в английском оригинале обозначены цифрами в квадратных скобках, а их соответствия в русском переводе — теми же цифрами в скобках с буквой *b* ([1b], [2b] и т. д.):

Текст оригинала: “But what are you?” said the queen again [1]. “Are you a great overgrown dwarf that has cut off its beard?” [2]	Перевод Г. А. Островской: – Какой ты породы? — снова спросила Колдунья. [1b] — Ты что — переросший карлик, который обрезал бороду? [2b]
---	--

[1] Перевод осуществляется на уровне предложения. Несколько изменен смысл вопроса и слова автора (данные изменения не меняют смысла предложения). В [1b] видим: вопрос *что ты?* заменен на *какой ты породы?* В Нарнии не было людей, только животные и волшебные

существа, поэтому в контексте данного романа такой перевод можно читать эквивалентным.

[2] Можно заметить двухуровневый перевод. На уровне морфем переведено слово *overgrown*. Префикс *over-* переведем как *пере-*, корень *grown* — выросший (значение завершенности действия). Получаем перевод — *переросший*.

Сама фраза переведена на уровне предложения. Снова несколько изменен вопрос королевы и комментарий автора, что, как и в первом случае, не меняет смысла высказывания, а сделано для того, чтоб избежать тавтологии.

<u>Текст оригинала:</u> “No, your Majesty,” said Edmund, “I never had a beard, I’m a boy.” [3] “A boy!” said she. [4] “Do you mean you are a Son of Adam?” [5]	<u>Перевод Г. А. Островской:</u> — Нет, ваше величество. У меня еще нет бороды. Я — мальчик. [3b] — Мальчик! — воскликнула Колдунья. [4b] — Ты хочешь сказать, ты — сын Адама? [5b]
--	---

[3] Перевод осуществлен на уровне предложения. Во-первых, переводчик разбивает одно предложение оригинала на три (см. [3b]). Во-вторых, *I never had a beard* заменено на *У меня еще нет бороды*, что несколько меняет смысл оригинального предложения (*никогда не было и еще не было*). Также в этом предложении можно увидеть перевод на уровне фонем. Имя *Edmund* переводится на русский язык транслитерацией как *Эдмунд*.

[4] Перевод осуществлен на уровне предложения с незначительной заменой значений слов.

[5] Перевод осуществлен на уровне предложения с незначительной заменой значений слов.

<u>Текст оригинала:</u> Edmund stood still, saying nothing. [6] He was too confused by this time to understand what the question meant. [7]	<u>Перевод Г. А. Островской:</u> Эдмунд стоял, не двигаясь, и молчал. [6b] К этому времени в голове у него был такой ералаш, что он не понял вопроса королевы. [7b]
--	---

[6] Перевод осуществлен на двух уровнях. На уровне словосочетания переведено английское *saying nothing*. При дословном переводе получилось бы *говоря ничего/ничто*. Г. А. Островская, сохраняя значение словосочетания, переводит его русским глаголом *молчал* (см. [6b]).

Фраза в целом переведена на уровне предложения. Каждому из слов подобран эквивалент.

[7] Перевод осуществлен на уровне предложения с некоторой заменой значений слов. *He was too confused* переведено как *в голове у него был такой ералаш*. Перевод можно считать эквивалентным, поскольку слово *confused* имеет значение ‘запутанность, спутанность’, а русское *ералаш* — ‘беспорядок, путаница’ (разг.) [ТСРЯ 1999: 162] в некоторой степени передает то состояние, в котором находился герой.

<u>Текст оригинала:</u> “I see you are an idiot, whatever else you may be,” said the Queen. [8] “Answer me, once and for all, or I shall lose my patience. [9] Are you human?” [10] “Yes, your Majesty,” said Edmund. [11]	<u>Перевод Г. А. Островской:</u> — Я вижу, что ты — олух, кем бы ты ни был еще, — промолвила королева. [8b] — Отвечай мне наконец, пока у меня не лопнуло терпение. [9b] Ты — Человек? [10b] — Да, ваше величество, — сказал Эдмунд. [11b]
---	---

[8] Перевод осуществлен на уровне предложения с незначительной заменой значений некоторых слов. Однако обратим внимание на слово *idiot*, которому подобран русский эквивалент *олух*. Перевод нельзя считать абсолютно эквивалентным: русское слово *идиот* обладает слишком яркой негативной окраской и не подходит для использования в детской книге. Вероятнее всего, именно поэтому Г. А. Островская заменяет его на более нейтральное *олух*.

[9] Перевод осуществлен на двух уровнях. На уровне словосочетания переведено идиоматическое выражение *once and for all* — *раз и навсегда*. Вся фраза переведена на уровне предложения.

[10] Перевод осуществлен на уровне предложения.

[11] Перевод осуществлен на уровне слов. Каждому слову в предложении подобран русский эквивалент.

<u>Текст оригинала:</u> “And how, pray, did you come to enter my dominions?” [12] “Please, your Majesty, I came in through a wardrobe.” [13] “A wardrobe? [14] What do you mean?” [15]	<u>Перевод Г. А. Островской:</u> — А как ты, скажи на милость, попал в мои владения? [12b] — Простите, ваше величество, я прошел сквозь платяной шкаф. [13b] — Платяной шкаф? [14b] Что ты имеешь в виду? [15b]
---	--

[12] Перевод осуществлен на уровне предложения с незначительной заменой значений слов.

[13] Перевод осуществлен на уровне слов. Каждому слову подобран эквивалент.

[14] Перевод осуществлен на уровне предложения. Изменена грамматика фразы (в русском перед существительным нет артикля. В переводе он не заменен каким-то уточняющим словом). Интерес вызывает слово *wardrobe*, которое может быть переведено на русский язык как просто *шкаф*, как *гардероб* и, собственно, как *плотной шкаф*, что и сделала Г. А. Островская.

[15] Перевод осуществлен на уровне предложения с небольшими изменениями грамматической структуры.

Подведем итоги анализа. Из пятнадцати случайным образом выбранных предложений в тринадцати отмечается перевод на синтаксическом уровне, что указывает на значительную идиоматичность исследуемого произведения (текст не поддается простому переводу «по словам», вынуждает переводчика перестраивать всю синтаксическую структуру). Однако процент собственно синтаксического перевода

чуть ниже, чем $\frac{13}{15} \approx 0,8667$ (86,67%). Связано это с тем, что в ряде образцов перевод осуществляется не только на синтаксическом, но и на морфемном уровне, что заставляет ввести в знаменатель дроби еще одну единицу и рассчитать эквивалентность как равную $\frac{13}{16} = 0,8125$ (81,25%). Если же отдельно отмечать случаи перевода на уровне предложения и словосочетания, то в образцах [1], [3], [4], [5], [7], [8], [10], [12], [14], [15] можно говорить о переводе исключительно на уровне предложения; в случаях же [6] и [9] перевод осуществлен на уровне словосочетания. Таким образом, знаменатель дроби увеличивается еще на две единицы и долю эквивалентности необходимо считать уже от восемнадцати, а не от пятнадцати случаев. Морфемная эквивалентность

рассчитывается как равная $\frac{1}{18} \approx 0,0556$ (5,56%), лексическая — как $\frac{2}{18} \approx 0,1111$ (11,11%), см. образцы [11] и [13]. Величина синтаксической эквивалентности уточняется до $\frac{15}{18} \approx 0,8333$ (83,33%). При этом эквивалентность на уровне словосочетания составляет $\frac{2}{18}$, на уровне предложения — $\frac{13}{18}$.

Полученные статистические данные могут послужить дальнейшему изучению романа К. С. Льюиса «Лев, Колдунья и Платяной шкаф» как с позиций фразеологии и функционирования в нем идиоматических выражений, так и в аспектах его перевода на другие языки.

Использованная литература

1. Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии в переводе (на материале перевода с английского языка на русский) // Тетради переводчика / под ред. докт. филол. наук, проф. Л. С. Бархударова. — Вып. 6. — М.: ИМО, 1969. — С. 3—8.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М.: ИМО, 1975.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974.
4. Бортников В. И. Категориально-текстовая идентификация вариантов художественного текста: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2015.
5. Дранов А. Монолог Гамлета «Быть или не быть». Русские переводы XIX века // Тетради переводчика / под ред. Л. С. Бархударова. — Вып. 6. — М.: ИМО, 1969. — С. 32—51.
6. Кузнецова Э. В. Язык в свете системного подхода: учебное пособие. — Свердловск: Изд. УрГУ, 1983.
7. Купина Н. А. Принципы и этапы лингвистического анализа художественного текста: дис. ... докт. филол. наук. — Свердловск, 1984.
8. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. — М.: Высшая школа, 1975.
9. Матвеева Т. В. Стилистика текстовых категорий // Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. — М.: Издательство Юрайт, 2013. — С. 115—130.
10. Матвеева Т. В. Текстовая категория // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева, В. И. Аннушкин, Е. А. Баженова и др.; Под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 533—534.
11. Матвеева Т. В. Текстовая категория // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск: Изд-во Сибир. федер. ун-та, 2012. — С. 695—697.
12. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.
13. ТСРЯ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. — М.: РАН: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1999.
14. Энгле Н. К. С. Льюис: между академизмом и проповедью // Новое литературное обозрение. — 2011. — № 107. — С. 78—89.
15. Lewis C. S. The Lion, the Witch and the Wardrobe [электронный ресурс] — Режим доступа: <http://etextread.ru/Book/Read/37972>

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, ассистентом В. И. Бортниковым

Е. О. Неугодникова
студентка 3 к. УрФУ

ПРЕПОДАВАНИЕ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА В ВУЗЕ: ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ПЛАНА-КОНСПЕКТА ЗАНЯТИЙ ПО ТЕМЕ «ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ»

Перевод — это самостоятельный вид речевой деятельности, основанный (несмотря на свою самостоятельность) на чтении, письме, аудировании и говорении. Невозможно овладеть переводом, не владея другими видами речевой деятельности; при этом в процессе овладения переводом и тренировки в нем улучшается качество владения всеми другими видами речевой деятельности, т.е. качество владения иностранным языком. И здесь очень важно научить будущих переводчиков творчески подходить к работе над текстом, научить их помнить о том, что перевод — это «тот случай, когда пьющий вино должен оценивать не только вкус, но и химический состав» [Коротич 1978: 75].

В. Н. Комиссаров утверждает, что произошедшие в последние десятилетия изменения в жизни человечества вызвали невиданную потребность в переводах и переводчиках. Профессия переводчика стала массовой, вследствие чего возникла необходимость в большом числе высококвалифицированных переводчиков. Таких переводчиков нужно было целеустремленно и планомерно готовить, и во многих странах появились различные учебные заведения, ставящие перед собой задачу обучения будущих профессиональных переводчиков [см. Комиссаров 2002: 318].

К сожалению, методика преподавания перевода на сегодняшний день является слабо разработанной областью педагогической науки. Поэтому исследователи предпочитают «вести речь не о какой-то жесткой методической линии, а лишь о ряде методических приемов и упражнений, образующих определенную систему, которая может быть видоизменена, сокращена или дополнена в зависимости от конкретных условий» [Латышев, Семенов 2005: 162]. Представляется возможным и необходимым создать такую систему применительно к каждому изучаемому блоку тем, чтобы в итоге получился своего рода инвариантный набор рекомендаций любому преподавателю, будь то маститый лектор-профессор или ведущий семинарские занятия начинающий аспирант.

Наиболее удобно было бы оформить такой набор в виде планов-конспектов занятий. Опубликование сборника планов-конспектов должно помочь преподавателю — как опытному, так и не очень — в подготовке занятия, на которую зачастую не хватает времени. Более того, такой сборник может помочь во время самого занятия в ситуациях, например, отклонения от хода лекции или «визита» каких-либо проверяющих.

По курсу «Теория перевода», преподаваемому студентам-лингвистам в Уральском федеральном университете, выпущен ряд учебно-методических пособий. Основное их содержание — краткий конспект лекций [Илюшкина 2007, 2015] или же некоторые теоретические выкладки, сопровождаемые практическими материалами [Практикум перевода... 2015].

Условный план лекционных занятий выглядит так:

«Лекция 1 (вводная). Проблемы определения перевода. Классификации перевода.

Лекция 2. Проблема переводимости. Виды перевода.

Лекция 3. Единицы перевода.

Лекция 4. Трудности перевода. «Ложные друзья» переводчика.

Лекция 5. Норма перевода.

Лекция 6. Понятие эквивалентности.

Лекция 7. Лексические трансформации.

Лекция 8. Грамматические трансформации.

Лекция 9. Модальность и модальные формы. Приемы перевода фразеологизмов.

Лекция 10. Стиль и экспрессия. Текст и перевод» [Илюшкина 2007].

Проблема такого лекционного изложения состоит в том, что отдельные темы усваиваются студентами лишь теоретически, не получают практического закрепления. На практике же перевода отрабатываются уже более частные случаи, связанные с конкретно взятой парой языков. Наиболее трудным вопросом, требующим практического закрепления в ходе освоения курса «Теория перевода», являются переводческие трансформации (в логике лекций М. Ю. Илюшкиной занимающие позиции №№ 7 и 8).

Ниже предлагается конспект трех теоретико-практических занятий (лекций с вкраплениями практических заданий), количественно расширяющих число лекций на одну, но при этом способствующих более качественному усвоению темы «Трансформации». Если число отводимых на курс «Теория перевода» часов составляет 36, такое расширение

не вызывает затруднений; если же курс факультативный / по выбору и занимает 20 часов (10 лекций), то соответствующие занятия занимают 7-е, 8-е и 9-е место в структура курса, а лекция № 10 объединяет плановые девятую и десятую (модальность и экспрессию, представляющие собой взаимосвязанные явления).

Занятие № 1. Первый этап — начало занятия (5 мин.). Служит для повышения мотивированности учащихся, на данном этапе сообщается цель урока, чтобы учащиеся осмыслили ее. Кроме того, это включает занятие в цепь занятий. Учащимся демонстрируется предложение, на примере которого показывается различие значений слов английского и русского языка. Их неэквивалентность. Затем дается пояснение, что, для того чтобы компенсировать это различие, переводчики прибегают к трансформационным приемам.

Второй этап — ознакомление с типологиями трансформаций по Л. С. Бархударову и Я. И. Рецкеру (40 мин.). Лекционный материал сжато передает классификации ведущих теоретиков перевода [см. Рецкер 1974; Бархударов 1975].

Основная задача этапа тренировки — «автоматизация процессов понимания и использования языкового материала» [Колкер, Устинова, Еналиева 2004: 87]. Для тренировки материала А. Л. Семенов и Л. К. Латышев предлагают 6 типов упражнений, последовательно идущих от рецепции к самостоятельной продукции [см.: Латышев, Семенов 2005]. Среди них есть как переводческие, так и предпереводческие. К первым исследователи относят упражнения по опознанию и квалификации переводческих приемов и объяснению мотивов их использования.

Упражнение № 1 (7 мин.). Цель данного упражнения — закрепление навыка рецепции трансформаций, усвоение навыка классификации. Вопрос звучит так: *Распределите наименования трансформаций в два столбца — по типологиям Л. С. Бархударова и Я. И. Рецкера.*

Упражнение № 2 (7 мин.). Цель данного упражнения — автоматизация навыка восприятия трансформаций, закрепление навыка классификации трансформаций в тексте (опознания и квалификации трансформаций). Формулировка задания: *Сопоставьте оригинал и перевод. Выделите переводческие трансформации, определите их тип по типологиям Л. С. Бархударова и Я. И. Рецкера. Объясните, чем обусловлено их применение.*

Упражнения №№ 3 и 4 (14 мин.) отрабатывают воспроизведение трансформаций, использование переводческих приемов на практике.

Задача учащихся — перевести предложения с английского языка на русский, используя определенные трансформации. Формулировка задания: *Переведите предложения, используя прием... (конкретизации, генерализации; конкретизации, генерализации или антонимического перевода).*

Упражнения №№ 5 и 6 (14 мин.) соотносятся с предыдущими, отличаются только трансформации, которые учащиеся должны использовать: *Переведите предложения, используя прием целостного преобразования, опущения, добавления или компенсации; Переведите предложения, используя все 6 известных вам приемов.*

Завершающий этап (3 мин.) включает в себя подведение итогов и презентацию домашнего задания.

Занятие № 2. После небольшой разминки (3 мин. — устное повторение определений пройденных на первом занятии трансформаций) учащимся презентуются альтернативные классификации А. Д. Швейцера и В. Н. Комиссарова [см.: Швейцер 1988; Комиссаров 2002], с параллельным повторением ранее изученных типологий (20 мин.). Остальное время (65 мин.) отводится на этап тренировки. В том же порядке — от № 1 к № 6 — прорешиваются предпереводческие и собственно переводческие упражнения, однако карточки предлагаются обучаемым в большем объеме (примерно 1 к 2 при увеличении времени от 42 мин. к 65 мин., т. е. примерно 1 к 1,5, поскольку скорость работы с трансформациями должна возражать от занятия к занятию).

Образец карточки для этапа тренировки на занятии № 2:

Практическая работа № 1. Простейшие приемы перевода

1) Примените прием конкретизации или генерализации:

1. I remember once watching two little boys making snowballs.
2. As a precautionary step some 3,000 police were put on special duty to prevent any further outbreaks of trouble.
3. Leading the cries for investigation of the slayings and for the protection of the black community were community spokesmen. Voices from the labour movement were also heard.
4. Rheumatism puts more people off work.
5. A 130-voice choir on the steps of the Lincoln Memorial sang the “Battle Hymn of the Republic” and a death march by Henry Purcell.

II) Примените добавление, опущение или один из трех видов замены:

6. Your name is not *unknown* to me.

7. The treaty was *null* and *void*.

8. Dr. Martin Luther King, *the civil rights leader*, fell a victim of racialism.

9*. Mann *des Augenblicks*, wollte er das sobald wie möglich besprechen.

10. About 2,000 students protested New York Governor Nelson Rockefeller's *presence* in San-Jose.

11. Asked whether in his *100-minute talk* with the Prime Minister on Tuesday he had invited him to visit Moscow, the Foreign Minister said...

12. It seemed to me that my surmises *had not been incorrect*.

В рамках заключительного этапа занятия (2 мин.) подводятся итоги занятия и разъясняется домашнее задание — общее повторение и подготовка к тесту.

Занятие № 3. Первый этап — повторение пройденного материала и прорешивание тренировочного варианта теста (45 мин.).

Второй этап — итоговый контроль по теме (тест — 45 мин.), который может быть расширен в формат итогового контроля по всему курсу (поскольку проводится на 9-м, т. е. предпоследнем, занятии).

Тест состоит из четырех частей. Первый блок содержит 3 вопроса со множественным выбором, второй — задание на сопоставление, третий — выбор из списка использованной в предложении трансформации и последний блок — перевод предложений и классификация трансформационных операций. По аналогии был построен и итоговый тест, приводимый ниже.

Первый блок — два закрытых вопроса, каждый из которых оценивается по 5 баллов (всего — 10 баллов). Образец задания:

I. Выберите правильный вариант ответа:

1. К разновидностям лексических трансформаций по Рецкеру не относится:

a) дифференциация значений;

* Примечание. Предложение № 9 предлагается для перевода студентам, знающим немецкий язык. Предложения №№ 11 и 12 могут быть использованы в качестве небольшой самостоятельной работы (10 мин.) в конце занятия № 2.

- б) конкретизация значений;
- в) антонимический перевод;
- г) замена.

2. Ученый, который предложил следующие виды синтаксических трансформаций: «замена простого предложения сложным, замена главного придаточным, замена сложного простым, замена союзного типа связи бессоюзным», — это:

- а) Л. С. Бархударов;
- б) Я. И. Рецкер;
- в) В. Г. Гак.

Второй блок — задание на соотнесение, которое состоит из одного вопроса и оценивается в 15 баллов (по 5 баллов за каждый верно указанный пункт):

Соотнесите ученого с названием работы:

1. Л. С. Бархударов
 2. Я. И. Рецкер
 3. В. Н. Комиссаров
- а) «Язык и перевод»
 - б) «Современное переводоведение»
 - в) «Теория перевода и переводческая практика»

Третий блок — задания с открытым ответом, в которых нужно написать использованную трансформацию — состоит из трех предложений и оценивается также в 15 баллов (до 5 баллов за каждый ответ).

III. Определите использованный прием (конкретизация, генерализация, антонимический перевод, компенсация, целостное переосмысление, добавление, опущение):

- 1) *He showed us his old beat-up Delaware blanket.*
Он показал нам свое старое, изорванное индейское одеяло.
- 2) *Keep off the flowers on the lawn.*
Не ступай на цветы на газоне.

3) *"Swineburne," he repeated, with the same mispronunciation. "The poet."*
"Swinburne," she corrected.

"Yes, that's the chap," he stammered, his cheeks hot again. "How long since he died?" (J. London. Martin Eden.)

«Свинберн, — повторил он, — поэт».

«Суинберн», — поправила она его.

«Да, он самый, — повторил он, снова покраснев. «Давно он помер?»

(Пер. С. Заяицкого.)

Наконец, четвертый блок содержит одиннадцать предложений. Задача учащихся — перевести предложения и объяснить применение той или иной трансформации. Данный блок оценивается в 60 баллов (12 предложений по 5 баллов, по 3 балла за верный перевод + 2 балла за верное объяснение).

IV. Переведите предложения. Опишите прием, использованный вами при переводе:

1. *Her arms and hands looked rose-colour.*
2. *But if I was puzzled and disconcerted, I was not unimpressed.*
3. *He visits me every weekend.*
4. *The boss told me to come.*
5. *He tried to tidy himself but he forgot the cigarette ash on his trousers.*
6. *His legs and feet were bear-like.*
7. *Preparation for the college in the United States involves a succession of choices. The student does not have to make a choice at an early age as to whether or not he will "go to college."*
8. *The dog sniffed every inch of the ground.*
9. *If you want to cross the street, remember to look at the traffic lights first.*
10. *He was breathless and dead.*
11. *Help yourself, please.*
12. *Help yourself to whiskey, please.*

Тест построен на постепенной градации трудностей: первое задание с закрытыми вопросами является самым простым, затем следуют более сложные на сопоставление и классификацию трансформаций и, наконец, задание на перевод и на применение трансформационных приемов. Все примеры взяты из новейших практикумов по переводу [Грамматические аспекты перевода... 2012; Практикум перевода... 2015]. Универсальность теста и его применимость к промежуточному и итоговому контролю по дисциплине подчеркивается возможностью оценки по 100-балльной шкале (10 + 15 + 15 + 60 баллов за четыре блока соответственно).

Применение описанной методики может быть полезным при подготовке будущих переводчиков как в рамках преподавания теории перевода студентам, обучающимся по направлению «Лингвистика», так и будущим бакалаврам по направлениям «Романо-германская филология», «Регионоведение», «Востоковедение и африканистика», «Международные отношения» и др.

Использованная литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М.: ИМО, 1975.
2. Грамматические аспекты перевода: учеб. пособие / Ю. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова и др. — М.: Академия, 2012.
3. Илюшкина М. Ю. Теория перевода. Учебно-методическое пособие. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2007.
4. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015.
5. Колкер Я. М., Устинова Е. С., Еналиева Т. М. Практическая методика обучения иностранному языку. — М.: Издательский центр «Академия», 2004.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. — М.: ЭТС, 2002.
7. Коротич В. Еще лучше, еще полнее, еще плодотворнее // Вопросы литературы. — 1978. — № 6. — С. 72—82.
8. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. — М.: Издательский центр «Академия», 2005.
9. Практикум перевода: [учебно-методическое пособие для студентов, обучающихся по программе бакалавриата по направлению подготовки 45.03.02 (035700) «Лингвистика»] / сост. М. Ю. Илюшкина, Н. Н. Токарева. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2015.
10. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингв. теории перевода. — М.: Междунар. отношения, 1974.
11. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988.

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, ассистентом В. И. Бортниковым

В. И. Бортников

к.ф.н, асс. каф. риторики и стилистики УрФУ

Т. В. Пырикова

студентка 4 к. УрФУ

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ: ГОСТ ИЛИ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ИНТУИЦИЯ?¹

В 1971 г. переводческая транслитерация получила государственную стандартизацию. Пояснительная записка к ГОСТу 16876-71 содержала следующее предложение: «Настоящий стандарт распространяется на

1 Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006.

транслитерацию букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита в области научной и технической информации» [ГОСТ 16876-71: 1]. Получается, что переводчик газет, художественных произведений, а равно работающие в устной сфере переводчик-синхронист и последовательный переводчик этого стандарта могли не придерживаться¹.

Этот недостаток был исправлен в ГОСТе 2000 г., принятом взамен 16876-71: «Правила согласно настоящему стандарту применяют везде, где требуется обеспечить однозначное представление кирилловского текста латинскими буквами и возможность алгоритмического восстановления текста в исходной кирилловской записи, в частности при передаче документов по компьютерным сетям» [ГОСТ 7.79-2000: 1]. Таким образом, и публицистический, и церковно-религиозный, и художественный перевод оказались покрыты приведенной формулировкой.

Ниже приводится Таблица 4 («Транслитерация славянских алфавитов по системе Б») из ГОСТа 7.79-2000, которую в настоящее время принято использовать при транслитерации в документах:

Кирилловская буква	Латинская транслитерация в языках				
	русском	белорусском	украинском	болгарском	македонском
А	a	a	a	a	a
Б	b	b	b	b	b
В	v	v	v	v	v
Г	g	g	g	g	g
Ґ	—	—	—	—	g'
Д	d	d	d	d	d
Е	e	e	e	e	e
Ё	yo	yo	—	—	—
Є	—	—	ye	—	—
Ж	zh	zh	zh	zh	zh
З	z	z	z	z	z
Ѕ	—	—	—	—	z'
И	i	—	y'	i	i
Й	j	j	j	j	—
Ј	—	—	—	—	j

1 Это же касается переводчика, работающего с текстами церковно-религиозного стиля, в советское время (когда был создан первый ГОСТ) не рассматривавшегося «исключительно по социально-идеологическим причинам» [Купина, Матвеева 2013: 136].

Кирилловская буква	Латинская транслитерация в языках				
	русском	белорусском	украинском	болгарском	македон- ском
І	i, i'	i	i	i, i'	—
Ї	—	—	yi	—	—
К	k	k	k	k	k
Ќ	—	—	—	—	k'
Л	l	l	l	l	l
Љ	—	—	—	—	l'
М	m	m	m	m	m
Н	n	n	n	n	n
Њ	—	—	—	—	n'
О	o	o	o	o	o
П	p	p	p	p	p
Р	r	r	r	r	r
С	s	s	s	s	s
Т	t	t	t	t	t
У	u	u	u	u	u
Ў	—	u'	—	—	—
Ф	f	f	f	f	f
Х	x	x	x	x	x
Ц	cz, c	cz, c	cz, c	cz, c	cz, c
Ч	ch	ch	ch	ch	ch
Џ	—	—	—	—	dh
Ш	sh	sh	sh	sh	sh
Щ	shh	—	shh	sth	—
Ъ	''	—	—	e'	—
Ы	y'	y'	—	—	—
Ь	'	'	'	'	—
Э	e'	e'	—	—	—
Ю	yu	yu	yu	yu	—
Я	ya	ya	ya	ya	—
Ђ (ять)	ye	—	—	ye	—
Ѓ (фита)	fh	—	—	fh	—
Ѕ (ижица)	yh	—	—	yh	—
Ж (юс)	—	—	—	o'	—

Таким образом, если мы говорим об однозначной передаче по-английски, например, таких значимых для русской литературы имен, как *Пушкин*, *Лермонтов*, *Гоголь*, мы обязаны установить по ГОСТу

7.79-2000, что *k* передается однозначно как *k* (но не как *c*), финальное *-v* — как *-v* (но не *-ff*, ср. *Tinkoff* или *Shchegloff*), *ь* — как *‘* (в отличие от рус. *у* — англ. *u*) и т. д.

Следует ли из сказанного, что переводчик, передающий в том числе говорящие имена, в частности, в художественном тексте, оказывается связан «серыми», в прямом смысле «канцелярскими» таблицами ГОСТа 7.79-2000? Интуиция подсказывает, что в большинстве научных текстов мы встречаем запись *Gogol* без апострофа (соответствующего мягкому знаку). Редко встречаются и транслитерационные варианты *c*, *cz*, соответствующие русскому *ц*: отечественные исследователи предпочитают «по старинке» зарекомендовавшее себя *ts*. Таким образом, открывать ГОСТ или действовать по интуиции — дело не только каждого отдельного переводчика, но и каждого отдельного научного работника.

Стандартизация перевода имеет одно несомненное достоинство: она позволяет рассчитать переводческую эквивалентность. Несмотря на природу художественного текста, стремящегося вырваться за пределы каких бы то ни было стандартов, расчет эквивалентности художественного перевода был и остается необходимым, поскольку позволяет определить меру приближения к тексту оригинала. Ниже приводится один из возможных алгоритмов такого расчета.

В «Тетрадах переводчика» 1969 г. Л. С. Бархударов предложил следующие схемы определения лексических соответствий при переводе отдельных предложений [Бархударов 1969: 6]:

Who	told	you	this?	
↓	↓	↓	↓	
Кто	сказал	вам	это?	
My	friend	lives	in	Moscow.
↓	↓	↓	↓	↓
Мой	друг	живет	в	Москве.

Подобно тому как предложение состоит из слов, слово состоит из букв (звуков). Отсюда следует, что алгоритм Л. С. Бархударова применим и к сопоставительному анализу в случаях транскрипции / транслитерации.

В качестве материала анализа были взяты имена персонажей романа “Good Omens” (1990, в русском переводе — «Благие знамения», 2012). Авторы романа — Терри Пратчетт и Нил Гейман — были благосклонно приняты публикой и прессой: «Мистер Пратчетт очаровал нас — и своим типично английским чувством юмора, и открытостью» [Ливси 2015]. Авторы преподнесли, казалось бы, удручающее событие апокалипсиса в юмористическом ключе. Повествование ведется с точек зрения различных по возрасту и социальному статусу героев: ангела Азирафаэля и демона Кроули, рядового армии ведьмолотов Ньютона Пульцифера и сержанта армии ведьмолотов Шедвелла, пророчицы Анафемы Гаджет, а также группки детей под предводительством сына Сатаны Адама.

После небольшого «предупреждения» (*Дети! Устраивать Армагеддон может быть опасно. Не пытайтесь повторять это дома*), «посвящения» (*Авторы присоединяются к мнению демона Кроули и посвящают роман памяти Г. К. Честертона — человека, который понимал, что происходит*) и вступления роман предваряется списком действующих лиц. Мы приведем этот список полностью, поскольку он представляет собой сплошную выборку всех имен в романе:

Сверхъестественные существа

Бог (Бог)
 Метатрон (Глас Божий)
 Азирафаэль (ангел и по совместительству букинист)
 Сатана (падший ангел, враг рода человеческого)
 Вельзевул (также падший ангел и князь преисподней)
 Хастур (еще один падший ангел и герцог преисподней)
 Лигур (опять-таки падший ангел и герцог преисподней)
 Кроули (ангел, не столько падший, сколько катившийся по наклонной)

Всадники Апокалипсиса

Смерть (Смерть)
 Война (Война)
 Голод (Голод)
 Загрязнение (Загрязнение)

Люди

Не-Прелюбы-Сотвори Пульцифер (ведьмолов)
 Агнесса Псих (пророчица)
 Ньютон Пульцифер (бухгалтер, рядовой Армии ведьмолотов)

Анафема Гаджет (практикующая оккультистка, не так по призванию, как по наследству)

Шедвелл (сержант Армии ведьмоловов)

Мадам Трейси (Нарумяненная Иезавель [часы приема: будни по утрам, четверг по предварительной записи] и медиум)

Сестра Мэри Таратора (монахиня-сатанистка из Неумолчного ордена святой Бериллы)

Мистер Янг (отец)

Мистер Тайлер (председатель муниципалитета)

Посыльный

Эти

Адам (Антихрист)

Пеппер (девочка)

Уэнслидэйл (мальчик)

Брайан (мальчик)

Массовка

Обитатели Тибета, иных планет, Америки, Атлантиды и прочие редкие и странные Создания Последних Дней.

А также

Барбос (дьявольский цербер и гроза кошек) [Пратчетт, Гейман 2011: 10–11].

Обратимся к именам конкретно указанных персонажей. Сопоставительный анализ показывает, что примеры чистой транслитерации встречаются в приведенном списке крайне редко. Например:

М	е	т	а	т	р	о	н		Н	а	с	т	у	р
↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓		↓	↓	↓	↓	↓	↓
М	е	т	а	т	р	о	н		Х	а	с	т	у	р

Аналогично редки примеры чистой транскрипции:

<i>Crowley</i> ['krəʊli]						<i>Tracy</i> ['treisi]				
к	р	əu	л	и		т	р	ei	с	и
↓	↓	↓	↓	↓		↓	↓	↓	↓	↓
к	р	оу	л	и		т	р	ей	с	и

Из 26 имен, выделенных в приведенном списке, лишь три подчиняются чистой транскрипции и пять — транслитерации. Кроме *Кроули* и *Трейси*, в транскрипцию попадает еще *Wensleydale* ['wenslideɪl] — *Уэнслидейл*. Транслитерации же, кроме приведенных имен *Metampron* и *Хастур*, подверглись имена *Ligur* — *Лигур*, *Adam* — *Адам* и *Pepper* — *Пенпер*.

В заключение отметим, что выбираемый переводчиком способ перевода может любопытным образом группировать действующих лиц. Так, из всех ангелов договор с «катящимся по наклонной» *Кроули* заключают именно *Хастур* и *Лигур* (но не *Азирафаэль*, не *Сатана* и не *Вельзевул*). Вероятность того, что важнейший для сюжета романа документ о подмене ребенка на антихриста заключат конкретные два из пяти ангелов, составляет всего 10%, поскольку эти ангелы могут сгруппироваться в пары десятью разными способами. Только один из этих способов срabатывает — как нам кажется, неслучайно. Неслучайным представляется и тот факт, что в кратком вступлении к роману центральный персонаж *Кроули* несколько раз назван *Кровлей* — синтез транскрипции и транслитерации. Перевод как бы стремится вырваться из-под власти ГОСТов — и, хотя ему это удастся не везде, он, как и всякий художественный текст, начинает жить по своим внутренним композиционным и логико-семантическим законам, приспособлявая под них задействованные при его создании транскрипцию и транслитерацию.

Использованная литература

1. Бархударов Л. С. Уровни языковой иерархии в переводе (на материале перевода с английского языка на русский) // Тетради переводчика / под ред. Л. С. Бархударова. — Вып. 6. — М.: ИМО, 1969. — С. 3–8.
2. ГОСТ 16876-71. Правила транслитерации букв кирилловского алфавита буквами латинского алфавита. М.: Государственный комитет СССР по стандартам, 1971.
3. ГОСТ 7.79-2000. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом. — Минск: Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 2000.
4. Кутина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. — М.: Издательство Юрайт, 2013.
5. Ливси Е. Терри Пратчетт: Нам с Джоан Роулинг нечего делить // Комсомольская правда. 12 марта 2015 г.
6. Пратчетт Т., Гейман Н. Благие знамения. — М.: Эксмо, 2012.

Статья рекомендована доктором филологических наук, доцентом Е. В. Никольским

Молодые голоса

Сборник трудов молодых ученых

ВЫПУСК 5

Под редакцией доктора филол. наук И. В. Шалиной

Подписано в печать 12.05.2016.

Формат 60×88/16. Усл. печ. л. 11,3. Уч. изд. л. 10,2. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии ООО Издательский Дом «Ажур»
620075, Екатеринбург, ул. Восточная, 54, тел. (343) 350-78-28

E-mail: azhur.ek@mail.ru, <http://www.ajur.ur.ru>

Заказ № 12/05-2